

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (48) 2019

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2019

Вестник Волгоградской
академии МВД России.
Выпуск 1 (48) 2019 :
науч.-метод. журнал. —
Волгоград : ВА МВД
России, 2019. — 192 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2006 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций
4 июня 2012 г.
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-50037

Подписной индекс
в каталоге
«Роспечать» — **22761**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Анисимов, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Н. И. Батурина, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Н. Гуляхин, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета, доктор философских наук, доцент.

И. С. Дикарев, директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. И. Косяченко, профессор кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, начальник кафедры уголовного права и криминологии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Е. А. Матвиенко, начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминалистики Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

Редакторы
С. М. Голятина,
А. В. Секретева
Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоград,
ул. Историческая, 130.

Подписано в печать:
18.03.2019.

Дата выхода в свет:
27.03.2019.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 24,0.
Усл. печ. л. 22,3.
Тираж 500. Заказ № 10.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513 руб. 44 коп.
(2 номера).

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоград,
ул. Коммунистическая, 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2019

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

С. И. Рябов, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, доктор исторических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

П. М. Филиппов, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Состав редакционной коллегии

О. А. Абрамов, начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

С. М. Голятина, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. В. Котельников, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.
Issue 1 (48) 2019 :
scientific and methodical journal. —
Volgograd : VA MVD
Russia, 2019. — 192 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-50037
as of June 4, 2012

Subscription index
at the catalogue
"Rospechat": **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

A. P. Alekseeva, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Baturina, Associate Professor of the Civil Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Criminal Proceeding and Criminalistics Department of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. N. Gulyaikhin, Head of the Department of Social Work and Pedagogics of the Volgograd State University, Doctor of Philosophical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Faculty of Law of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. I. Kosyachenko, Professor at the Department of Tactical and Special Training of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the OVD of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

E. A. Matvienko, Head of the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences, Docent.

Editors
S. M. Golyatina,
A. V. Sekreteva

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
18.03.2019.

Date of publication:
27.03.2019.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.

Physical print sheets 24,0.
Conventional print sheets 22,3.
500 copies. Order № 10.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513 ruble 44 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia.
400131, Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia,
2019

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. I. Ryabov, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Historical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

P. M. Filippov, Professor at the Civil Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

O. A. Abramov, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

S. M. Golyatina, Editor of the Editorial Board of the journal „Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia“ of the Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, senior lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. V. Kotelnikov, Deputy Head of the Civil Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Егорова Н. А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Кальченко Н. В. Соотношение публичных и частных интересов (на примере института ограничения прав супругов и близких родственников террористов)
Попов В. В. Субъективное право как дублирующий или косвенный экспонент нормативного юридического предписания

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Баранчикова М. В. Типология личности преступника, совершившего хулиганство в сфере функционирования пассажирского транспорта
Долинко В. И. Современная уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности
Кузнецов В. А., Кузнецова Е. В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети «Интернет»
Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. Проблемы квалификации хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа
Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: проблемы применения нормы о необходимой обороне
Рыбак С. В., Дедковский А. А. Унификация законодательства Евразийского экономического союза как условие эффективного противодействия незаконному обороту наркотиков.
Спиридонов А. И. Правовая регламентация ответственности за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий в зарубежном уголовном законодательстве.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Австрийсков А. В. Ретроспектива использования технических средств оперативно-разыскного назначения при раскрытии и расследовании преступлений в России

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

8 *Egorova N. A.* Social danger of a crime: theory, legislation, judicial practice

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

18 *Kalchenko N. V.* The correlation of public and private interests (based on the example of the institution of restricting the rights of terrorists' spouses and close relatives)
27 *Popov V. V.* Subjective right as a duplicate or indirect signifier of a normative legal prescription

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

33 *Baranchikova M. V.* Personality typology the perpetrator having committed hooliganism in the sphere of passenger transport
40 *Dolinko V. I.* Modern criminal legal policy Russian Federation in the sphere of economic security
45 *Kuznetsov V. A., Kuznetsova E. V.* The prevention of delinquent behavior of juveniles produced of content of the Internet
51 *Likholetov A. A., Likholetov E. A.* Problems of qualification of embezzlement committed by using the electronic payment facilities
57 *Nikulenko A. V.* The circumstances excluding criminality of act: application of the rules on defense
64 *Rybak S. V., Dedkovsky A. A.* Unification of legislation of Eurasian Economic Union as a condition of effective counteraction to unlawful drug traffic
72 *Spiridonov A. I.* Legal regulation of responsibility for the implementation of the election rights or the work of the election commissions for foreign criminal legislation

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

79 *Avstriyskov A. V.* Retrospective use of technical means of operational-investigative purposes in the disclosure and investigation of crimes in Russia

Артюхов А. В. Проблемы ведомственной оценки результатов деятельности подразделений уголовного розыска территориальных органов внутренних дел Российской Федерации
 Бирюков С. Ю. Деятельность следователя на месте происшествия: процессуальный и организационный аспекты
 Евстифеева Е. П. Выявление преступлений, предусмотренных статьей 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации
 Замылин Е. И., Закатов А. А. Плановость как важнейшее организационное требование к розыскной деятельности следователя
 Карпова О. В. О процессуальных полномочиях начальника подразделения дознания на стадии возбуждения уголовного дела
 Катков С. В., Белокобыльская О. И. Закономерности оперативной-розыскной политики: отдельные вопросы теории и практики
 Лавнов М. А. Решение о прекращении уголовного дела и его правовые свойства
 Муминджонов Ф. Т. Проблемы доказывания по уголовным делам об экстремизме и терроризме в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан
 Проваторова К. В. Система нормативных положений, регламентирующих общие условия предварительного расследования: становление и пути реформирования
 Пуцеева А. В. Особенности взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных и экспертных подразделений при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними
 Свежинцев Е. И. Уголовно-процессуальные средства получения доступа к информации, содержащейся в электронных системах обмена сообщениями (данными)
 Трубочанинов А. В. Особенности возбуждения уголовного дела и планирования на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ
 Устинов Д. С. Взаимосвязь поведенческой характеристики обвиняемого (подсудимого) с судебными решениями
 Хоршева В. С. О некоторых аспектах взаимодействия следователя, дознавателя с оперативными подразделениями органов внутренних дел в ходе расследования преступлений
 Чеботарева И. Н. Отказ от реализации субъективного права в уголовном процессе

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Костюченко Н. И. Проблемы теории государственного управления, связанные с отсутствием в Российской Федерации специальности «наука управления»

Artukhov A. V. Problems of the departmental assessment of the performance results of the criminal investigation units of the local internal affairs agencies of the Russian Federation
 Birukov S. Yu. Investigator' actions at crime scene: procedural and organizational aspects
 Evstifeeva E. P. Identifying crimes provided by article 171.2 of the Criminal code of the Russian Federation
 Zamylin E. I., Zakatov A. A. Planning as an essential organizational requirement for investigative activities
 Karpova O. V. On procedural authorities of the head of inquiry unit at the stage of initiating a criminal case
 Katkov S. V., Belokobylskaya O. I. Regularities of operational-personal policy: selected questions of theory and practice
 Lavnov M. A. Decision to close a criminal case and its legal features
 Mumindjonov F. T. Problems of proof in criminal cases of extremism and terrorism in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan
 Provatorova K. V. System of regulatory provisions on preliminary investigation: formation and reforming
 Puptseva A. V. Features of interaction of the investigator with employees of operational and expert units in the investigation of crimes, made in minors
 Svezhintsev E. I. Criminal-procedural means of obtaining access to information contained in electronic exchange messages (data) systems
 Trubchaninov A. V. Specific features of initiating criminal case and planning initial stage of investigating crimes, relating to creation, use and spreading of harmful software
 Ustinov D. S. Correlation between a behavioral feature of an accused (defendant) and court decisions
 Khorsheva V. S. On some aspects of interaction of the investigator, researcher with operational services of the interior bodies during the investigation of crimes
 Chebotareva I. N. Refusal of the subjective right (waiver) in criminal procedure

SCIENTIFIC DISCUSSION

Kostuchenko N. I. Problems of public management associated with the absence in the Russian Federation speciality „management science“

Н. А. Егорова**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА**

В статье анализируется понимание общественной опасности преступления, ее критериев в теории уголовного права, уголовном законодательстве и правовых позициях высших судебных инстанций СССР и Российской Федерации.

Констатируется отсутствие единого подхода к общественной опасности преступления в судебной практике. На основе проведенного обзора разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Российской Федерации дана критическая оценка, во-первых, рекомендации определять характер общественной опасности в соответствии с уголовным законом, а ее степень с учетом конкретных обстоятельств содеянного; во-вторых, отнесению вины к характеристикам общественной опасности (количественной либо качественной).

Предлагается отказаться от многозначности термина «общественная опасность» в уголовном законе. Обосновывается необходимость трактовки общественной опасности как свойства преступления, определяемого его объективными признаками (объектом и характером последствий). Приводится авторская редакция новой ст. 14.1 («Общественная опасность преступления»), редакция ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации «Общие начала назначения наказания», а также официальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о характере и степени общественной опасности преступления.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность преступления, характер общественной опасности преступления, степень общественной опасности преступления.

N. A. Egorova**SOCIAL DANGER OF A CRIME:
THEORY, LEGISLATION, JUDICIAL PRACTICE**

The article contains an analysis of a conception of social danger of a crime, its criteria in the theory of the criminal law, criminal legislation and legislative legal determination of the USSR and RF Supreme judicial authorities.

It is stated that there is no consistent approach to the social danger of a crime in judicial practice. Based on the observation of the explanations given by Plenum of the USSR and RF Supreme Court a critical evaluation is given, firstly, to the recommendation to determine nature of social danger in accordance with legal law and its level with due account for particular circumstances of actions committed; secondly, to classification of guilt as social danger characteristic (quantitative or qualitative).

It is proposed to waive polysemy of the term 'social danger' in legal law; it is proved that social danger shall be interpreted as crime attribute defined by its objective essential elements (object and consequences type). An author's edition of article 14.1 ("Social danger of a crime") is given; a new edition of part 3 of article 60 of the RF Criminal Code ("General principles of punishment assignment"), as well as of official explanation given by Plenum of the RF Supreme Court regarding nature and level of social danger of a crime is given.

Key words: crime, social danger of a crime, nature of social danger of a crime, level of social danger of a crime.

Общественная опасность была и остается воспринятым уголовным законодательством, наукой и правоприменительной практикой признаком (как иногда уточняется, ведущим [1, с. 97—98], материальным [2, с. 260], основополагающим [3, с. 4], базовым для криминализации [4], первичным [5, с. 140] свойством) преступления. Исследованию общественной опасности в уголовном праве посвящены монографические издания и диссертации [4]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10]. Несмотря на их теоретическую ценность и прикладную значимость, для реального бытия уголовного права в форме уголовно-правовых отношений приоритетными все же являются положения Уголовного кодекса Российской Федерации* (далее — УК РФ) и правовые позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Давняя теоретическая дискуссия о том, обладают ли общественной опасностью только преступления либо все правонарушения, не завершена [1, с. 103—110] и может продолжаться сколь угодно долго. Однако сегодня в иноотраслевых (кроме УК РФ) кодифицированных нормативных правовых актах общественная опасность формально не закреплена в качестве признака неуголовных правонарушений (см. например ч. 1 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 106 Налогового кодекса Российской Федерации; ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации).

Как известно, в российском уголовном законе понятие общественной опасности не раскрывается. В части 1 ст. 14 УК РФ общественная опасность упомянута как присущее преступлению свойство, в ч. 2 этой же статьи констатируется отсутствие общественной опасности у малозначительного деяния. Помимо ст. 14 УК РФ характеристика деяния и (или) его последствий как общественно опасных встречается в ч. 1 ст. 5, ч. 2 ст. 9, ч. 3 ст. 20, чч. 1 и 2 ст. 21, ст. 22, чч. 2 и 3 ст. 25, чч. 2 и 3 ст. 26, чч. 1 и 2 ст. 28, чч. 1 и 3 ст. 37, ч. 3 ст. 47, ч. 1 ст. 81, чч. 1 и 3 ст. 207 УК РФ. Характер и (или) степень общественной опасности упоминаются в ч. 1 ст. 6, ч. 1 ст. 15, ч. 6 ст. 15, ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 60, ч. 1.1. ст. 63, ч. 1 ст. 64, ч. 1 ст. 68, ч. 2 ст. 73, ст. 80.1, п. 1 примечаний к ст. 134 УК РФ. Кроме того, в ч. 1 ст. 75, ст. 80.1, п. 1 примечаний к ст. 134 УК РФ речь идет об общественной опасности лица, совершившего преступление.

Из сопоставления ч. 2 ст. 2 и ч. 1 ст. 14 УК РФ предположим, что общественная опасность есть опасность «для личности, общества или государства», но в чем именно она заключается? Ответ на данный вопрос можно было получить посред-

ством анализа ч. 2 ст. 14 УК РФ в ее первоначальной редакции. Однако Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ ч. 2 ст. 14 УК РФ была изменена: часть предложения, где раскрывалась сущность общественной опасности (причинение вреда или создание угрозы причинения вреда личности, обществу, государству), была исключена, и это решение законодателя нашло поддержку в науке [11, с. 216—218]. Общественная опасность остается, пожалуй, самым неопределенным из всех закрепленных в ч. 1 ст. 14 УК РФ признаков преступления (общественной опасности, уголовной противоправности, виновности, наказуемости). Для сравнения отметим, что вине посвящена целая глава Общей части УК РФ (гл. 5), наказанию — раздел III УК РФ; уголовная противоправность и наказуемость находят воплощение в запретах отдельных видов поведения и установлении за них санкций в статьях Особенной части УК РФ. Но общественная опасность, ее понятие и основные характеристики, к сожалению, не нашли адекватного потребностям практики отражения в уголовном законе.

В тексте УК РФ упоминаются такие аспекты общественной опасности, как ее характер и степень. Высшие судебные инстанции СССР и Российской Федерации неоднократно обращались к вопросу о характере и степени общественной опасности преступления, причем в связи с практикой назначения наказания. Приемлемы ли указанные правоположения в актах судебного толкования только для назначения наказания либо отражают специфику общественной опасности преступления как вида правонарушения? Связь между положениями ч. 1 ст. 14 и ч. 3 ст. 60 УК РФ не есть общепризнанный факт, и рассмотрение общественной опасности преступления, упомянутой в ч. 1 ст. 14 УК РФ, через призму ее характера и степени, названных в ч. 3 ст. 60 УК РФ и интерпретированных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, не является общим правилом [12, с. 128—138]; [13, с. 94—96]; [14, с. 274—278]; [15, с. 152—162]; [16, с. 35—37].

Не выработан единый подход к вопросу о критериях характера и степени общественной опасности преступления. Покажем это на примере трактовок данных понятий в постановлениях высших судебных инстанций СССР и Российской Федерации, актуальных в периоды действия УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. № 3 «О практике применения судами мер уголовного наказания» характер и степень общественной

опасности преступления упоминались, но их содержание не раскрывалось. Как следует из п. 1 данного документа, характер и степень общественной опасности преступления не включают в себя личность виновного и «обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность».

В абзаце втором п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания» (формально не отменено, далее — ППВС СССР от 29.06.1979 № 3) указано: «При определении степени общественной опасности совершенного преступления следует исходить из совокупности всех обстоятельств, при которых было совершено конкретное преступное деяние (форма вины, мотивы, способ, обстановка и стадия совершения преступления, тяжесть наступивших последствий, степень и характер участия каждого из соучастников в преступлении и др.)». Примечательно, что в данном постановлении нет разъяснений о характере общественной опасности преступления. В научных трудах 60—80-х гг. XX в. характер общественной опасности понимался неоднозначно: либо как свойство, присущее целому виду преступлений и определяемое их объектом, либо как свойство вида преступлений и отдельного преступления, зависимое от ряда факторов (объекта и др.) [17, с. 48—50].

В абзаце третьем п. 1 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (далее — ППВС РФ от 11.06.1999 № 40) отмечалось, что «характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (статья 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого при совершении преступления в соучастии)». Суждение о том, что характер общественной опасности преступления зависит от его категории, вызвало справедливую критику в литературе. Согласно ч. 1 ст. 15 УК РФ преступления подразделяются на категории «в зависимости от характера и степени общественной опасности». Это означает, во-первых, что, если категория преступления производна от характера его общественной опасности, характер обществен-

ной опасности уже не может зависеть от категории преступления [7, с. 36]; [18, с. 20—24]; [19, с. 25], иначе имеет место логическая ошибка; во-вторых, степень (а не только характер) общественной опасности также связана с категоризацией преступлений.

Нетрудно заметить, что в ППВС СССР от 29.06.1979 № 3 форма вины рассматривается в качестве индикатора степени общественной опасности, а в ППВС РФ от 11.06.1999 № 40 — характера общественной опасности преступления. Обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности, в обоих документах приводятся в виде открытых перечней.

В утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» содержанию понятий «характер» и «степень» общественной опасности преступления внимание не уделялось. Они раскрывались в абз. втором п. 1 ныне не действующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» (далее — ППВС РФ от 29.10.2009 № 20): «Характер общественной опасности преступления определяется в соответствии с законом с учетом объекта посягательства, формы вины и категории преступления (статья 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления — в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от размера вреда и тяжести наступивших последствий, степени осуществления преступного намерения, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличия в содеянном обстоятельств, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации».

Из правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации в ППВС РФ от 11.06.1999 № 40 и ППВС РФ от 29.10.2009 № 20 видно, что характер общественной опасности рассматривался как показатель, устанавливаемый всецело на основании уголовного закона; степень же попадала в зависимость от обстоятельств конкретного преступления. Такой подход вряд ли можно принять полностью, ведь конкретные обстоятельства содеянного могут относиться и к объекту преступления (например, при наличии в данной ситуации дополнительного факультативного объекта), и к вине

(виды умысла и неосторожности, их неповторимое предметное содержание).

В действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее — ППВС РФ от 22.12.2015 № 58) указано: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред» (абз. третий п. 1). Таким образом, правовая позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно характера общественной опасности преступления в корне поменялась по сравнению с ППВС РФ от 11.06.1999 № 40 и ППВС РФ от 29.10.2009 № 20. Теперь характер общественной опасности хотя и по-прежнему понимается как законодательно предусмотренное свойство преступления, подлежащее установлению правоприменителем, определяется *в зависимости от всех (а не некоторых, как было прежде) признаков состава преступления*. Объект посягательства («охраняемые уголовным законом социальные ценности») все-таки остается приоритетным критерием характера общественной опасности преступления. Но вот что понимается под причиненным им (этим социальным ценностям — Н. Е.) вредом? Казалось бы, это должен быть *характер* вреда объекту посягательства, тесно связанный с особенностями самого объекта, т. е. преступные последствия того или иного вида (вред физический, имущественный, моральный, организационный). Однако разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно степени общественной опасности преступления опровергает это предположение.

Отказ Пленума Верховного Суда Российской Федерации усматривать связь между характером общественной опасности и категорией преступления следует оценить положительно по причинам, приведенным выше. Объяснение такой перемены правовой позиции Пленума появлением в 2011 г. ч. 6 ст. 15 УК РФ [20] представляется неубедительным.

В абзаце четвертом п. 1 ППВС РФ от 22.12.2015 № 58 разъясняется: «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от *характера* (курсив автора —

Н. Е.) и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления».

Итак, в процитированном фрагменте степень общественной опасности преступления связывается не с описанием его признаков в уголовном законе, а с конкретными обстоятельствами дела. Характер последствий отнесен к показателям степени общественной опасности преступления, как и некоторые смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Аналогичный подход виден в абз. втором п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» («суд принимает во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер (курсив автора — Н. Е.) и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности»).

Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, действительно, могут относиться как к преступлению, так и к личности виновного (см. ч. 3 ст. 60 УК РФ). Но вот определение степени (количественного показателя) общественной опасности через характер (качественный показатель) вреда вряд ли верно.

Обзор правовых позиций высших судов СССР и Российской Федерации показывает, что единого понимания важнейших аспектов общественной опасности в судебной практике не было и нет. При этом во всех приведенных правоположениях вызывают несогласие: 1) рекомендация определять характер общественной опасности в соответствии с уголовным законом, а ее степень — с учетом конкретных обстоятельств содеянного; 2) отнесение вины к характеристикам общественной опасности (количественной либо качественной).

В науке уголовного права признано, что «характер» и «степень» общественной опасности — это, соответственно, ее «качество» и «количество» [21, с. 721]. *Оба рассматриваемых параметра преступления (качественный и количественный) имеют свое бытие на двух уровнях: законодательном и правоприменительном.* Иными словами, как характер, так и степень общественной опасности преступления могут быть *типовыми* (предусмотренными уголовным законом) и *индивидуальными* (характеризующими конкретные преступления) [21, с. 721, 724, 729—730]; [22, с. 58—60]; [23, с. 67], поэтому представляется ошибочным заключение об определении характера общественной опасности исключительно на основании уголовного закона, а ее степени только на основе конкретных обстоятельств дела.

Сомнительны и попытки внедрить в сферу общественной опасности признаки субъективной стороны преступления. Действующий уголовный закон Российской Федерации (прежде всего ч. 1 ст. 14 УК РФ, где виновность имеет статус самостоятельного признака преступления, а также ст. 21, 25, 26, 28 УК РФ) дает основания для вывода, что вина находится за пределами содержания общественной опасности. При сопоставлении ч. 1 ст. 14 УК РФ и ст. 7 УК РСФСР 1960 г. нельзя не обратить внимания на то, что в последнем советском уголовном кодексе виновность отсутствовала среди законодательно закрепленных признаков преступления («Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, все формы собственности, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом»), в связи с чем включение признаков субъективной стороны в содержание характера и степени общественной опасности имело свою логику (то же — в ст. 6 УК РСФСР 1922 г. и ст. 6 УК РСФСР 1926 г., а также в ст. 5, 6 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. и преамбуле Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.). Но и это само по себе не свидетельствует об интегрированности вины в общественную опасность преступления, ведь виновность еще в советской науке уголовного права рассматривалась как самостоятельная составляющая преступления [24, с. 25] либо как при-

знак, охватываемый уголовной противоправностью [25, с. 164], а не общественной опасностью. В современной теории уголовного права вина позиционируется в качестве самостоятельного признака, не выводимого ни из общественной опасности преступления, ни из его противоправности [1, с. 152].

Почему же высшая судебная инстанция России по-прежнему связывает характер и степень общественной опасности преступления с признаками его субъективной стороны? Вина, ее формы и виды, мотивы и цели преступления, безусловно, подлежат учету при назначении наказания, но едва ли имеют отношение к общественной опасности преступления, ее характеру либо степени. Видимо, дело в том, что между ч. 1 ст. 14 и ч. 3 ст. 60 УК РФ (в свете ее толкования Пленумом Верховного Суда Российской Федерации) имеется противоречие: в первой из названных норм общественная опасность — категория, охватывающая признаки объекта и объективной стороны; во второй — более широкое понятие, объединяющее объективные и субъективные признаки состава преступления. Таким образом, общественная опасность, учитываемая судом при назначении наказания, — уже не та общественная опасность, которая присуща преступлению как основанию уголовной ответственности и деяниям невменяемых, не достигших возраста уголовной ответственности, невиновно действующих лиц. О двойственном законодательном подходе к понятию общественной опасности (как объективной или объективно-субъективной вредоносности) упоминается в теории уголовного права [22, с. 68].

Не претендуя на бесспорность своих суждений и не преследуя цели предложить единственно верный теоретический подход к характеру и степени общественной опасности, отметим, что двойственность в законодательных трактовках общественной опасности преступления должна быть преодолена в УК РФ. Несмотря на то что полисемия в тексте уголовного закона не редкость [26, с. 33], полагаем, что для понятия общественной опасности преступления многозначность недопустима, равно как и подмена понятия «общественная опасность» категорией «общественная вредность», которую оценивает суд применительно к конкретным преступлениям при назначении наказания [18, с. 21]. Даже если исходить из посылки о том, что в ст. 14 УК РФ подразумевается преступление как основание уголовной ответственности (как любое преступное поведение независимо от его уголовно-правовых последствий), а в ст. 60 УК РФ — только преступление, установленное в соответствии

с уголовно-процессуальным законом, за которое суд назначает наказание, столь разные трактовки общественной опасности в указанных статьях вряд ли оправданны. Российский законодатель обязан определиться с пониманием общественной опасности как чисто объективного либо смешанного, комплексного субъективно-объективного свойства преступления. Нам больше импонирует толкование общественной опасности как свойства преступления, определяемого его объективными признаками (объектом и характером последствий). В пользу этого свидетельствует целый ряд положений уголовного закона. Так, общественная опасность преступления и вина четко разделены в ч. 1 ст. 5 УК РФ («Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина»). По смыслу ст. 25 и 26 УК РФ общественная опасность действия (бездействия) осознается, общественно опасные последствия предвидятся либо не предвидятся, т. е. общественная опасность деяния наличествует независимо от вины, вина — психическая «оболочка», а не составная часть общественной опасности.

В части 1 и 2 ст. 21 УК РФ общественная опасность, очевидно, рассматривается как объективный феномен, поскольку деяние невменяемого лица не может быть виновно совершенным. В таком же ключе понимается общественная опасность в ч. 1 ст. 22, ч. 1 и 2 ст. 28, ч. 1 и 3 ст. 37 УК РФ.

Аргументом в пользу нашей позиции является и то, что виновность присутствует в числе признаков преступления в ч. 1 ст. 17 Модельного уголовного кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. (ред. от 27.11.2015), а также в известных доктринальных моделях уголовного закона (например, в ч. 1 ст. 17 Модельного уголовного кодекса, разработанного Н. Г. Ивановым [27, с. 49]; в ч. 1 ст. 16 проекта Общей части УК РФ, подготовленного Н. А. Лопашенко, Е. В. Кобзевой, К. М. Хутовым и Р. О. Долотовым [28, с. 21]). Если взять за основу такой подход (условно назовем его объективным), не придется преодолевать рассогласованности между общественной опасностью преступления и общественной опасностью поведения лиц, не подлежащих уголовной ответственности, в том числе заниматься поиском термина для обозначения «иной» общественной опасности. Приверженность данному пониманию общественной опасности потребует дополнения ч. 3 ст. 60 УК РФ и других положений УК РФ, где речь идет о характе-

ре и степени общественной опасности преступления, указанием на вину, цель, мотивы преступления. При рассуждении о субъективно-объективном или объективном содержании общественной опасности преступления мы имеем в виду, соответственно, интегрированность субъективных признаков (прежде всего вины) в структуру общественной опасности преступления либо их самостоятельность. Вопрос о субъективно-объективной либо объективной природе общественной опасности преступления в настоящей статье не рассматривается. Если столь же последовательно воплощать альтернативную концепцию общественной опасности (назовем ее субъективно-объективной), то будут необходимы, во-первых, изменение легальной дефиниции основополагающего для уголовного права понятия преступления (исключение из ч. 1 ст. 14 УК РФ признака виновности [29, с. 244]); во-вторых, корректировка статей УК РФ, в которых общественная опасность лишена субъективного содержания. Вслед за этим, как уже отмечалось, возникнет необходимость какого-то другого понятия для обозначения общественной опасности непроступного поведения. Такое понятие в науке было предложено («общественная вредность»). В частности, В. В. Мальцев писал, что общественно вредными являются «деяния, по своим объективным признакам совпадающие с признаками какого-либо из общественно опасных деяний, предусмотренных кодексом»^{***} [11, с. 213] и предлагал дополнить ст. 2 УК РФ примечанием, содержащим соответствующую норму. Казалось бы, это определение должно распространяться на любое поведение, по своим объективным признакам соответствующее объективной стороне преступления, т. е. как не невиновное причинение вреда, так и на поступки невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, и др. Однако В. В. Мальцев считал необходимым называть общественно вредными деяния невменяемых, не достигших возраста уголовной ответственности, а равно лиц, указанных в ч. 3 ст. 20 УК РФ (так как, по мысли автора, названные категории лиц неспособны совершить общественно опасные деяния [11, с. 211, 214, 215]), но относил невиновное причинение вреда к общественно опасным. Представляется, что следование данной точке зрения привело бы к пересмотру фундаментальных основ российского уголовного права, более серьезным изменениям в уголовном законодательстве и его усложнению.

С учетом изложенного возможно внесение в УК РФ таких изменений, как:

1) дополнение УК РФ ст. 14.1 (редакция примерная):

«Статья 14.1. Общественная опасность преступления.

1. Общественная опасность преступления, а также деяния лица, не подлежащего уголовной ответственности, представляет собой причинение существенного вреда или создание угрозы причинения такого вреда благам (социальным ценностям), предусмотренным в части первой статьи 2 настоящего Кодекса».

Реальный или потенциальный вред от преступления должен быть существенным [30, с. 214]. Предложенные в литературе определения общественной опасности через конкретные виды причиняемого преступлением вреда [31, с. 40] считаем приемлемыми для доктрины, но вряд ли уместными для текста уголовного закона.

2) изменение редакции ч. 3 ст. 60 УК РФ.

«Статья 60. Общие начала назначения наказания

<...>

3. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, вина, цель и мотивы его совершения, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи».

Одновременно необходима корректировка правовой позиции высшей судебной инстанции в п. 1

Примечание:

* Доступ ко всем упомянутым в статье нормативным правовым и судебным актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Однако предложенный В. В. Мальцевым вариант редакции ч. 2 ст. 14 УК РФ имеет весьма спорный характер, поскольку в нем отсутствие общественной опасности подменяется отсутствием состава преступления [11, с. 218].

ППВС РФ от 22.12.2015 № 58. Разъяснения Пленума можно изложить в следующей редакции:

«При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду объект преступления и характер (вид) вреда, причиненного объекту.

Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от таких объективных обстоятельств содеянного, как степень осуществления преступного намерения, размер (тяжесть) наступивших последствий, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии.

Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к объективным признакам совершенного преступления (например, наступление тяжких последствий в результате совершения преступления; особо активная роль в совершении преступления; совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, мучениями для потерпевшего), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления».

По понятным причинам в приведенной трактовке среди критериев характера и степени общественной опасности преступления отсутствуют формы и виды вины и другие признаки субъективной стороны преступления и субъекта (роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, указывает на особенности объективной стороны содеянного).

1. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 600 с.

2. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1133 с.

3. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.

1. Criminal law. General part. Crime. Academic course in 10 volumes. Volume V. Definition of a crime. Legal components of a crime: edited by doctor of juridical science professor N. A. Lopashenko. Moscow: Yurлитinform; 2016.

2. Complete course of criminal law in 5 volumes. Volume I. Crime and punishment: edited by A. I. Korobeeva. Saint-Petersburg: Legal Center Press; 2008.

3. Epifanova E. V. Social danger as scientific category, legislative definition: history and contemporaneity. Moscow: Yurлитinform; 2012.

4. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М.: Проспект, 2016. 160 с.
5. Кленова Т. В. Общественная опасность — истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 136—144.
6. Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 648 с.
7. Павлухин А. Н., Нестеров П. Н., Эриашвили Н. Д. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность: моногр. / под ред. А. Н. Павлухина. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. 111 с.
8. Семченков И. П. Философия мотивации и уголовное право: социальная сущность преступления: моногр. Калининград: Калининградский юрид. ин-т МВД России, 2010. 84 с.
9. Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2009. 178 с.
10. Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2013. 223 с.
11. Мальцев В. В. Уголовный кодекс как гарант и критерий отграничения общественно опасного (преступного) поведения людей от иных видов их поведения // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (12—13 мая 2016 г.). Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2016. С. 207—221.
12. Курс уголовного права. Общая часть: учебник. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. 592 с.
13. Уголовное право России. Часть Общая: учебник / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 592 с.
14. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007. 736 с.
15. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 720 с.
16. Благоев Е. В. Общая часть уголовного права в 20 лекциях: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2012. 344 с.
17. Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 781 с.
4. Ivanov N. G. Social danger of a committed action as ontological basis of criminalization. Moscow: Prospect; 2016.
5. Klenova T. V. Social danger — true property of a crime // Criminalist pool=Biblioteka kriminalista. 2013; 2: 136—144.
6. Maltsev V. V. Socially dangerous behavior in criminal law. Moscow: Yurлитinform; 2014.
7. Pavlukhin A. N., Nesterov P. N., Eriashvili N. D. Socially dangerous behavior and its illegality. Moscow: UNITI-DANA: Legislation and law; 2007.
8. Semchenkov I. P. Philosophy of motivation and criminal law: social essence of a crime. Kaliningrad: Kaliningrad Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2010.
9. Sotskov F. N. Social danger of a committed action in criminal law of Russia. Moscow: People's Friendship University of Russia; 2009.
10. Solodkov I. A. Social danger of a crime and its criminal measurement. Saratov: Saratov State Academy of Law; 2013.
11. Maltsev V. V. Criminal Code as guarantor and criterion of distinction between socially dangerous (criminal) behavior of people and other behavior types. In: Topical issues of criminal legislation nowadays: sourcebook from International scientific and practical conference, 12—13 May 2016, Volgograd, Russia. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016: 207—221.
12. Course of criminal law. General part. Volume 1. Doctrine of crime: edited by N. F. Kuznetsova and I. M. Tyazhkova. Moscow: ZERTSALO; 1999.
13. Criminal law of Russia. General part: responsible editor L. L. Kruglikov. Moscow: Volters Kluver; 2005.
14. Naumov A. V. Russian criminal law. Series of lectures in 3 volumes. Volume 1. General part. Moscow: Volters Kluver; 2007.
15. Criminal law. General part: responsible editor I. Ya. Kozachenko. Moscow: Norma; 2009.
16. Blagov E. V. General part of criminal law in 20 lectures. Moscow: Yurлитinform; 2012.
17. Nepomnyashchaya T. V. Criminal sentencing: theory, practice, perspectives. Saint-Petersburg.: Publishing house of R. Aslanov "Legal Center Press"; 2006.
18. Mikhal O. A. Nature and level of social danger of a crime // Scientific reporter of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia=Nauchny vestnik of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009; 4: 20—24.

18. Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4. С. 20—24.
19. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2010. 280 с.
20. Куликов Е. А. Общественная опасность деяния как главный признак правонарушения // Юридические исследования. 2016. № 1. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_17662.html (дата обращения: 19.11.2018).
21. Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - 819 с.
22. Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления // Издание профессора Малинина. СПб., 2005. 522 с.
23. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 300 с.
24. Курс советского уголовного права: в 6 т. М.: Наука, 1970. Т. II. 516 с.
25. Курс советского уголовного права (часть Общая). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. Т. I. 646 с.
26. Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Юрлитинформ, 2003. 416 с.
27. Иванов Н. Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть. Опус № 1: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 143 с.
28. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект / Н. А. Лопашенко [и др.] // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 6. С. 18—59.
29. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций: в 3 т. / под ред. Л. В. Лобановой. Волгоград, 2012. Т. 2. 282 с.
30. Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 214—224.
31. Хамтаху Р. Ш. Понятие общественной опасности деяния как признака преступления в уголовном праве России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 2. С. 37—40.
19. Pudovochkin Yu. E. Doctrine of crime: selected lectures. Moscow: YurLitinform; 2010.
20. Kulikov E. A. Social danger of a committed action as a main sign of law infringement // Legal researches=Yuridicheskie issledovania. 2016; 1. Available from: http://e-notabene.ru/lr/article_17662.html. Accessed: 19 November 2018).
21. Kozlov A.P. Definition of crime. Saint-Petersburg: Publishing house "Legal Center Press"; 2004.
22. Encyclopedia of criminal law. Volume 3. Definition of crime: edition of professor Malinin. Saint-Petersburg; 2005.
23. Kругликов L. L., Vasilievsky A. V. Differentiation of responsibility in criminal law. Saint-Petersburg: Publishing house "Legal Center Press"; 2003.
24. Course of the Soviet criminal law in 6 volumes. Moscow: Nauka; 1970.
25. Course of the Soviet criminal law (General part). Leningrad: Publishing house of Leningrad University; 1968.
26. Shchepelkov V. F. Criminal law: coping with contradictions and incompleteness. Moscow: YurLitinform; 2003.
27. Ivanov N. G. Model criminal code: General part. Work No. 1. Moscow: UNITI-DANA, Legislation and law; 2003.
28. Lopashenko N. A., Kobzeva E. V., Khutov K. M. (et al). Criminal code of the Russian Federation. General part. Design. Criminal law and criminology pool=Biblioteka ugodovnoogo prava I kriminologii. 2016; 6: 18—59.
29. Topical issues of criminal law: series of lectures. In 3 volumes: edited by L. V. Lobanova. Volgograd; 2012.
30. Razgildiev B. T. Social danger of crimes and other infringement of law. Criminalist pool=Biblioteka kriminalista. 2013; 2: 214—224.
31. Khamtakhu R. Sh. Notion of social danger of a committed action as an essential element of crime in criminal law of Russia. Reporter of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014: 2: 37—40.

© Egorova N. A., 2019

© Егорова Н. А., 2019

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: nutego.ucoz.com

Egorova Natalia Alexandrovna,
professor at the criminal law department
of the educational and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: nutego.ucoz.com

* * *

*Н. В. Кальченко***СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ
(НА ПРИМЕРЕ ИНСТИТУТА ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ СУПРУГОВ
И БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ ТЕРРОРИСТОВ)**

В статье исследовано содержание понятий «частный интерес» и «публичный интерес», выявлены особенности их соотношения между собой. Анализ правовых позиций, изложенных в работах теоретиков права и решениях судебных органов, позволил сформулировать авторскую точку зрения на содержание указанных понятий. Обоснована необходимость поиска оптимальной формы соотношения публичных и частных интересов.

Противодействие терроризму (публичный интерес) посредством ограничения прав супругов и близких родственников террористов (частный интерес) исследовано в качестве одного из аспектов правовой политики государства в сфере обеспечения общественной безопасности.

Отмечены характерные черты института ограничений прав супругов и близких родственников лица, совершившего преступление, в ретроспективном аспекте. Обозначено содержание института ограничения прав супругов и близких родственников террористов в действующем законодательстве Российской Федерации. Сформулирована авторская позиция в отношении предложений, в том числе законодательного характера, предусматривающих расширение перечня ограничений прав указанной категории лиц.

Ключевые слова: публичный интерес, частный интерес, противодействие терроризму, ограничения прав и свобод человека, ограничения прав супругов и близких родственников террористов.

*N. V. Kalchenko***THE CORRELATION OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE INSTITUTION OF RESTRICTING
THE RIGHTS OF TERRORISTS' SPOUSES AND CLOSE RELATIVES)**

The author of the article has examined the content of the notions "private interest" and "public interest", revealed peculiarities of their correlation between each other. Analysis of legal views set forth in the works of law theorists and decisions of judicial bodies has made it possible to formulate the author's point of view in relation to the content of the given notions. The necessity to find an optimal form of correlation between public and private interests is substantiated.

Counteraction to terrorism (public interest) by restricting the rights of terrorists' spouses and close relatives (private interest) has been studied as one of the aspects of state legal policy in the field of public security.

The author has distinguished characteristic features of the institution of restricting the rights of spouses and close relatives of the person who has committed the crime, in a retrospective aspect. The content of the institution of restricting the rights of terrorists' spouses and close relatives in the current legislation of the Russian Federation has been determined. The author's viewpoint has been formulated in relation to suggestions, including legislative ones, stipulating expansion of the list of restrictions on the rights of the given category of persons.

Key words: public interest, private interest, counteraction to terrorism, restrictions on human rights and freedoms, restrictions on the rights of terrorists' spouses and close relatives.

В последние годы на фоне активизации усилий государства по реализации своей правозащитной функции правоведы стали все чаще обращаться к понятиям «публичный интерес» и «частный интерес».

Приведенные в научной литературе подходы к конструкции понятия «публичный интерес» объ-

единяет акцент на особой роли государства. По мнению В. Ф. Яковлева, публичный интерес представляет собой интересы всех граждан, образующих то или иное сообщество, чьим выразителем является государство [1, с. 194]. С точки зрения Ю. А. Тихомирова, публичный интерес — интерес социума, удовлетворение которого является усло-

вием его развития и существования; интерес, признанный государством и обеспеченный правом [2, с. 54]. С. В. Дорохин считает, что публичный интерес составляют интересы государства и общества, взаимообуславливающие и имеющие в конкретный период нормативное содержание [3, с. 65].

Верховный Суд Российской Федерации обозначил свою позицию по вопросу содержания публичных интересов, отметив, что они составляют «интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей среды» [4].

Полагаем, что публичный интерес можно определить как потребность общества в том или ином благе (значимость которого признана государством), удовлетворяемую посредством действий субъектов, наделенных властными полномочиями, методами правового, в том числе принудительного, характера. Очевидно, что придать интересу статус публичного может только государство.

Следует также иметь в виду, что общество — не просто механическая совокупность индивидов, а общность личностей, каждая из которых является уникальным творением природы и цивилизации, носителем моральных и религиозных ценностей, последователем традиций и обычаев своей этнической группы и т. п. В силу этого публичный интерес может расходиться с ценностными установками, занимающими приоритетное место в сфере морального и правового сознания индивида. В то же время попытки законодательного возведения публичного интереса в абсолют могут восприниматься личностью как правовой диктат.

Понятие «частный интерес» в большинстве случаев рассматривается с позиции правоотношений в сфере частных отраслей права, выступает в качестве цели реализации того или иного субъективного права. Некоторые авторы толкуют его шире, отождествляя с «личными интересами», достижение которых обеспечивается, в том числе, правоотношениями с участием публичного субъекта [5, с. 108—120]. Общеуниверсальный подход к содержанию понятия «частный интерес» позволяет определить его следующим образом: это осознанная субъектом потребность в обладании тем или иным благом материального или нематериального характера, удовлетворяемая путем реализации конкретного субъективного права (свободы).

Вопрос соотношения интересов частного и публичного характера в современном государстве приобретает особую актуальность. Теоретически две названные категории не должны противопоставляться друг другу, поскольку публичные интересы в конечном счете направлены на защиту об-

щего блага, которое складывается из интересов каждой отдельной личности. Так, Ф. А. Хайек усматривает публичный интерес в заинтересованности социума сохранить порядок, являющийся средством достижения множества личных целей [6, с. 170]. Обеспечивая интересы частных лиц, государство одновременно обеспечивает защиту своих интересов и интересов общества в целом как субъектов, для которых нормальное функционирование общественных отношений имеет большое значение.

В результате поиска модели оптимального сочетания публичных и частных интересов должны быть выработаны единые принципы, способные стать основой правоограничительных институтов. Следует признать, что «это позволило бы избежать множества трудностей и противоречий при разрешении споров, в которых сталкиваются интересы, охраняемые в частном и публичном порядке» [7, с. 36—47]. Более того, именно «благодаря наличию баланса между объективными потребностями государства и субъективными правами частных лиц достигается соблюдение принципа системности правового регулирования» [8, с. 69—79].

К разработке принципа сбалансированности частных и публичных интересов прилагал усилия Европейский Суд по правам человека, однако ему так и не удалось сконструировать четкую модель данного принципа. В большинстве случаев он ограничивался указанием на необходимость соблюдения государствами справедливого равновесия между требованиями интересов общества и нужными условиями защиты основных прав личности. Примером может служить постановление по жалобе «Спорронг и Лоннрот против Швеции» [9].

Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях неоднократно акцентировал внимание на том, что действия государства, направленные на ограничения прав и свобод человека, не должны нарушать равновесия между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность используемых средств и преследуемой цели, чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей [10].

Очевидно, что исследуемая проблема имеет также этический аспект, который должен приниматься во внимание субъектами, осуществляющими правовое регулирование отношений данного типа. Примечательно, что некоторые авторы, сознавая наличие латентной угрозы правам человека в случае признания безусловного приоритета за интересами публичного характера, все же берут на себя смелость утверждать, что «...безнравственные

средства всегда зло и остаются злом и тогда, когда принимаются во имя общего блага, но это зло не так велико, как гибельные последствия политики, не решающейся ввиду нравственных соображений прибегать к средствам, необходимым для спасения государства, являющегося необходимым предположением наиболее жизненных интересов народа» [11]. Нужно признать, что подобный подход позволяет оправдывать любые формы вмешательства государства в сферу прав человека, даже осуществляемые методами репрессивного, в том числе неправового, характера.

Поиск компромисса в соотношении публичных и частных интересов находит отражение во многих сферах общественных отношений, однако в последнее время о нем все чаще говорят применительно к государственной политике в области противодействия терроризму. Анализ деятельности государств, пребывающих в состоянии перманентной террористической угрозы, позволяет выявить в структуре их правовой политики два вектора, определяющих сущность общегосударственной концепции борьбы с терроризмом. В основе первого лежит признание общественной безопасности в качестве одного из основных элементов национальной безопасности, а ее обеспечения — сферой публичных интересов. Из этого следует, что бесспорным критерием оценки приемлемости имеющихся в арсенале государства методов противодействия терроризму выступает степень их эффективности при защите интересов публичного характера. Второй вектор определяет иной тип правовой позиции государства, в рамках которой справедливость абсолютизации публичных интересов ставится под сомнение, а стремление придать им безусловный приоритет над частными интересами рассматривается как попытка умаления ценности личности, ее прав и свобод.

Таким образом, государство, вынужденное активно противодействовать террору, рано или поздно оказывается в ситуации, когда необходимость определения примата интересов того или иного вида становится очевидной. Данный выбор должен, с одной стороны, быть обоснованным с позиции действующей стратегии национальной безопасности, а с другой — соотноситься с международными обязательствами государства в сфере прав и свобод человека, обусловленными его участием в международных соглашениях договорного характера. Следует заметить, что этот вопрос требует концептуального решения, поскольку компромисс публичных и частных интересов в сфере принудительных действий государства, как правило, либо крайне затруднен, либо невозможен вовсе.

Иллюстрацией сказанного может служить вопрос допустимости ограничения прав супругов и близких родственников террористов, ставший в последние годы предметом многочисленных дискуссий. В мировой практике сформировались два основных подхода к его решению. Первый основан на жестких мерах противодействия терроризму, включающих в себя существенные ограничения прав указанной категории лиц. Примером может служить Израиль, давно и эффективно применяющий такие меры, как точечная ликвидация террористов (часто вместе с членами их семей), принудительный снос жилища, где до совершения преступления террорист проживал со своими родственниками, и др.

Второй подход, сторонниками которого является большинство государств Западной Европы, базируется на идее верховенства прав человека и обусловленного ею запрета причинения вреда личности действиями, которые не являются единственным средством достижения общественно значимой цели. При этом индивидуальные права нередко признаются ценностью, приоритетной по отношению к коллективным правам, т. е. интересами публичного характера.

В России правовой институт ограничения прав супругов и близких родственников террористов проходит этап формирования, однако государство до сих пор воздерживается от разработки четкой правовой концепции, способной служить ориентиром для законодателя.

Сегодня законодательство Российской Федерации предусматривает два вида ограничений прав указанной категории лиц: 1) ограничение права собственности посредством обращения в доход Российской Федерации денег, ценностей, иного имущества и доходов от них близких родственников, родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт, при наличии достаточных оснований полагать, что данное имущество получено в результате террористической деятельности и (или) является доходом от такого имущества при условии, что лицом не представлены сведения, подтверждающие законность их приобретения (Федеральный закон «О противодействии терроризму» [12]; 2) запрет выдачи родственникам в целях погребения тел лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за смерти, наступившей в результате пресечения террористической акции, а также запрет сообщения родственникам о месте захоронения (Федеральный закон «О погребении и похоронном деле») [13]. Второе из названных ограничений неоднократно являлось предметом разбирательства

в Европейском Суде по правам человека. В его постановлениях отказ заявителям в выдаче тел погибших родственников было расценено как вид наказания. При этом подчеркивалось, что российские власти не установили справедливого баланса между правом заявителей на уважение их частной и семейной жизни и преследуемыми публичными интересами [14].

Более четкой и аргументированной представляется позиция Конституционного Суда Российской Федерации, отметившего, что «в конкретных условиях, сложившихся в Российской Федерации в результате совершения серии террористических актов, повлекших многочисленные человеческие жертвы, вызвавших широкий негативный общественный резонанс и оказавших огромное влияние на массовое общественное сознание, выдача родственникам для захоронения тел лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, способна создать угрозу общественному порядку и общественному спокойствию, правам и законным интересам других лиц, их безопасности, в том числе привести к разжиганию ненависти, спровоцировать акты вандализма, насильственные действия, массовые беспорядки и столкновения, что может повлечь за собой новые жертвы, а места захоронений участников террористических актов могут стать местами культового поклонения отдельных экстремистски настроенных лиц, будут использоваться ими в качестве средства пропаганды идеологии терроризма и вовлечения в террористическую деятельность» [15]. Суд абсолютно справедливо усмотрел в содержании указанных отношений потенциальную угрозу интересам не только публичного (угроза общественному порядку и общественному спокойствию), но и личного характера (угроза правам и законным интересам других лиц, их безопасности).

Сторонники жестких методов противодействия терроризму в основу своей мотивации, как правило, закладывают тезис о высокой степени общественной опасности как самого деяния, так и пособничества ему. Часто они апеллируют к особенностям психологической природы построения родственных взаимоотношений в семейных кланах определенных этнических групп, представители которых неоднократно выступали организаторами и исполнителями террористических актов. К сожалению, практика показывает, что члены семьи террориста нередко либо откровенно разделяют идеологию терроризма, либо воздерживаются от ее однозначного осуждения, оказывая тем самым преступнику морально-психологическую поддержку.

Весомым стимулом к совершению террористического акта для лиц — последователей радикальных исламских течений выступает господствующая в их сознании догма, согласно которой ценность человеческой жизни не может быть выше ценностей религиозно-идеологического характера. Смерть (как своя, так и чужая) во имя высших идеалов всегда является оправданной. При этом нравственные страдания родственников террориста-смертника, равно как и их возможные материальные потери, способствуют героизации его поступка, придают ему ореол богоугодности.

Генеральный прокурор Российской Федерации В. В. Устинов, выступая 9 октября 2004 г. в одной из палат Федерального Собрания Российской Федерации, предложил в качестве метода борьбы с терроризмом «задержание родственников террориста во время проведения теракта» [16]. По его убеждению, эта мера должна была создать условия для спасения жизней потенциальных жертв террористического акта. По выражению В. В. Устинова, нельзя говорить о какой-либо дипломатии, когда террористы захватывают людей. Нужно действовать по принципу «кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». Заявление генпрокурора вызвало взрыв эмоций и массу комментариев, в основном сводившихся к оценке соотносимости указанной меры с правами человека. Предложение нашло поддержку у ряда государственных чиновников, среди которых были директор ФСБ России и Глава Чеченской Республики. Мнения депутатов после выступления В. В. Устинова разделились. Одни сочли инициативу руководителя силового ведомства своевременной и обоснованной. Другие выступили против, усмотрев в данном предложении угрозу отхода России от принципов правового государства к правовому атавизму — принципу коллективной ответственности.

На момент выступления Генерального прокурора Российской Федерации террористическую деятельность на территории России осуществляли представители этнических групп Северного Кавказа, поэтому, видимо, предложение было сформулировано с учетом ментальности кавказских этносов и основывалось на признании ими семейных (родовых, тейповых) интересов в качестве одной из нравственных ценностей высшего порядка. Данное обстоятельство должно было способствовать формированию у потенциального субъекта террористической деятельности внутреннего нравственного запрета на совершение действий, которые могут впоследствии причинить вред его семье. В то же время нельзя не признать, что коллективная ответственность в подобных обстоятельствах обретает черты мести, осуществ-

ляемой от имени государства. При этом «... понятия мести и ответственности по своему содержанию, форме, участникам и иным критериям, включая последствия, существенно отличаются друг от друга. Месть всегда носит индивидуальный и закрытый характер, а ответственность как категория социальная и в большей степени правовая налагается от имени государства, в открытом режиме и, как правило, в условиях общественного осуждения» [17, с. 26—35].

Среди прочих предложений относительно ограничений прав близких родственников террористов, прозвучавших в разные годы, можно выделить следующие:

- признание за близкими родственниками террористов статуса «неблагонадежных» и установление в отношении них негласных мер административного надзора, в том числе с использованием аудиовизуальных, электронных и иных технических средств (д.ю.н., проф. Н. И. Биюшкина, 2014) [18, с. 922—928];

- выдворение близких родственников террористов за пределы территории субъекта Российской Федерации и разрушение их жилища (Глава Чеченской Республики Р. А. Кадыров, 2014).

В последние годы в Государственную Думу Российской Федерации неоднократно вносились законопроекты, целью которых было введение уголовной ответственности в отношении супругов и близких родственников террористов. В 2014 г. один из них был предложен депутатом от ЛДПР Р. Худяковым [19]. По замыслу автора законопроекта к уголовной ответственности должны привлекаться близкие родственники лица, совершившего преступление против общественной безопасности, при условии доказанности факта его взаимодействия с ними в течение года. Примечательно, что даже смерть террориста, по мнению Р. Худякова, не должна исключать уголовное преследование в отношении его родственников. Данный законопроект так и не обрел статус закона (был отозван самим субъектом законодательной инициативы). Полагаем это закономерным. Термин «взаимодействие», используемый автором, представляется неудачным, лишенным четкой смысловой нагрузки. Формы взаимодействия могут быть разнообразными: от содействия в приготовлении к совершению преступления до общения в целях решения вопросов бытового и иного некриминального характера. Р. Худяков даже не упоминает наличия факта осведомленности близкого родственника террориста о характере его противоправной деятельности в качестве необходимого условия привлечения к ответственности. Кроме того, данный подход со всей очевидностью вступает в противो-

речие с содержанием ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации. Впрочем, для отдельных правоведов это не является непреодолимым препятствием, они не исключают возможности внесения соответствующих изменений в Основной закон страны. В. П. Алехин прямо говорит о такой необходимости, предлагая свою редакцию ч. 1 ст. 51: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом, *кроме преступлений террористической направленности*» [20] (курсив автора — Н. К.).

Не менее интересен законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за совершение преступления против общественной безопасности», внесенный в 2015 г. в Государственную Думу Российской Федерации парламентом Чеченской Республики [21]. Одна из его целей — введение института уголовной ответственности совершеннолетних близких родственников террористов за содействие террористической деятельности. В пояснительной записке к законопроекту отмечена важность определения степени осведомленности родителей и близких родственников (в тексте законопроекта эти две категории лиц разделяются — Н. К.) о деятельности лица, совершившего преступление против общественной безопасности, уровень взаимоотношений, способов содействия и взаимодействия, мер взаимопомощи друг другу. Заметим, что на тот момент действующая редакция Уголовного кодекса Российской Федерации уже включала ст. 205.1. «Содействие террористической деятельности», причем понятие «пособничество в совершении преступлений террористического характера» было введено в ее содержание еще в 2010 г. Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ.

Анализ законопроекта порождает ряд вопросов к его авторам. Если речь идет о содействии терроризму в форме пособничества, то не ясен смысл предложения о выделении особой роли близких родственников, поскольку близкородственные отношения на квалификацию не влияют; для констатации преступности деяния важно установить наличие признаков пособничества, обозначенных как в норме Общей части УК РФ (ч. 5 ст. 33), так и в п. 1.1 примечания к ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо

предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы. Особенностью данного законопроекта можно считать попытку введения в правовой лексикон понятия «осведомленность» применительно к близким родственникам террористов. Авторы не включили его в содержание сконструированных ими норм уголовного закона, но сделали на нем акцент в тексте пояснительной записки. Определение степени осведомленности близких родственников о деятельности лица, совершившего преступление против общественной безопасности, позволяет сделать следующий вывод: по всей видимости, авторы законопроекта, не решившись прямо ввести институт уголовной ответственности данной категории лиц, сделали попытку осторожно обозначить эту цель и таким образом предложили законодателю самостоятельно дойти до логически закономерного (с их точки зрения) завершения процесса криминализации отношений в сфере содействия терроризму. Фактически в законопроекте завуалированно прозвучала мысль включить понятие «осведомленность» в содержание термина «содействие».

Необходимо признать, что в истории нашей страны были периоды, когда репрессии в отношении супругов и близких родственников лица, совершившего преступление, использовались в качестве одного из основных инструментов государственной борьбы с преступностью. В СССР конца 1930-х гг. они стали неотъемлемой частью правовой политики государства. Несмотря на заявление И. В. Сталина о том, что «сын за отца не отвечает», именно в период его правления появилось понятие «член семьи изменника Родины», оформившееся в пожизненный социальный статус, лишавший его субъекта возможности полноценно осуществлять многие конституционные права и свободы.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 5 июля 1937 г. было принято постановление, согласно которому жен осужденных изменников Родины — членов правотроцкистской шпионско-диверсионной организации следовало заключать в лагеря на 5—8 лет. 15 августа 1937 г. Нарком внутренних дел СССР Н. Ежов подписал приказ № 00486, по которому аресту подлежали «жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста», а также «жены, хотя и состоявшие с осужденным к моменту его ареста в разводе, но причастные к контрреволюционной деятельности осужденного; укрывавшие осужденного; знавшие о контрреволюционной деятельности осужденного, но не сообщившие об этом» [22]. Особо отмечалось, что «осужденные социально опасные дети направляются в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или в дома особо-

го режима Наркомпросов республик по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД». Позиция власти смягчилась 17 октября 1938 г. Нарком внутренних дел СССР Н. Ежов и Начальник ГУГБ НКВД СССР Л. Берия подписали приказ: «В дальнейшем репрессировать не всех жен арестованных или осужденных изменников родины, а только тех, которые: были в курсе или содействовали контрреволюционной работе своих мужей; в отношении которых органы НКВД располагают данными об их антисоветских настроениях и которые могут быть рассматриваемы как политически сомнительные и социально опасные элементы» [23].

В условиях современной России вопрос оправданности репрессивных мер в отношении супругов и близких родственников лиц, совершивших преступления, вновь приобрел актуальность и остроту. Полагаем, что государство, прибегающее к методу репрессий в отношении семей террористов, утрачивает моральное преимущество перед преступниками, поскольку действует по принципу «кровной мести», осуждаемому с точки зрения собственных законов. Кроме того, возникает явный диссонанс с правовой позицией, нашедшей отражение в законодательстве о реабилитации незаконно репрессированных лиц. Как известно, России пришлось приложить немало усилий в стремлении убедить собственный народ в том, что трагичные события советской истории были серьезной ошибкой со стороны государства. Между тем российский и зарубежный опыт противодействия терроризму позволяет прогнозировать возрастание внимания теоретиков и практиков к вопросу оценки роли супругов и близких родственников в деятельности лица, совершившего или осуществляющего приготовление к совершению акта терроризма. По утверждению А. Дершовица, американского юриста, исследовавшего причины и условия арабо-израильского конфликта, «...если мирное население с готовностью позволяет боевикам прятаться среди них, если они обеспечивают боевикам поддержку, если они превращают убийц в мучеников, то уровень их соучастия растет и они сами все сильнее приближаются к статусу боевиков, а очевидная граница, разделяющая мирных жителей и боевиков, превращается в континуум» [24].

Формирование правоограничительного института в законодательстве государства — сложная задача, решение которой должно стать результатом совместных усилий ученых-правоведов и правоприменителей. Данный институт должен опираться на модель взаимоотношений индивида и государства, основанную на рациональном и справедливом соотношении личных и публичных интересов. Заметим, что понятия «рациональность» и «спра-

ведливость» не следует воспринимать как находящиеся в естественном состоянии конфронтации. Рациональность, играющая роль критерия при выборе наиболее эффективных методов противодействия террору, не должна доминировать

над справедливостью, в основе которой — правовая аксиома, сформированная государством в ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы — это высшая ценность».

1. Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012.

2. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995.

3. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2006.

4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

5. Шмаков В. Н., Стерлигов А. В. К вопросу о соотношении публичных и частных интересов в условиях конфликта на государственной службе: теоретико-правовые аспекты // Власть Закона. 2017. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., ИРИСЭН, 2006.

7. Бакаева О. Ю., Погодина Н. А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Уманская В. П. Баланс публичных и частных интересов в административном праве // Власть Закона. 2017. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Sporrang and Lonnroth v. Sweden: постановление от 23 сентября 1982 г. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461434/2461434.html>. (дата обращения: 01.06.2018).

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 20-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2018 г. № 5-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2018 г. № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Чикунова Е. В. Индивидуальный интерес и общее благо: проблема согласования // Вестник ТГУ. 2008. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnyy-interes-i-obschee-bлаго-problema-soglasovaniya> (дата обращения: 19.06.2018).

12. О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 18.04.2018). URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 01.06.2018).

1. Yakovlev V. F. The State of Law: Issues of Formation. Moscow: Statute; 2012.

2. Tikhomirov Yu. A. Public Law. Textbook. Moscow: BEK; 1995: 54—56.

3. Dorokhin S. V. Division of the Right to Public and Private: the Constitutional and Legal Aspect. Moscow; 2006.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of 23 June 2015. "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015; 8.

5. Shmakov V. N., Sterligov A. V. To the Issue of Correlation of Public and Private Interests in the Context of Conflict in the Civil Service: Theoretical and Legal Aspects. The Power of the Law. 2017; 3: 108—120.

6. Hayek F. A. Law, Legislation and Freedom: a Modern Understanding of the Liberal Principles of Justice and Politics. Moscow: IRISSEN; 2006.

7. Bakaeva O. Yu., Pogodina N. A. On the Correlation of Private and Public Interests. Journal of Russian Law. 2011; 4: 36—47.

8. Umanskaya V. P. The Balance of Public and Private Interests in Administrative Law. The Power of the Law. 2017; 1: 69—79.

9. Resolution of 23 September 1982. Sporrang and Lonnroth v. Sweden. Available from: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461434/2461434.html>. Accessed: 1 June 2018.

10. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of 29 November 2010. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of 29 January 2018. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P of 11 January 2018. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Chikunova E. V. Individual Interest and the General Good: the Problem of Coordination // Bulletin of TSU. 2008; 8. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnyy-interes-i-obschee-bлаго-problema-soglasovaniya>. Accessed: 19 March 2018.

12. Federal Law No. 35-FZ of 6 March 2006. "On Counteracting Terrorism". Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. Accessed: 1 June 2018.

13. О погребении и похоронном деле: федер. закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (в ред. от 07.03.2018). URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). (дата обращения 01.06.2018).

14. Постановление ЕСПЧ от 6 июня 2013 г. по делу «Масхадова и другие (MaskhadovaandOthers) против Российской Федерации» (жалоба № 18071/05); Постановление ЕСПЧ от 16 января 2014 г. по делу «Залов и Хакулова (ZalovandKhakulova) против Российской Федерации» (жалоба № 7988/09); Постановление ЕСПЧ от 6 июня 2013 г. по делу «Сабанчиева и другие (Sabanchiyevaandothers) против Российской Федерации» (жалоба № 38450/05). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармовой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. URL: <https://lenta.ru/news/2004/10/29/ustinov> (дата обращения: 02.06.2018)

17. Халиков А. Н. Социальная и правовая ответственность человека // Lexrussica. 2015. № 8. С. 26—35.

18. Биюшкина Н. И. Проблемы правового регулирования административного надзора в РФ // Административное и муниципальное право. 2014. № 9. С. 922—828.

19. О внесении изменений в статьи 23, 44, 45, 53, 54, 205, 205-1, 205-2, 205-3, 205-4, 205-5 и 206 Уголовного кодекса Российской Федерации: проект федерального закона. URL:<http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения 01.06.2018).

20. Алехин В. П. Уголовно-правовая борьба с терроризмом в современных условиях // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-borba-s-terrorizmom-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения 01.06.2018).

21. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления ответственности за совершение преступления против общественной безопасности: проект федер. закона. URL:<http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения 01.06.2018).

22. Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины: оперативный приказ НКВД СССР от 15 августа 1937 г. № 00486. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009101> (дата обращения 01.06.2018).

13. Federal Law No. 8-FZ of 12 January 1996. "On Burial and Funeral Business" Available from: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). Accessed: 1 June 2018.

14. ECHR Resolution of the of 6 June 2013. "Case "Maskhadova and Others v. the Russian Federation "(complaint No. 18071/05); ECHR Resolution of 16 January 2014. " Case "Zalov and Khakulova v. Russian Federation "(complaint No. 7988/09); ECHR Resolution of 6 June 2013. "Case Sabanchiyeva and others v. the Russian Federation" (complaint No. 38450/05). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of 28 June 2007. "On the Case on Verification of the Constitutionality of Article 14.1 of the Federal Law "On Burial and Funeral Business" and the Regulations on Burial of Persons whose Death Occurred as a Result of the Suppression of the Terrorist Act that they Committed, in Connection with the Complaint of Citizens K. I. Guziev and E. K. Karmova". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

16. Available from: [lenta.ru>Comments>2004/11/02/hostages](https://lenta.ru/Comments/2004/11/02/hostages). Accessed: 2 June 2018.

17. Khalikov A. N. Social and Legal Responsibility of the Man // Lex russica. 2015; 8: 26—35.

18. Biyushkina N. I. Problems of Legal Regulation of Administrative Supervision in the Russian Federation // Administrative and Municipal Law. 2014; 9: 922—928.

19. Draft of Federal Law "On Amending Articles 23, 44, 45, 53, 54, 205, 205-1, 205-2, 205-3, 205-4, 205-5 and 206 of the Criminal Code of the Russian Federation". Available from: <http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=425138-6>. Accessed: 1 May 2018.

20. Alekhin V. P. Criminal Legal Struggle Against Terrorism in Modern Conditions. Scientific journal of KubSAU. 2016; 118. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-borba-s-terrorizmom-v-sovremennyh-usloviyah>. Accessed: 1 May 2018.

21. Draft of Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Part of Enhancing Responsibility for Committing a Crime Against Public Security". Available from: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=693908-6&02>. Accessed: 1 May 2018.

22. Operative Order of the USSR NKVD No. 00486 of 15 August 1937. "On the Operation of Repressing the Wives and Children of Traitors to the Homeland". Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009101>. Accessed: 1 May 2018.

23. О порядке ареста жен изменников родины: приказ НКВД СССР от 17 октября 1938 г. № 00689. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009106> (дата обращения 01.05.2018).

24. Дершовиц А. Слово в защиту Израиля. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=251803&p=56> (дата обращения 01.06.2018).

© Кальченко Н. В., 2019

Кальченко Наталья Викторовна,
доцент кафедры теории и истории права
и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

23. Order of the USSR NKVD No. 00689 of 17 October 1938. "On the Order of Arrest of Wives of Traitors to the Homeland". Available from: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009106>. Accessed: 1 May 2018.

24. Dershowitz A. The Word in Defense of Israel. Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=251803&p=56>. Accessed: 1 June 2018.

© Kalchenko N. V., 2019

Kalchenko Natalia Viktorovna,
associate professor at the department
of theory and history law and state
of the Volgograd academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 340.111.52
ББК 67.022.155

DOI 10.25724/VAMVD.FRST

В. В. Попов

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО КАК ДУБЛИРУЮЩИЙ ИЛИ КОСВЕННЫЙ ЭКСПОНЕНТ НОРМАТИВНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРЕДПИСАНИЯ

Субъективное право было бы неверно рассматривать как самостоятельную правовую норму, т. е. как правовое предписание общего характера. Взятый сам по себе факт выражения субъективного права в законодательстве еще не говорит о том, что данный элемент текста законодательства непосредственно репрезентирует предписывающий смысл. Если принимать идею отраженной прескриптивной нормативности субъективного права в контексте правового семиотического треугольника, то субъективное право можно наделять свойствами нормативности. Это будет модель либо с удвоением экспонента (знака объектного языка) права либо с формулированием косвенного референта права. В таких случаях субъективное право является формой (законодательным выражением, референтом, т. е. знаком, текстом права), а правовая обязанность (правовой запрет) — содержанием, т. е. правовым предписанием (смыслом, десигнатом права). Дублирующее или косвенное отражение субъективным правом юридического предписания (обязанности или запрета) не выражает функциональной зависимости юридического разрешения от иных правовых норм. Соответственно, подобный механизм отражения и взаимосвязи прав и обязанностей не является одним из оснований системности права, отражаемой в законодательстве.

Ключевые слова: система права, система законодательства, знак права, значение права, смысл права, референт права, десигнат права, денотат права, форма права, содержание права, язык права, референт объектного языка права, полисемичность правового текста, законодательный текст, объектный язык права.

V. V. Popov

SUBJECTIVE RIGHT AS A DUPLICATE OR INDIRECT SIGNIFIER OF A NORMATIVE LEGAL PRESCRIPTION

It would be wrong to consider subjective right as an independent legal norm i.e. as a legal requirement of a general nature. The mere fact that subjective right is expressed in legislation does not yet indicate that this element of the legal text directly represents the prescriptive signification. If we accept the idea of the reflected prescriptive normativity of subjective right and accept this idea in the context of the legal semiotic triangle, then subjective right can be endowed with the properties of normativity. It will be a model either with Law signifier (exponent, sign, symbol of the object language of Law) duplication or with the formulation of the indirect Law signifier (exponent). In such a case, subjective law is a form (legislative expression, signifier, i.e. sign, text of law), and legal obligation (legal prohibition) is a content, i.e. a legal prescription (significance of law). The duplicate or indirect reflection by the subjective right of a legal prescription (obligation or prohibition) does not express the functional dependence of the legal permission on other legal norms. Accordingly, such a mechanism of reflection and interrelation of rights and obligations is not one of the grounds of the system of law reflected in legislation.

Key words: system of law, system of legislation, sign of law, meaning of law, meaning of law, referent of law, designate rights, denotate of law, form of law, content of law, language of law, referent of the objective language of law, polysemy of legal text, legislative text, objective language the rights.

Проблематике понятия, признаков, сущности, места и роли субъективных прав в механизме правового регулирования посвящено множество научных трудов как отечественных, так и зарубежных ученых. Вместе с тем анализ существующих точек зрения позволяет выявить ошибки и неточности, которые препятствуют адекватной теоретической реконструкции механизма правового регу-

лирования, что не дает возможности создать полноценную теоретическую основу сколь-нибудь эффективного социального управления. В свою очередь, плоды серьезного системного управленческого кризиса начинают отчетливо проявляться не только в России, но и за ее пределами.

Как отмечалось ранее, субъективное право было бы неверно рассматривать в качестве само-

стоятельной правовой нормы, т. е. правового предписания общего характера [1]. Если считать субъективные права мерой возможного или же разрешенного поведения, правовым притязанием [2], уполномочивающей нормой [3], то не стоит вести речь о том, что у них есть триединство собственного знака, значение и смысла [4]. Ровно та же недопустимость относится и к определению субъективного права через свободу, если понимать последнюю в контексте возможностей, разрешений, притязаний или полномочий. Таким образом, взятый сам по себе факт выражения субъективного права в законодательстве еще не говорит о том, что данный элемент текста законодательства (экспонент права, точнее, экспонент объектного языка права) репрезентирует предписывающий смысл. Иными словами, это законодательное положение (субъективное право) как (1) **единственный** и (2) **прямой экспонент** не имеет в качестве **собственного** значения и смысла реализуемое [6] правовое предписание, т. е. **собственных непосредственных** нормативных (в прескриптивном понимании нормативности) регулятивных свойств.

Однако неправильно полагать, что субъективное право вообще не имеет отношения к юридическим предписаниям. Его допустимо считать текстом, выражающим (реализующееся) правовое предписание, в том случае, когда (и в силу того что) оно **выражает (отражает) юридическую обязанность**.

Если принимать идею отраженной нормативности субъективного права, причем делать это в контексте правового семиотического треугольника [4], то субъективное право можно наделять свойствами нормативности (в прескриптивном толковании нормативности [5]) в рамках модели либо с удвоением экспонента (знака объектного языка права) права либо с формулированием, условно говоря, косвенного экспонента.

Механизм выражения нормативного правового предписания с двойным экспонентом следующий: обязанность может быть выражена **не одним, а двумя** законодательными текстами. Первый в таком случае есть **прямое** законодательное текстуальное выражение (экспонент) правовой обязанности. Второй (если он сформулирован законодателем) дублирует его. Иными словами, в законодательстве содержатся экспоненты как собственно правых обязанностей (запретов), так и их «текстуальные дубли» в форме дозволений (разрешений).

Важно понимать, что у таких разных законодательных экспонентов, как **текстуальная** обязанность (запрет) и **текстуальное** дозволение (разрешение), лишь один, точнее, **общий** (предписы-

вающий) смысл. Законодательная формулировка обязанности (запрета) — это прямое знаковое выражение (экспонент) именно правовой обязанности (запрета). Законодательная формулировка (экспонент) правового дозволения (разрешения) — не прямое знаковое **выражение той же самой** правовой обязанности (запрета). Это два знака, два экспонента объектного языка права для одного, но лучше сказать, для общего содержания. Иными словами, мы имеем дело с единством содержания при различии формы: в тех случаях, когда мы говорим о **так называемой** [2] корреспондирующей связи субъективного права и юридической обязанности (запрета) допустимо утверждать, что, несмотря на очевидное законодательное текстуальное различие данных прав и обязанностей (запретов), они имеют **одно и то же содержание** в том смысле, что репрезентируют **одно и то же правовое предписание**. Сходным образом Дж. Остин говорил о субъективном праве как об относительной обязанности [7]. В качестве примера можно привести обязанность рассматривать обращения граждан. В части 1 ст. 9 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [8] содержится следующий текст (экспонент объектного языка права): «Обращение, поступившее в государственный орган, <...> подлежит обязательному рассмотрению». Он, условно говоря, является первым текстом, т. е. первым экспонентом права (знаком, точнее, системой знаков объектного языка права), который прямо выражает правовую обязанность принимать обращения граждан. Второй же законодательный текстовый элемент — текст ч. 1 ст. 2 упомянутого закона («Граждане имеют право обращаться лично... в государственные органы...»). Но содержанием данного знака (совокупности знаков как фрагмента законодательного текста) является та же обязанность — принимать обращения граждан. Таким образом, законодательный текст «Граждане имеют право обращаться» сам по себе прямо не выражает, не репрезентирует предписание (дозволение обратиться) в отношении так называемого «носителя права (на обращение)». Это **дополнительное законодательное выражение** именно обязанности (принять обращение). Иными словами, право на обращение — это предписание не для носителя права, а для носителя обязанности. Но оно имеет специфическое законодательное выражение. Отсюда можно утверждать, что право на обращение делает предписанием рассматриваемая обязанность (принять это обращение), точнее, данное право (на обращение) есть не более чем специфическое законодательное выражение правового предписания (специфи-

ческий экспонент объектного языка права), т. е. экспонент юридической обязанности (или запрета), например, обязанности принять соответствующее обращение, поэтому можно согласиться с Г. Кельзеном в том, что субъективное право — это феномен законодательной техники [9, с. 84]. В принципе, несмотря на его сетования о сопротивлении юриспруденции данным идеям, они ею все же признавались, однако в компромиссных формулировках, но это было непоследовательное признание. Ярким примером, в частности, служит высказывание С. С. Алексеева: он соглашается с мнением историков о том, что, например, запрет препятствовать доступу к добыче являлся выражением права на доступ к добыче [10, с. 25], а далее фактически отступает от этой правильной идеи (соответственно, и от не менее правильной идеи о том, что запреты получили гарантию через систему табу). С. С. Алексеев утверждает, что для дозволений система табу оказалась бессильной [10, с. 33], а также возносит субъективное право не просто как **самостоятельное**, а как наиболее совершенное юридическое предписание, главный пласт правовой материи и т. д. [10, с. 74].

Если совершенно естественна и понятна мысль о том, что права были оборотной стороной обязанностей, если в этом выражено единство прав и обязанностей догосударственного общества [10, с. 28] (в контексте терминологии настоящей работы об этом сказано точнее: и права, и обязанности как законодательные тексты выражают одно и то же **предписание**), то какова нужда считать эту рациональную идею достижением «старины глубокой», некой особенностью нормативного устройства праобщества? Неужели при возникновении права изменились законы логики? Разумеется, это не так. Не потеряли своей актуальности и требования к науке формулировать в метаязыке права высказывания, соразмерные реальности, поэтому «разрыв» обязанностей и прав произошел, скорее, в сознании исследователей и был эмоциональным, а не рациональным выражением их мировоззренческой позиции. Впрочем, с учетом так называемого принципа «партийности науки» можно найти и иное объяснение генезиса научных взглядов, особенно если принять во внимание указание партий (в ходе заседания на Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 25—26 июня 1987 г.) на общедозволительное начало как на общеправовой принцип [10, с. 90].

Если же сохранять последовательность рассуждения и не поддаваться «идеологическому чародейству», можно легко увидеть решение кажущегося противоречия между теорией, отвергающей

собственные нормативные регулятивные свойства правового дозволения (разрешения), и практикой, которая в изобилии содержит примеры с законодательным закреплением правового дозволения. Однако это не будет полным ответом на вопрос о том, является ли наличие или отсутствие законодательного закрепления правовых дозволений или запретов доказательством наличия или отсутствия таковых в (объективном) праве.

Как упоминалось ранее, сами **обязанности** иногда не выражаются законодательно. Ярким примером выступает Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (и его предшественники), в Особенной части которого мы не находим **прямого** указания на запреты уголовно наказуемых деяний. Но следует ли из этого вывод, что этих запретов (обязанностей воздерживаться) не существует? Да, в отечественной юридической науке общепринято мнение о том, что в Уголовном кодексе Российской Федерации содержатся запреты [7]; [11 с. 103], хотя данная мысль представляется неудачной [12]. Для решения поставленной проблемы в контексте анализируемой связи субъективных прав и юридических обязанностей (запретов) нам следует обратить внимание на то, что связь между правовым предписанием и его законодательным отображением может проявляться и **без** двойного законодательного отображения (экспонента права). Здесь существует два варианта. Первый заключается в том, что мы можем встретить прямое законодательное отображение предписания, когда законодательно (текстуально) выражена эта обязанность, например, обязанность защищать Отечество находит законодательное выражение в ч. 1 ст. 59 Конституции Российской Федерации. **Второе** законодательное отображение **в виде субъективного права** не сформулировано. Однако возможно и иное: законодательное выражение правовой обязанности происходит как раз через субъективное право. Примером может служить обязанность воздержаться от препятствования владению, пользованию и распоряжению неким имуществом. Она выражена через такое субъективное право, как право собственности (ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации [13]). В данном случае субъективное право является формой (законодательным выражением, экспонентом, т. е. знаком, текстом права), а правовая обязанность (правовой запрет) — содержанием — правовым предписанием (смыслом, десигнатом права). Такое выражение обязанности можно было бы назвать косвенным (в ценностно-нейтральном контексте) и отграничить его от прямого выражения (в первом случае). Именно это и представляет собой ситуацию с формулирова-

нием косвенного экспонента объектного языка права. Однако здесь возникает некий парадокс: то, что сформулировано в законе, не есть норма права, и наоборот. С одной стороны, мы утверждаем, что реально существующее **законодательное положение** (**сформулированное** как право собственности) само по себе **не является предписанием**, т. е. **прямо** не репрезентирует реально существующее правовое предписание. С другой — **реально существующее** правовое **предписание** (обязанность воздержаться от препятствования владению, пользованию и распоряжению неким имуществом) **не сформулировано**, не имеет прямого, непосредственного законодательного выражения, т. е. в некотором смысле как бы не существует. Но что же в этом случае дает основания утверждать, что данный законодательный текст (правовое дозволение) репрезентирует (как косвенный или дублирующий экспонент) именно **правовое предписание**, такое как юридический запрет (обязанность)? Почему мы можем говорить о том, что этот запрет (обязанность) все же реально существует при отсутствии его прямого и единственного текстуального выражения? Полагаем, что подобные основания дает факт наличия правовых санкций. Именно предусмотренность санкционной защиты позволяет однозначно толковать соответствующее законодательное положение как текст (экспонент права), выражающий правовое предписание, норму права. Правовая санкция в этом аспекте может быть представлена в качестве **индикатора содержательности экспонента права**. Однако здесь мы сталкиваемся с существенной проблемой: несложно убедиться в отсутствии законодательных примеров с наличием субъективных прав с санкцией как структурным элементом соответствующей правовой нормы, вероятно, поэтому В. И. Леушин утверждает, что «управомочивающая норма ни прямо, ни косвенно не имеет санкции и не нуждается в ней» [14, с. 609]. Но эта мысль порождает серьезный вопрос: не исчезает ли у нас в таком случае основание утверждать, что данное субъективное право (особым образом) репрезентирует именно нормы права (правовую обязанность, правовой запрет)?

Если учесть, что **законодательные** примеры норм, включающих в себя субъективное право и санкцию, найти невозможно, то выходит, что (1) либо санкционная защита не является атрибутом правовой нормы, либо (2) субъективное право не выступает (косвенным или дублирующим) экспонентом правовой нормы, либо (3), несмотря на обилие в юридической науке теоретических разработок по проблематике структуры правовой

нормы, вопрос о санкциях нормы права нельзя считать решенным удовлетворительным образом. Автор данной работы исходит из того, что (1) санкционная защита — атрибут правовой нормы, т. е. «без санкции норма не будет правовой, не будет иметь юридического характера» [15, с. 12], и (2) субъективное право все же может выступать экспонентом правовой нормы (хотя непрямым **и** единственным). В таком случае правильным представляется тезис о проблемности теоретических разработок, касающихся санкции нормы права. Их корректирование [12; 17] позволяет сделать вывод о том, что неправильно пытаться найти санкцию как **структурный элемент в законодательных положениях**, формализующих субъективное право. Иными словами, неверно ожидать увидеть санкции в качестве **структурного элемента статей** нормативных правовых актов, формализующих субъективное право. Хотя в юридической науке прямо об этом говорить **не принято**, все же анализ содержания многочисленных публикаций как научного, так и учебного характера (в частности высказывания об отсутствии у некоторых норм права то гипотез, то санкций или даже диспозиций, вычленение так называемых «дефинитивных норм», «декларативных норм» и т. п.) наводит на мысль о том, что **смещение норм права со статьями нормативных правовых актов** распространено больше, чем можно предположить.

Итак, норм права не бывает без санкций, следовательно, **если** субъективное право будет представлено как косвенный или дублирующий экспонент права (будет репрезентировать предписание общего характера), **всегда будет присутствовать санкционная защита субъективного права**. В частности, в примере с правонарушениями против собственности мы делаем вывод о том, что субъективное право репрезентирует именно правовое предписание, исходя из предусмотренности санкции, хотя законодательно данное предписание **прямо** не выражено, т. е. нет прямого экспонента права. В этом случае в гражданском **законодательстве** (например, в Гражданском кодексе Российской Федерации) мы имеем лишь специфическое (косвенное) законодательное выражение нормы права. Законодательное выражение субъективного права собственности как правомочий владеть, пользоваться и распоряжаться неким имуществом является **законодательным выражением (точнее, отражением) запрета** препятствовать (обязанности воздержаться от того, чтобы препятствовать) владению, пользованию и распоряжению данным имуществом. Именно эта **прямо не сформулированная**

законодателем норма и будет собственно предписанием. Правовой характер ему придаст санкция — правовая обязанность (например, уголовно-правовая) применить некие вид и меру неблагоприятного воздействия за нарушение требований указанного правового предписания. Иными словами, сформулированное в гражданском законодательстве как косвенный экспонент субъективное право отражает (выражает), например, запрет хищений различного вида, поэтому правильно утверждать, что запрет красть сформулирован в гражданском законодательстве, а в уголовном **отсутствует** прямая законодательная формулировка запрета (скажем, красть), но имеется (не вполне удачно сформулированная) обязанность наказать за совершение, например, кражи. **Роль санкции выполняет вся двучленная (содержащая гипотезу и диспозицию) уголовно-правовая норма.** В таком случае в субъективном праве мы действительно видим отраженную обязанность. Однако это вовсе не выражает функциональной зависимости юридического разрешения от иных правовых норм. Соответственно, такой механизм отражения и взаимосвязь прав и обязанностей не является одним из оснований системности права, отражаемой в законодательстве.

В выявленной нами связи единства содержания при различии формы в модели с дублирующим экспонентом права важно обратить внимание на тот факт, что субъективные права и юридические обязанности (запреты) в ситуации так называемой «корреспондирующей связи» (текстуально) **указывают** на различное, но **предписывают** (репрезентируют как денотат и десигнат права) одно и то же поведение. Например, «право обращаться» (ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской

ской Федерации» [8]) **указывает** на такое поведение, как **обращение**. Обязанность рассмотрения обращения (ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации») **указывает** на совершенно другое поведение — **рассмотрение обращения**. При этом оба законодательных текста (экспонента права) **предписывают** (репрезентируют как денотат и десигнат права) одно и то же: во-первых, обязанность рассмотреть обращение, во-вторых, обязанность **воздержаться от препятствования** обращению (запрет препятствовать обращению). Здесь следует четко различать рассмотренную связь субъективных прав и юридических обязанностей от так называемых правообязанностей.

С учетом приводимой ранее взаимоопределимости нормативных операторов мы легко придем к выводу о наличии в правообязанностях внутреннего противоречия.

Таким образом, видно, что **противоречие между теорией** (юридическое дозволение не является предписанием) **и практикой** (множество законодательных примеров формулировок дозволения) **отсутствует**. Это можно объяснить тем, что юридическая деятельность законодателя ошибочна, поскольку он старается создать невозможное (разрешение как самостоятельное предписание в семантическом аспекте). Данное противоречие отсутствует в силу того, что ошибкой является **не законодательное формулирование субъективного права** (нет ошибки в **объектном** языке права), а предпринимаемая в рамках **метаязыка права** попытка отнести субъективное право к самостоятельному (юридическому) предписанию.

1. Попов В. В., Астахова И. А., Черашева А. Н. Информационный статус прав человека: проблема нормативности юридического дозволения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4. С. 185—189.

2. Попов В. В. Проблемы системной связи субъективных прав и юридических обязанностей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2017. № 3. С. 47—51.

3. Попов В. В. Правовое разрешение-полномочие: некоторые проблемы теории // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3. С. 20—26.

4. Попов В. В. Соотношение права и законодательства: предпосылки рассмотрения через призму семиотического треугольника // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2. С. 127—132.

1. Popov V. V., Astakhova I. A., Cherasheva A. N. Informative status of human rights: the problem of normativeness of legal permission. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2005; 4: 185—189.

2. Popov V. V. Problems of systematic relation of subjective rights and legal obligations. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya. 2017; 3: 47—51.

3. Popov V. V. Legal permission-authority: some problems of theory. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016; 3: 20—26.

4. Popov V. V. Correlation of Law and Legislation: prerequisites for examination through the prism of the semiotic triangle. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2017; 2: 127—132.

5. Попов В. В., Мингес И. А. Две стороны нормативности права: решение в семантическом аспекте // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3. С. 25—30.

6. Грачев Н. И., Попов В. В. Правовой денотат как признак наличия государственного суверенитета // Философия права. 2018. № 3. С. 105—110.

7. Lectures on Jurisprudence. Being the sequel to «The Province of Jurisprudence Determined» to which are added notes and fragments». Now first published from the Original Manuscripts. By the late John Austin. New York, 1970. Lecture XLV.

8. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59 ФЗ (по сост. на 01.01.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Kelsen H. General theory of State and Law. Cambridge: Harvard University Press, 1949.

10. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с.

11. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. 320 с.

12. Попов В. В. К вопросу о структуре правовой нормы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 1. С. 10—14.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (по сост. на 01.01.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Леушин В. И. Логическая норма и нормативное предписание (структурный анализ) // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 605—611.

15. Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. 240 с.

16. Попов В. В. Санкции правовой нормы: миф или реальность? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2. С. 154—158.

17. Попов В. В. Права человека как субъективные права: проблемы нормативной интерпретации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3. С. 9—15.

© Попов В. В., 2019

Попов Виктор Викторович,
доцент кафедры теории и истории
права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

5. Popov V. V., Minges I. A. Two aspects of the normality of law: a solution in the semantic aspect. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2018; 3: 25—30.

6. Gratchev N. I., Popov V. V. Denotatum of Law as a feature of State sovereignty existence. Philosophy of Law. 2018; 3: 105—110.

7. Lectures on Jurisprudence. Being the sequel to «The Province of Jurisprudence Determined» to which are added notes and fragments». Now first published from the Original Manuscripts. By the late John Austin. New York; 1970.

8. Federal Law No. 59-FZ of 2 May 2006 (on as of 1 January 2019). "The procedure of consideration of applications of citizens of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Kelsen H. General theory of State and Law. Cambridge: Harvard University Press; 1949.

10. Alexeev S. S. General permits and General prohibitions in Soviet law. Moscow: Yuridicheskaya literature; 1989.

11. Tcherdancev A. F. Logical-linguistic phenomena in the law. Moscow: Norma : INFRA-M; 2012.

12. Popov V. V. Discussing the structure of the legal rule. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016; 1: 10—14.

13. The Civil Code of the Russian Federation (part one) No 14-FZ of 26 November 1996 (on as of 1 January 2019). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

14. Leushin V. I. Logical rule and regulatory requirement (structural analysis). Russian Year book of Legal theory. 2009; 2: 605—611.

15. Leist O. E. Sanctions in Soviet law. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury; 1962.

16. Popov V. V. Sanctions of legal rules: a myth or reality? Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016; 2: 154—158.

17. Popov V. V. Human rights as a subjective rights problems of normative interpretation. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2014; 4: 9—15.

© Popov V. V., 2019

Popov Viktor Viktorovich,
associate professor at the department
of theory and history law and state
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 343.91
ББК 67.512

DOI 10.25724/VAMVD.FSTU

М. В. Баранчикова

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ХУЛИГАНСТВО В СФЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАССАЖИРСКОГО ТРАНСПОРТА

В статье раскрываются особенности современного хулиганства в сфере функционирования пассажирского транспорта, показана его динамика, специфика совершения в области пассажирских перевозок. На основе опубликованных официальных данных продемонстрированы возрастные, гендерные, социальные и другие признаки хулиганов. Анализ практики привлечения к уголовной ответственности за хулиганство, а также криминологических и психологических исследований, посвященных изучению личности хулиганов, позволил выявить ряд их криминологических особенностей, исходя из которых сформировать криминологический портрет рассматриваемого вида хулигана.

Автором рассматриваются виды хулиганов в зависимости от специфики их участия в пассажирских перевозках, роли пассажирского транспорта в качестве места или предмета посягательства, уголовно-правовой оценки их действий по ст. 213 или 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также их общественной опасности, мотивации. Предлагается типология личности хулиганов, действующих в сфере функционирования пассажирского транспорта, показано ее практическое значение в профилактике нарушений общественного порядка и безопасности движения на пассажирском транспорте.

Ключевые слова: хулиганство на транспорте, пассажирский транспорт, личность хулигана, типы личности преступника, криминологическая характеристика, хулиганский мотив.

М. V. Baranchikova

PERSONALITY TYPOLOGY THE PERPETRATOR HAVING COMMITTED HOOLIGANISM IN THE SPHERE OF PASSENGER TRANSPORT

The article reveals the peculiarities of modern hooliganism committed in the field of passenger transport, shows its dynamics, the specifics of the commission in the field of passenger traffic. Based on the published official data, age, gender, social and other signs of people committing hooliganism are demonstrated. Analysis of the practice of criminal prosecution for hooliganism, as well as criminological and psychological research devoted to the study of the identity of hooligans, allowed us to identify a number of their criminological features, on the basis of which a criminological portrait of the considered hooligan was formed.

The author considers the types of hooligans, depending on the specifics of their participation in the process of passenger transportation, the role of passenger transport as a place or subject of encroachment, a criminal legal assessment of their actions according to art. 213 or 267.1 of the Criminal Code, as well as their public danger, motivation. A typology of the personality of hooligans operating in the field of passenger transport is proposed, its practical importance in the prevention of violations of public order and traffic safety in passenger transport is shown.

Key words: hooliganism on transport, passenger transport, personality of the hooligan, personality types of the criminal, criminological characteristic, hooligan motive.

В современных условиях повышения мобильности российских граждан и интенсивности транспортных перевозок наблюдается увеличение пассажиропотоков и, соответственно, частоты взаимодействия участников движения в ходе эксплуатации транспорта. Одной из негативных тенденций последних лет является рост числа конфликтов гра-

ждан в процессе их перемещения транспортными средствами. Распространенными становятся факты нарушений общественного порядка на транспорте, которые часто начинаются как мелкое, а затем перерастают в криминальное хулиганство.

В общей структуре преступности доля хулиганства ежегодно составляет около 0,1 %. Однако

демонстративность и дерзость самого преступления привлекает к нему внимание граждан, вызывает у них беспокойство за их безопасность. Резонанс, который приобретает хулиганство, делает его опасным преступлением, что подтверждают результаты опроса общественного мнения: среди видов преступных посягательств, от которых опасаются пострадать россияне, на втором месте после угроз, исходящих от водителей, пребывающих в состоянии алкогольного опьянения, стоят хулиганы.

Согласно официальным данным число фактов хулиганства с 2013 по 2017 гг. уменьшилось с 4 850 до 2 190 (на 54,8 %). Однако снижение его абсолютных показателей сопровождается негативными качественными изменениями, свидетельствующими о повышении его опасности. К негативным тенденциям относятся рост числа субъектов хулиганства в состоянии опьянения, а также ранее совершавших преступления. За последние пять лет количество хулиганов, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, увеличилось с 47,3 до 56 %, в состоянии наркотического или токсического опьянения, — с 0,3 до 0,4 %. Наблюдался рост числа субъектов хулиганства (с 35 до 45 %), ранее уже совершавших преступления [1, с. 81, 82].

Однако результаты официальной статистики не всегда отражают реальное состояние криминального хулиганства и число его субъектов. Применительно к нему можно вести речь о значительной доле пограничной латентности, когда преступление часто регистрируется как административное правонарушение [2, с. 57]. По причине несовершенства законодательных формулировок, наличия в законе оценочных признаков хулиганства отсутствуют четкие критерии его разграничения с мелким хулиганством. В результате содеянное часто не получает оценку как уголовно наказуемое деяние, несмотря на его опасность.

Распространенным физиологическим состоянием субъектов хулиганства является состояние опьянения. Оно встречается у них в два раза чаще, чем у других видов преступников. В свою очередь, в процессе авиа- и железнодорожных дебошей доля нетрезвых хулиганов приближается к 100 %. Опасность состояния опьянения пассажиров-хулиганов подтверждается рядом исследований, согласно которым оно проявляет себя в самолетах сильнее, чем в наземном транспорте. Данная субъективно-ситуационная характеристика субъектов хулиганства существенно влияет не только на их самочувствие, здоровье, но и на аморальность, противоправность поведения. Они намеренно создают социально-психологические кон-

фликты с другими людьми [3], ведут себя вопреки требованиям безопасности, неадекватно, пытаются открыть двери движущегося транспорта, проникнуть в кабину пилотов, водителей.

Действия субъектов хулиганства при совершении поездок на пассажирском транспорте представляют особую опасность, часто сопряжены с посягательством на честь, достоинство, здоровье окружающих. Они проявляются в оскорбительных высказываниях, нецензурной брани, применении насилия к гражданам, стюартам, проводникам и т. п. Хулиганы, будучи грубыми нарушителями общественного порядка, выражая явное неуважение к обществу, под влиянием опьяняющих веществ устраивают дебоши, чем причиняют вред спокойствию пассажиров и персонала, создают угрозу безопасности движения, крушения самолетов, транспортных катастроф, гибели людей.

Хулиганство в сфере функционирования пассажирского транспорта может пониматься в широком криминологическом смысле, приобретать разнообразные способы совершения. К числу его субъектов можно отнести не только пассажиров-хулиганов, но и лиц, управляющих транспортом, так называемых «дорожных хулиганов», которые устраивают гонки на дорогах общего пользования, нарушают правила дорожного движения, допускают опасное вождение, привлекая внимание окружающих, создавая тем самым угрозу как для безопасности движения транспорта, так и его участников. Резонанс таким явлениям придает то, что подобные действия в большинстве случаев сопровождаются последующей публикацией данных фактов в виде фото- и видеоматериалов в сети «Интернет», что популяризирует несоблюдение закона.

По справедливому утверждению Е. С. Стешич, «„пьяные“ гонки в условиях города, управление автомобилем с умышленным созданием опасности для жизни и здоровья людей представляются не покушением на безопасность дорожного движения, а способом преступления в стремлении к собственному успеху, свободе, наслаждению, удовольствию. Мотивация поведения виновных проявляется в пренебрежении к потребностям других людей, самоуверенности, тщеславии, эгоизме; гибких установках по отношению к социальным нормам; низком чувстве вины, пренебрежении правилами, слабом интересе к общественным стандартам» [4, с. 109].

К хулиганству на дороге предлагается относить «случаи умышленных неоднократных нарушений ПДД, демонстрирующих явное неуважение к обще-

ству, когда лицо одновременно может иметь несколько десятков неоплаченных штрафов и, несмотря на это, продолжать нарушать правила дорожного движения» [5, с. 18].

Специфика гендерных особенностей хулиганов на протяжении ряда лет остается стабильной, в 97 % случаях оно совершается мужчинами. Это объясняется своеобразием поведенческих актов разных полов. Для мужчин характерны грубые нарушения общественного порядка, общепринятых правил. Их примитивное понимание мужественности включает в себя обязательную агрессивность и нежелание уладить возникающие проблемы мирными способами. У многих хулиганов имеет место явление, получившее название в гендерной социальной психологии компульсивной или компенсаторной мужественности [6].

Возраст хулиганов часто влияет на избирательность преступного поведения. Принято считать, что молодежь чаще совершает преступления агрессивного, импульсивного характера. Лица же старшей возрастной категории действуют более обдуманно, в том числе с позиций возможных последствий своего поведения. Однако для субъектов хулиганства это не всегда характерно, особенно при его совершении на транспорте. В последние годы возрастная дифференциация хулиганов претерпела определенные изменения. Если в 2013 г. наиболее криминальным возрастом являлся период с 18 до 29 лет (55 %), а лица старше 30 лет составляли 42 %, то сейчас ситуация изменилась. В 2018 г. 53 % хулиганств совершили лица старше 30 лет, а 44,3 % — в возрасте от 18 до 29 лет. Реже всех совершали хулиганство несовершеннолетние лица, доля которых снизилась с 3 до 2,7 % [1].

Анализ практики привлечения к ответственности за хулиганство на пассажирском транспорте показал, что характерной чертой хулигана стал его «зрелый» возраст, особенно распространенный у пассажиров-хулиганов. В механизме совершения преступления данной категорией лиц местом хулиганства выступал транспорт общего пользования, а виновный привлекался к ответственности по п. «в» ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В свою очередь, хулиганы, совершающие действия, связанные с внешним воздействием на безопасность пассажирских перевозок, были более молодыми — от 18 до 30 лет. Их хулиганское поведение часто проявляется в опасном «лихачестве» на дороге, которое представляет собой грубые нарушения общественного порядка, выражающие явное неуважение к обществу, или сопряжено с созданием

угрозы безопасной эксплуатации транспортных средств, квалифицируемым по ст. 267.1 УК РФ.

Хулиганские побуждения как стремление в вызывающей форме выразить себя, свое пренебрежение к обществу и его установлениям [7, с. 96], проявляются часто по незначительному поводу, когда ситуация, в том числе будущий потерпевший, не дает субъекту преступления предлога для учинения преступных действий над ним. Жертвами хулиганства на транспорте часто становятся совершенно случайные люди.

Согласно исследованиям уровень образования у хулиганов характеризуется как низкий. Около 57 % лиц, осужденных за хулиганство, не имели среднего образования. Лишь 3,6 % хулиганов на момент совершения преступления обучались в техникумах и вузах, 0,7 % хулиганов имели высшее и неоконченное высшее образование. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что у лиц, совершающих хулиганские действия, отсутствует стремление к получению высшего и среднего специального образования [8, с. 48]. Это свойственно всем типам данной категории преступников, в том числе транспортным хулиганам.

Своеобразием отличается социальный статус личности хулигана. По официальным данным в общей структуре субъектов хулиганства 36 % из них являлись наемными работниками, 25 % служащими, 14 % учащимися и студентами, 2,1 % пенсионерами и 16,5 % не работали и не учились.

Хулиганство в сфере функционирования пассажирского транспорта носит преимущественно индивидуальный характер.

В зависимости от участия в обеспечении пассажирских перевозок можно выделить хулиганов-пассажиров, хулиганов-водителей, хулиганов, выступающих иными участниками движения или совершенно посторонними лицами.

Можно также вести речь о двух типах личности преступника: внутреннем и внешнем. Каждому из них присущи своя специфика совершения хулиганства, место (в салоне или с внешней стороны транспортного средства), способ и мотивация. Например, Киевским районным судом г. Симферополя 31-летний местный житель признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 264.1 (нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию), ст. 116 (побои), ст. 119 (угроза убийством), п. «а» ч. 1 ст. 213 (хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия) УК РФ. Было установлено, что осужденный, находясь в состоянии алкогольного

опьянения, «подрезал» автомобиль такси, после чего вышел на дорогу и стал угрожать таксисту, используя пистолет и применяя физическое насилие. Виновному назначено наказание в виде лишения свободы на срок 2 года и 2 месяца с отбыванием в колонии-поселении, с лишением сроком на 3 года права заниматься деятельностью, связанной с управлением техническими средствами.

Общими чертами, свойственными личности хулиганов, являются негативно-пренебрежительное отношение к личности и ее важнейшим благам, перенесение агрессивного поведения с одной жертвы на другую при их нейтральном поведении, а также насильственно-эгоистическая мотивация. Субъекты хулиганства характеризуется деформированностью нравственно-психологических качеств, агрессивностью, импульсивностью. Они в целом хуже учитывают прошлый опыт, плохо умеют прогнозировать будущее. Исследования показали наличие у хулиганов таких качеств, как злопамятность, тенденция поступать по первому побуждению под влиянием эмоций.

У хулиганов отмечают «заряд» злобности, которая может проявляться в любой момент при наличии ничтожного по силе внешнего раздражителя, например, замечания, сделанного по поводу ограничений, связанных с поездкой на пассажирском транспорте, если для этого возникает соответствующая ситуация. Для таких преступников личность потерпевшего не имеет значения. При наличии соответствующих обстоятельств они могли бы напасть на любого.

Применение в ходе хулиганства насилия к окружающим характерно чаще всего для малообразованных, некультурных людей, которым присущи узкий кругозор, некритичность своего поведения, примитивные и грубые потребности и интересы, неумение сдерживать себя в конфликтной ситуации, неспособность прогнозировать отдаленные последствия своих поступков.

К нравственно-психологическим свойствам личности лиц, совершивших хулиганство, относятся эгоизм, убежденность в допустимости и предпочтительности насильственных способов достижения целей и удовлетворения своих желаний, неуважительное отношение к иным лицам, их чувствам и переживаниям, установка на грубое, вызывающее и агрессивное поведение. Для хулиганов характерны высокий уровень импульсивности, вспыльчивости, ярко выраженная агрессивность, отсутствие согласия с правовыми нормами и требованиями законов об ответственности за преступления против общественного порядка.

Большое криминологическое значение имеет выделение типов личности преступников, совершающих хулиганство на пассажирском транспорте. Практический смысл их типологизации состоит в возможности дифференцировать профилактическое и воспитательное воздействие, меры уголовной ответственности. Посредством нее создается своеобразная модель личности, по которой можно судить о субъективных причинах конкретного преступного поведения [9].

В современной криминологии по такому критерию, как отношение преступника к главной ценности — человеческой жизни, выделяют следующие его типы: абсолютно опасный, особо опасный, опасный и представляющий незначительную опасность [10, с. 31]. В рамках данной типологии можно рассматривать соответствующие виды субъектов хулиганства, большинство из которых принадлежит ко второму и третьему типам.

Основным свойством личности хулиганов, составляющим содержание его общественной опасности, выступает неуважение к обществу. Оно находит отражение в совершенном общественно опасном деянии. По характеру общественной опасности можно выделить особо опасных, десоциализированных опасных, неустойчивых, ситуативных хулиганов. К первой категории относятся преступники с четко и устойчиво выраженной специфической (агрессивно-насильственной) антиобщественной направленностью. Это хулиганы, допускающие поведение, опасное для жизни, здоровья и достоинства личности и ее важнейших благ, им свойственны убежденность в допустимости насильственных средств разрешения конфликтов, негативно-пренебрежительное отношение к человеческой личности и ее важнейшим благам. Поведенческий стереотип данного типа преступника является результатом глубокой деформации личности, специфическим продуктом эгоцентрической жизненной направленности [10]. Ко второй категории можно отнести лиц, которые характеризуются в целом отрицательно, ведут асоциальный образ жизни, часто бездомное существование, ранее привлекались к административной или уголовной ответственности. Многие из них — хронические алкоголики или наркоманы. При этом направленность на личность, общественный порядок явно не выражена, они более пассивные, чем первый тип преступника. Последние два типа личности хулиганов наиболее распространены в сфере функционирования пассажирского транспорта.

Неустойчивый тип хулигана характеризуется безразличием к общественному мнению, убеж-

денностью в безнаказанности, привыканием к алкоголю или наркотическим средствам, неумением противостоять негативному влиянию других лиц, отсутствием устойчивых стереотипов правоопослушного поведения.

Ситуативный тип хулигана отличается слабой выраженностью негативных взглядов и установок. Его представители обладают, как правило, низким образовательным и культурным уровнем, в связи с чем подвержены немотивированной агрессии. Они часто не имеют конкретной цели и мотивов преступления, из-за своих психологических особенностей попадают в жесткую зависимость от ситуации, не находя социально приемлемого способа ее разрешения. Умысел на совершение хулиганства может появиться под действием алкоголя или наркотических средств и психотропных веществ.

Исследования личности хулиганов показывают, что противоправные действия всех их разновидностей имеют преимущественно внутреннюю мотивацию. Хулиганы сами намеренно создают социально-психологические конфликты с окружающими. Агрессия, проявляемая ими, инициируется ими же, а не оказывается вызванной реакцией на специфические неприятные условия. Особенностью выступает то, что они предпочитают конфликтовать не только с другими пассажирами, но и с обслуживающим персоналом на транспорте, в связи с чем последних можно считать потенциальными жертвами транспортных дебоширов.

Среди хулиганов часто встречаются возбудимые личности, их отличает не благоразумие и логическое взвешивание своих поступков, а влечения, инстинкты, неконтролируемые побуждения, импульсивность. В ряде случаев такие люди по незначительному поводу начинают ссору, грубят, используют нецензурные выражения и т. д. [7, с. 98].

Согласно исследованиям в 26 % имеющихся в уголовных делах характеристик, содержащих сведения о нравственно-психологических качествах личности хулигана, указывалось на грубость, резкость в обращении с людьми осужденных за хулиганство; в 26 % — на вспыльчивость, несдержанность; в 11 % — на злобу, жестокость, агрессивность [8, с. 52].

Хулиганам присуще создание социально-психологических конфликтов с другими людьми, они сами создают такие ситуации, в которых могли бы реализовать свои агрессивные импульсы и намерения.

Громкие дорожно-транспортные преступления последнего времени были связаны с мотивами

самовыражения, самоутверждения, удовольствия, а не с проявлением невнимательности и безответственности, сопровождающих преступную неосторожность и характеризующих виновных в ней лиц [4, с. 109], что дает основания относить подобные факты к действиям, совершенным из хулиганских побуждений. Об этом свидетельствует схожесть личностных свойств, признаваемых общественно опасными у хулиганов и дорожно-транспортных преступников: импульсивность поведения (склонность к необдуманным решениям), а также ложно понятые антиобщественные, эгоистические личные интересы [11, с. 142, 143].

Основное звено в мотивации совершения хулиганских действий — стремление показать пренебрежение к обществу, окружающим, противопоставить свое поведение требованиям общественного порядка, желание противоправным способом проявить свою индивидуальность, удаль, в вызывающей форме выразить протест против общественной дисциплины [12, с. 72]. Именно в этом состоят хулиганские действия, сопутствующие перевозке пассажиров, где виновные, действуя в отношении других лиц, транспортных средств, посягают не только на интересы окружающих, но и на общественный порядок, затрагивают сферу обеспечения безопасности движения транспорта.

Любая типология личности хулиганов носит условный характер, не каждый субъект может быть однозначно отнесен к тому или иному типу. Часто встречаются представители смешанных, промежуточных групп. Однако имеющиеся типологии можно использовать как для профилактики преступного поведения хулиганов, так и для справедливой уголовной правовой оценки их действий, назначения обоснованного вида и размера наказания.

Учет типажа конкретного субъекта хулиганства может осуществляться в рамках общепринятых классификаций преступников, а также в рамках сформированной в современный период новой специфической классификации («внутренних» и «внешних» хулиганов).

Практически важным обстоятельством выступает решение вопроса о признании мотива конкретного преступника хулиганским, а его действий — подпадающими под признаки ст. 267. 1 УК РФ, предусматривающей ответственность за новую разновидность хулиганских действий на транспорте или ст. 213 УК РФ. Возможны ситуации, когда действия одного и того же лица последовательно сменяют друг друга, перерастая из внутреннего во внешнее хулиганство. Начатые, например, в каюте, служебном помещении водного транспорта, они

могут продолжиться на его палубе, а оба хулиганских действия получить самостоятельную квалификацию по совокупности п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ и ст. 267.1 УК РФ. Определяющим фактором становится правильное и обоснованное установление хулиганского мотива субъекта.

Хулиганские побуждения в условиях отсутствия их легального и психологического определения являются самым неопределенным мотивом преступления, который рассматривается в свете антисоциальной направленности личности, грубости, цинизма, самоутверждения, демонстративности, озорства и даже беспричинности [13, с. 126].

Наряду с установлением специфики лица, совершившего хулиганство в сфере функционирования пассажирского транспорта, важным остается его законная и единообразная квалификация. Существующие подходы ученых к оценке схожих фактов хулиганства не всегда единообразны [14], [15], официальные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации часто недостаточно конкретны, что определяет необходимость дальнейших исследований с уголовно-правовых и криминологических позиций лиц, совершающих хулиганство в сфере функционирования пассажирского и других видов транспорта.

1. Преступность и правонарушения (2013—2017): статистический сб. М., 2018. С. 81—82.

2. Намнясева В. В. Латентная преступность в сфере посягательств на интересы правосудия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 55—62.

3. Хулиганы и хулиганство: гендерно-психологические исследования. URL: <http://doctoroff.ru/huligany-i-huliganstvo> (дата обращения: 13.01.2019).

4. Стешич Е. С. Криминология гомицида: моногр. М.: Юрлитинформ, 2019. 365 с.

5. Хиль И. М., Лихачев Н. А. Актуальные аспекты противодействия агрессивному вождению и дорожному хулиганству в Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2(40). С. 16—20.

6. Берн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак. 2004. 320 с

7. Антонян Ю. М. Хулиганство как мотив преступного поведения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 94—101.

8. Фомичев Н. Я. Уголовно-правовые и криминологические проблемы хулиганства: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 164 с.

9. Протасевич А. А. Чигрина Е. В., Зверева-Каминская О. В. Криминологическая типология личности преступника в местах лишения свободы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 28—33.

10. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания: моногр. М.: РГ-Пресс, 2018. 400 с.

11. Дорожно-транспортная преступность: закономерности, причины, социальный контроль: науч.-практ. издание / А.Ю. Кравцов [и др.]; под ред. В. В. Лунеева. СПб., 2011. 474 с.

1. Crime and offenses (2013—2017). Statistical collection. Moscow; 2018.

2. Namnyaseva V. V. Latent crime in the sphere of encroachments on the interests of justice. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 4: 55—62.

3. Hooligans and hooliganism: gender-psychological research. Available from: <http://doctoroff.ru/huligany-i-huliganstvo>. Accessed: 13 January 2019.

4. Stesic E. S. Criminology of the homicide: monograph. Moscow: Yurilitinform; 2019.

5. Khil I. M., Likhachev N. A. Actual aspects of countering aggressive driving and road hooliganism in the Russian Federation. Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018; 2: 16—20.

6. Bern S. Gender psychology. Moscow: Prime Eurosign; 2004.

7. Antonyan Yu. M. Hooliganism as a motive for criminal behavior. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017; 4: 94—101.

8. Fomichev N. Ya. Criminally-legal and criminological problems of hooliganism. Stavropol; 2000.

9. Protasevich A. A. Chigrina E. V., Zvereva-Kaminskaya O. V. Criminological typology of the personality of a criminal in places of deprivation of liberty. Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2013; 2: 28—33.

10. Antonyan Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. Ye. Psychology of crime and punishment. Moscow: RG-Press; 2018.

11. Kravtsov A. Yu., Sirokhin A. I., Skomorokhov R. V. (et al). Road traffic crime: patterns, causes, social control. Saint-Petersburg; 2011.

12. Батюкова В. Е. Уголовная ответственность за хулиганство и иные преступления, совершаемые из хулиганских побуждений: моногр. М.: Юнити-Дана, 2017. 199 с.

13. Тазин И. И. Психологическое содержание хулиганских побуждений как мотива преступления // Альманах современной науки и образования. 2014. № 7 (85). С. 125—128.

14. Шарапов Р. Д., Шатилов С. Н., Зворыгина С. А. Субъект транспортного преступления. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 114 с.

15. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: моногр. М.: Проспект, 2018. 242 с.

© Баранчикова М. В., 2019

Баранчикова Марина Вячеславовна,
заместитель начальника
кафедры уголовного права,
криминологии и психологии
Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: marina-baranchikova@yandex.ru.

12. Batiukova V. E. Criminal liability for hooliganism and other crimes committed out of hooliganism motives. Moscow: Unity-Dana; 2017.

13. Tazin I. I. Psychological content of hooligan motives as a crime motive. Almanac of modern science and education. 2014; 7: 125—128.

14. Sharapov R. D., Shatilovich S. N., Zvorygina S. A. Subject of a traffic crime. Tyumen: Tyumen Institute of Advanced Training for the Officers of the Ministry of the Interior of Russia; 2018.

15. Chuchaev A. I., Pozharsky A. Yu. Traffic crimes: concept, types, characteristic. Moscow: Prospect; 2018.

© Baranchikova M. V., 2019

Baranchikova Marina Vyacheslavovna,
deputy head at the department of criminal law,
criminology and psychology,
Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: marina-baranchikova@yandex.ru.

* * *

УДК 343.9
ББК 67.515

DOI 10.25724/VAMVD.FTUV

В. И. Долинко

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Экономическая безопасность является важной составляющей национальной безопасности любого государства. Экономическая система подвержена воздействию многих негативных факторов как внешних, так и внутренних. Среди них можно назвать концептуальные просчеты в управлении экономикой, игнорирование объективных законов рынка, а также криминализацию большого числа сегментов экономики России. «Сбои» в экономических отношениях часто приводят к социальным обострениям, в результате чего страдает не только экономика, но и политика, право, идеология. Именно этим обусловлена актуальность темы данного исследования.

Автор рассматривает основные направления уголовной политики современной России, призванные обеспечить экономическую безопасность государства. В статье отмечается, что особый вред государству причиняет такое явление, как коррупция, поскольку оно подрывает авторитет государственной власти, что, в свою очередь, ведет к нарушению конституционного принципа справедливости. Предлагаются некоторые меры совершенствования законодательства, призванного обеспечить экономическую безопасность Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, коррупция, уголовно-правовые меры противодействия коррупции.

V. I. Dolinko

MODERN CRIMINAL LEGAL POLICY RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF ECONOMIC SECURITY

Economic security is an important component of the national security of any state. The economic system is exposed to many negative factors, both external and internal. Among them are conceptual miscalculations in managing the economy, ignoring the objective laws of the market, as well as the criminalization of a large number of segments of the Russian economy. "Failures" in economic relations often lead to social exacerbations, as a result of which not only the economy suffers, but also politics, law, and ideology. This is the reason for the relevance of the topic of this study.

The author examines the main directions of the criminal policy of modern Russia, designed to ensure the economic security of the state. The article notes that such a phenomenon as corruption causes special harm to the state, since it undermines the authority of the state power, which, in turn, leads to a violation of the constitutional principle of justice. Some measures are proposed to improve legislation designed to ensure the economic security of the Russian Federation.

Key words: national security, economic security, corruption, criminal law anti-corruption measures.

Мысль о том, что главной целью любого государства является обеспечение общего благосостояния и безопасности, возникла еще в XVII—XVIII вв. В трактате «Об общественном договоре, или принципы политического права» Ж.—Ж. Руссо писал, что «трепетная забота о полной безопасности и самосохранении — это важнейшая из всех первоочередных забот государства» [1]. Тогда под безопасностью понималась такая ситуация спокойствия в стране и обществе, которая появляется в результате полного отсутствия любой реальной опасности, а также наличие качественной материальной и отлаженной организационной структуры,

способствующей созданию и эффективному поддержанию этой спокойной и стабильной ситуации.

В России термин «безопасность» впервые был закреплен на законодательном уровне в Законе Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1. Он трактовался как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [2]. Действующий Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ не содержит понятийного аппарата в целом и определения рассматриваемого термина в частности, что является существенным пробелом. Отметим также, что в ст. 1 названного закона

в качестве предмета регулирования установлены «безопасность государства, общественная безопасность, безопасность личности и иные виды безопасности, предусмотренные Правительством Российской Федерации» [3]. Комментируемый нормативный акт не называет отдельных видов безопасности, хотя, на наш взгляд, законодатель должен был закрепить их перечень в тексте основного федерального закона, регулирующего вопросы безопасности государства.

С 2014 г. Россия втянута в «санкционную войну» и вынуждена особо защищать свои экономические интересы. Это послужило одной из причин, по которой предметом нашего внимания стало обеспечение экономической безопасности страны. Кроме того, не стоит забывать, что экономическая безопасность является «материальной базой национальной безопасности, гарантирует обеспечение независимости государства, устанавливает возможности выполнения независимой экономической политики и формирует способности в целях поступательного устойчивого социально-экономического формирования страны в условиях глобализации всемирного хозяйства и геополитических рисков» [4].

Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13 мая 2017 г. № 208 дает следующую дефиницию экономической безопасности: «Состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [5].

Одно из основных мест в устранении внутренних угроз экономической безопасности занимает уголовно-правовая политика государства, так как имеет «специфическую направленность на сниже-

ние масштабов преступности и определяющее значение для формирования стабильности в обществе, авторитета власти и уверенности населения в своей защищенности от преступных посягательств» [6]. Уголовно-правовая политика не только обуславливает способы и средства борьбы с преступностью, но и позволяет оценивать их эффективность. Выделение уголовно-правовой политики, направленной на обеспечение экономической безопасности и противодействие коррупции, сегодня имеет чрезвычайную актуальность, в связи с тем что ее предмет — экономическая преступность — представляет наибольшую опасность для государства и общества. В Российской Федерации, согласно данным Министерства внутренних дел, за январь—ноябрь 2018 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года число экономических преступлений возросло на 4,7 %. Всего за указанное время было выявлено 107,3 тыс. преступлений данной категории. Материальный ущерб (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 361,3 млрд руб. [7]. При этом наиболее распространенным видом экономических преступлений стало незаконное присвоение активов, на втором месте — взяточничество и другие преступления коррупционной направленности, на третьем — мошенничество в сфере закупок [8].

Сегодня основное внимание властей сосредоточено на борьбе с коррупцией, так как она деструктивно влияет на безопасность не только отдельных регионов страны, но и всего государства в целом, подрывает авторитет органов государственной власти, что ведет к нарушению конституционного принципа справедливости, кроме того, преступления коррупционной направленности вызывают широкий общественный резонанс. Следственный комитет Российской Федерации привел рейтинг самых коррумпированных регионов (табл. 1) страны за истекший год [9].

Таблица 1

Регионы, в которых возбуждено наибольшее количество уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности в 2018 г.

№ п/п	Регион	Число возбужденных уголовных дел
1.	Челябинская область	639
2.	город Москва	421
3.	Краснодарский край	372
4.	Московская область	349
5.	Ростовская область	353
5.	Республика Татарстан	334
7.	Самарская область	308

Как видим, среди регионов «лидирующее» положение занимает Челябинская область, где были возбуждены уголовные дела в отношении служа-

щих органов государственной власти, военных, сотрудников правоохранительных структур, сфер образования и здравоохранения. При этом наи-

большее количество уголовных дел, направленных в суд, составляют дела о взяточничестве — 22,3 %, далее следует дела о мошенничестве — 19,8%, присвоении или растрате — 8,3 % [10].

Начальник Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России генерал-майор полиции А. А. Курносенко в своем интервью изданию «Коммерсантъ» отметил, что «...взяточничество по-прежнему отличается высокой латентностью, причем она проявляется не только в нежелании взяточдателей сообщать о преступлениях. Появляются новые методы конспирации, меняются способы передачи взятки: используется удаленный доступ, офшоры, аффилированные через третьих лиц фирмы, различные электронные платежные системы» [10]. Этим можно объяснить рост числа подобных преступлений.

Среди главных проблем в сфере обеспечения экономической безопасности необходимо назвать и рост теневой экономики. Эксперты Международного валютного фонда отмечают, что рост теневого валового внутреннего продукта в России достигает примерно 33 %, а это является высоким показателем даже по сравнению с некоторыми странами Африки и всей Восточной Европой [11].

Защита общественных отношений от посягательств в сфере экономики осуществляется посредством предупреждения совершения преступлений через криминализацию и декриминализацию деяний. Ответственность за преступления экономической направленности установлена в главе 22 Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В 2018 г. в данную главу вновь были внесены поправки. Так, Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 227-ФЗ несколько изменил ст. 171.2 УК РФ: расширил перечень деяний, за которые может последовать наказание. Теперь ответственность наступает за незаконные организацию и проведение азартных игр без лицензии (вне игорной зоны), а также за систематическое предоставление помещения для указанных целей. Результатом принятия Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ стало появление в тексте УК РФ ст. 200.6, предусматривающей ответственность за заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ дополнил ст. 170.1 «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета» УК РФ чч. 4 и 5, устанавливающими наказание «за внесение в реестр владельцев ценных бумаг либо

в систему депозитарного учета заведомо неполных или недостоверных сведений, а равно подтверждение от имени организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги, достоверности внесенных в реестр владельцев ценных бумаг либо в систему депозитарного учета сведений, заведомо для подтверждающего лица являющихся неполными или недостоверными...» одним лицом и группой лиц соответственно. Кроме того, последний федеральный закон дополнил текст УК РФ ст. 172.3 «Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах» [12].

В 2018 г. был разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в статьи 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Авторы документа предлагают указать в диспозициях данных статей, что лицо подлежит ответственности за придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления или заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в том числе посредством совершения сделок или финансовых операций с такими денежными средствами или иным имуществом. По мнению разработчиков, такое изложение подразумевает под собой ответственность за совершение рассматриваемого деяния любыми способами. Кроме того, предлагаемый законопроект вариант криминализации отмыывания доходов, полученных преступным путем, более точно соответствует международным стандартам.

Как известно, обязательным признаком преступления является уголовная наказуемость. Установление уголовной наказуемости деяний — пенализация — представляет собой важнейшую часть криминализации. Пенализация есть также процесс внесения в санкции действующего уголовного законодательства изменений — их ужесточение. Так, Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 530 было ужесточено наказание по ст. 172.1. Если ранее ч. 1 указанной статьи в качестве минимального размера штрафа устанавливала сумму 300 тыс. руб., то теперь нижний предел — 500 тыс. руб. Кроме того, этот же федеральный закон ввел в действие ч. 2 ст. 172.1, которая предусматривает наказания за те же деяния, что и ч. 1, только совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Они наказываются штрафом от 3 до 5 млн руб.

Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 227-ФЗ установил нижние пределы наказания за орга-

низацию и проведение азартных игр в виде штрафа (по ч. 1 — 300 тыс. руб.; по ч. 2 — 500 тыс. руб., по ч. 3 — 1 млн руб.) и лишения свободы (по ч. 1 — 1 год, по ч. 2 — 3 года, по ч. 3 — 5 лет). Если обратиться к материалам судебной практики, то можно отметить, что ранее размеры штрафа, назначаемые судом, были ничтожны по сравнению с доходами, полученными от преступной деятельности. Так, Невским районным судом г. Санкт-Петербурга А. В. Чистякову и А. М. Атрощенко за совершение незаконной организации и проведения азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны группой лиц по предварительному сговору были назначены штрафы в размере 48 тыс. руб. и 50 тыс. руб. соответственно. Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга назначил А. В. Стафееву наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171.2 УК РФ, в виде штрафа в размере 40 тыс. руб. Таких примеров множество.

Вместе с тем необходимо отметить, что с наряду криминализацией деяний в современной уголовно-правовой политике, направленной на обеспечение экономической безопасности, наблюдается тенден-

ция к декриминализации. Так, 23 ноября 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин внес на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации законопроект, расширяющий список статей главы 22 УК РФ, по которым лицо будет освобождаться от уголовной ответственности, если возместит потерпевшему ущерб и внесет в бюджет сумму, равную двойному ущербу от преступления. Эти нововведения прежде всего коснутся ст. 159 и 160 УК РФ. В пояснительной записке к законопроекту указано, что предлагаемые изменения должны стать дополнительным гарантом защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования.

Таким образом, можно отметить, что процессы криминализации и декриминализации деяний в сфере экономики вполне объяснимы. Однако законодателю следует всегда помнить о том, что при реализации уголовной политики необходимо учитывать изменения криминальной ситуации в стране, степень распространенности тех или иных преступлений и степень наносимого ими вреда.

1. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. URL: lib.ru (дата обращения: 23.01.2019).

2. О безопасности: закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-I (утратил силу). Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

3. О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Матвеева Е. С. Понятие экономической безопасности государства и ее место в системе национальной безопасности // Молодой ученый. 2017. № 3. С. 367—369.

5. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 280. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Соловьев И. Н. Гуманизация законодательства, предусматривающего ответственность за совершение экономических преступлений, как «мягкая» амнистия в сфере экономики // Российский следователь. 2014. № 13 С. 36—42.

7. Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за январь—ноябрь 2018 г. URL: мвд.рф (дата обращения: 23.01.2019).

8. Российский обзор экономических преступлений за 2018 год. URL: www.pwc.ru (дата обращения: 13.02.2019).

1. Rousseau J.-J. On the social contract, or the principles of political law. Available from: lib.ru. Accessed: 23 January 2019.

2. The law of the Russian Federation No. 2446-I of 5 March 1992. "On security" (became invalid). Available from: legal information portal "Garant".

3. Federal law No. 390-FZ of 28 December 2010. "On security". Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

4. Matveeva E. S. The concept of economic security of the state and its place in the system of national security. Young Scientist. 2017; 3: 367—369.

5. Decree of the President of the Russian Federation No. 280 of 13 May 2017. "About the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period until 2030". Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

6. Soloviev I. N., Humanization of Legislation Providing Responsibility for Economic Crimes, as a "soft" amnesty in the economic sphere. Russian investigator. 2014; 13: 36—42.

7. Brief description of crime in the Russian Federation in January — November 2018. Available from: мвд.рф. Accessed: 23 January 2019.

8. Russian Economic Crimes Survey 2018. Available from: www.pwc.ru. Accessed: 13 February 2019.

9. Следственный комитет РФ обнародовал рейтинг самых коррумпированных ведомств. URL: ru-an-info.lifejournal.com (дата обращения: 24.01.2019).

10. Челябинская область возглавила коррупционный рейтинг России. URL: <http://www.chel.aif.ru> (дата обращения: 24.01.2019).

11. «Важен не размер взятки, а принцип неотвратимости наказания». Начальник ГУЭБиПК МВД России Андрей Курносенко о борьбе с коррупцией и защите бюджетных средств. URL: www.kommersant.ru (дата обращения: 24.01.2019).

12. Теневая экономика в России в 2018 году меняется. URL: pronedra.ru (дата обращения: 23.01.2019).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (ред. от 27.12.2018).

© Долинко В. И., 2019

Долинко Василий Иванович,
начальник
редакционно-издательского отдела
Академии управления МВД России;
e-mail: dol271@yandex.ru.

9. The Investigative Committee of the Russian Federation announced the ranking of the most corrupt departments. Available from: ru-an-info.lifejournal.com. Accessed: 24 January 2019.

10. Chelyabinsk region topped the corruption rating of Russia. Available from: <http://www.chel.aif.ru>. Accessed: 24 January 2019.

11. "It is not the size of the bribe that is important, but the principle of the inevitability of punishment." Head of the GUEBiPK Ministry of Internal Affairs of Russia Andrei Kurnosenko on the fight against corruption and the protection of budgetary funds. Available from: www.kommersant.ru. Accessed: 24 January 2019.

12. The shadow economy in Russia in 2018 is changing. Available from: pronedra.ru. Accessed: 23 January 2019.

13. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13 June 13 1996. Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

© Dolinko V. I., 2019

Dolinko Vasily Ivanovich,
head of the editorial and publishing department
of the Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: dol271@yandex.ru.

* * *

В. А. Кузнецов, Е. В. Кузнецова**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
ПРОДУЦИРУЕМОГО КОНТЕНТОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

В статье дана характеристика информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», рассмотрены формы криминогенного воздействия посредством контента в процессе коммуникаций, предложены направления общесоциального и специально-криминологического предупреждения делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети «Интернет».

Современная архитектура информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с ее общедоступностью, открытостью, востребованностью, децентрализованностью и анонимностью рождает у пользователей осознание неуязвимости, что позволяет распространять вредоносный контент и совершать действия с нарушением норм национального и международного права. Такое сочетание приводит к тому, что Интернет становится одним из наиболее мощных инструментов криминализации и виктимизации несовершеннолетних. Основная ответственность за предупреждение преступности в целом лежит на государстве, поэтому эффективная реализация предупреждения делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети «Интернет», возможна только при четком определении обязанностей компетентных органов и должностных лиц, участвующих в профилактике влияния контента сети «Интернет» на преступность несовершеннолетних, а также при исключении дублирования данных функций. Обеспечение информационной безопасности детей возможно исключительно при условии эффективного сочетания государственных и общественных усилий при определяющей роли семьи. В связи с этим важнейшей задачей является налаживание согласованного взаимодействия семьи — главного института социализации и воспитания детей — с государством и всеми элементами современного медиарынка: производителями и распространителями контента, психолого-педагогическими экспертными сообществами и экспертными сообществами в области художественного образования.

Ключевые слова: информационная безопасность, несовершеннолетние, сеть «Интернет», криминогенное воздействие, общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение.

V. A. Kuznetsov, E. V. Kuznetsova**THE PREVENTION OF DELINQUENT BEHAVIOR OF JUVENILES PRODUCED
OF CONTENT OF THE INTERNET**

The article describes the information and telecommunication network of the Internet, the forms of criminogenic influence through the content and in the process of communication, the directions of General social and special criminological prevention of delinquent behavior of minors produced by the content of the Internet.

The modern architecture of the information and telecommunication network of the Internet with its accessibility, openness, demand, decentralization and anonymity gives rise to the awareness of invulnerability among users, which allows to distribute malicious content and act in violation of national and international law. This combination leads to the fact that the Internet is becoming one of the most powerful tools of criminalization and victimization of minors. The main responsibility for the prevention of crime in General lies with the state, so the effective implementation of the prevention of delinquent behavior of minors, produced by the content of the Internet, is possible only with a clear definition of the responsibilities of the competent authorities and officials involved in the prevention of the impact of Internet content on juvenile delinquency, as well as with the elimination of duplication of these functions. Ensuring information security of children is possible only if there is an effective combination of state and public efforts, with the defining role of the family. In this regard, the most important task is to establish a coordinated interaction of the family, the main Institute of socialization and education of children, with the state and all elements of the modern media market-producers and distributors of content, psychological and pedagogical expert communities and expert communities in the field of art education.

Key words: information security, juveniles, the Internet, criminogenic influence, general social and special-criminological warning.

Сегодня Интернет, преодолев традиционные географические барьеры, открыл беспрецедентные возможности для распространения информации и коммуникации. Сигналом подвижной сотовой связи покрыто 95 % населения планеты, а сети 3G и 4G сделали Интернет еще более доступным. Пользователями российского сегмента сети «Интернет» в 2017 г. стали более 88 млн человек, т. е. 72 % населения страны, а среди детей до 18 лет — от 95 до 100 % в зависимости от половозрастной группы. Это способствовало увеличению объема потребляемой информации населением России за последние 10 лет с 277 млрд Мб до 30,7 млрд Гб (более чем в 100 раз), что значительно превысило возможности большинства людей в освоении и применении знаний, и формированию так называемого клипового мышления, особенностью которого является массовое поверхностное и фрагментарное восприятие действительности. Такая форма освоения информации упрощает возможность влияния на взгляды и предпочтения людей, навязывания определенных моделей поведения.

Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети стали частью повседневной жизни россиян. Теперь они не «выходят в Интернет», а находятся там постоянно — онлайн. Ключевую роль в российском сегменте сети «Интернет» играют холдинги Яндекс, Mail.Ru Group, Google и Rambler&Co, крупнейшей социальной сетью является «ВКонтакте» с целевой аудиторией более 90 % юношей и более 94 % девушек. При этом среднестатистический интернет-пользователь давно уже не ограничивается поисковой системой или почтой и, как правило, подписан сразу на несколько социальных сетей («ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники», Twitter, Instagram), новостные сайты, блоги, тематические и справочные проекты. Помимо получения и обмена информацией Интернет дает возможность общения в онлайн-режиме в социальных сетях, а также через ICQ, Messenger, Skype, Viber, Jabber, WhatsApp и т. д.

Анализ содержимого информационного пространства сети позволяет сделать вывод о том, что Интернет имеет двойственный характер: с одной стороны, он предоставляет огромные возможности по обеспечению информационного обмена, с другой — создает проблемы, связанные с использованием этих возможностей преступными элементами. Вместе с тем социальные сети, специализированные сайты и анонимные интернет-пространства (DarkNet, DeepWeb, HiddenWiki и т. д.)

являются основными ресурсами, на которых осуществляется распространение противоправной информации, а использование криптографических протоколов существенно затрудняет или вообще исключает возможности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых посредством сети «Интернет», одновременно предоставляя доступ даже к заблокированным интернет-провайдерами сайтам.

Таким образом, современная архитектура информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с ее общедоступностью, открытостью, востребованностью, децентрализованностью и анонимностью рождает у пользователей осознание неуязвимости, что позволяет распространять вредоносный контент и совершать действия с нарушением норм национального и международного права. Подобное сочетание приводит к тому, что Интернет становится одним из наиболее мощных инструментов криминализации и виктимизации несовершеннолетних. Данное положение свидетельствует о криминогенном потенциале сети «Интернет» как инструмента распространения запрещенной информации. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость рассмотрения информационного пространства в качестве самостоятельного объекта криминологического исследования в целях выявления его криминогенных возможностей, прогнозирования последствий его воздействия и выработки комплекса всесторонних мер предупреждения преступности и предотвращения развития делинквентного поведения несовершеннолетних.

Авторами выделены такие признаки, оказывающие социально аномальное воздействие на пользователей и побуждающие к совершению правонарушений или преступлений, как:

- декларация новых этических и эстетических норм и ценностей;
- отрицание семейных ценностей, пропаганда асоциального образа жизни, «фоновых явлений», сексуальной распущенности, суицида и т. д.;
- обоснование и оправдание неуважения, дерзости, насилия, жестокости, агрессии и т. д.;
- агитация социальной, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, ксенофобии, экстремизма и терроризма;
- формирование игровых зависимостей, перерастающих в смешивание реального и виртуального миров, перенос сценариев «игрового поведения» в реальную действительность и наступление трагических последствий;

— романтизация и идеализация преступного мира, криминальной субкультуры, информирование о методах и способах подготовки и совершения преступлений и избегания уголовной ответственности [1, с. 71—74].

Широкое распространение в сети «Интернет» получили информация и действия, побуждающие к суициду, кибербуллингу, троллингу, кибергрумингу, секстингу, зацепингу, руфингу и иным формам делинквентного поведения.

На фоне неконтролируемого, а часто и целенаправленного воздействия посредством размещения провокационной или запрещенной информации в сети «Интернет» происходят деструктивные изменения свойств и качеств личности. Индивид уже существует в иной системе отношений. Он руководствуется не только поведением людей, окружающих его внутри ограниченной территории, но и поведением лиц, находящихся далеко за пределами его проживания.

Мощным средством влияния в контенте сети «Интернет» являются фильмы, онлайн-видеоролики, приколы, аниме и клипы, которые доносят до зрителей не сухие факты, а через яркие образы, эмоциональные характеры, захватывающие сюжеты диктуют определенные модели поведения и парадигмы жизнеустройства.

Посредством контента сети «Интернет» происходит популяризация и адаптация криминальных норм и ценностей, образа маргинальной среды, осуществляется скрытая, а иногда и явная пропаганда потребления алкоголя, наркотических средств, психотропных и новых потенциально опасных психоактивных веществ, половой распущенности, крайних патологических проявлений сексуальной ориентации человека, оправдание и откровенное поощрение широкого употребления ненормативной лексики и иных форм ненормативного поведения [2, с. 131—135].

В интернет-пространстве подростки получают информацию о способах совершения преступлений и возможных вариантах избегания уголовной ответственности, знакомятся с образом жизни, «правилами поведения» на зоне, в тюрьме или суде, обмениваются преступным «опытом» и знаниями [3, с. 131—135].

Исследователи отмечают, что основными причинами, формирующими интернет-зависимость, являются доступность и анонимность передаваемой информации, поиск новых ощущений, снятие эмоционального напряжения, желание уйти от проблем, поиск друзей, общения особенно у подростков, имеющих сложности в установлении контактов [4, с. 153—157].

Нельзя обойти вниманием и сетевые игры, которые в силу фактического содержания приводят к формированию асоциальных установок личности, стимулируя жестокость, коварство, обман, предательство, презрение и т. д. Так, во всемирно известной компьютерной игре «Manhunt» для дальнейшего сюжетного продвижения игрок должен куда-то проникнуть, кого-то убить либо что-то добыть. При этом чем более жестокую смерть выбирает игрок для противника, тем выше его рейтинг и, соответственно, оценка. В игре «Grand Theft Auto» (GTA) игрок должен примерить на себя роль преступника, выполняя заказные убийства, ограбление и т. д., в игре «Fallout 3» по одному из заданий необходимо резать ножом членов семьи и животных, а для достижения различных положительных эффектов нужно принимать наркотики и т. д.

Отсутствие законодательного запрета на фото- и видеоматериалы содержащие элементы подростковой жестокости, действия, причиняющие вред чести, достоинству, репутации несовершеннолетнего, и ограничений на участие в специализированных форумах асоциальной направленности не позволяют принимать меры по их блокировке и удалению. Это свидетельствует о необходимости разработки государственных механизмов контент-анализа, контроля и регулирования информационных потоков, находящихся в глобальной сети «Интернет», путем создания инструментов фильтрации, направленных на ограничение свободного доступа несовершеннолетних к ресурсам, способным оказать пагубное воздействие на формирование личности подростка. С учетом негативного характера и общественной опасности данных явлений считаем целесообразным внести дополнение в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, устанавливающее запрет на пропаганду криминальной субкультуры, распространение материалов, содержащих элементы подростковой жестокости, действия, причиняющие вред чести, достоинству, репутации несовершеннолетнего, что позволит блокировать сайты, контент которых формирует представление о привлекательности криминального образа жизни.

При анализе современного состояния общей профилактики субъектов, обеспечивающих информационную безопасность несовершеннолетних в сети «Интернет», можно классифицировать по трем основным группам: физические лица, общественные организации и органы государственной власти.

Первым звеном в системе недопущения негативного воздействия информации, причиняющей

вред здоровью и (или) развитию несовершеннолетних, должны выступать родители (или иные законные представители), которые, выполняя свои обязанности по воспитанию, образованию и развитию детей, обязаны ограждать их от вредоносного воздействия контента. К сожалению, сегодня уровень осведомленности родителей в вопросах обеспечения личной информационной безопасности в сети «Интернет» характеризуется как недостаточный. Малая доля родителей знает о существовании соответствующих опций в наиболее востребованных поисковых системах («Безопасный поиск» в поисковой системе Google, семейный поиск в системе Яндекс, специальная иконка (флажок), позволяющая заблокировать видео, которое, по мнению пользователя, содержит опасную информацию в YouTube и т. д.), программы контент-анализа и контент-фильтрации («Пси-Офис», «БААЛ», Scai4Twi, SkyDNS, Rejector, NetPolice, Kaspersky Safe Kids и др.), а пользуются ими вообще единицы. При этом многие из них бесплатны. Это свидетельствует о необходимости пропаганды безопасного использования Интернета, в том числе посредством самого контента сети «Интернет» и в средствах массовой информации [5, с. 187—193].

Следующим основным субъектом профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних являются образовательные организации. Формирование у подрастающего поколения навыков медиаграмотности, критического мышления, безопасного и ответственного поведения в Интернете, культуры общения в сети, информирование о способах защиты персональных данных, а также о юридических, социальных и психологических последствиях, которые наступают в результате неправильного использования Интернета, должны войти в число направлений обучения, реализуемых в школах. Формирование медиаграмотности должно стать неотъемлемой частью последовательного и полного процесса обучения с начальной школы, а не носить фрагментарный характер, как это происходит сегодня. Для этого считаем необходимым закрепить в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ соответствующую компетенцию образовательных организаций.

Существенное место в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних в сети «Интернет» отведено Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), которой на основании действующего законодатель-

ства выработан оптимальный механизм воздействия (удаление или блокировка доступа к сайту). С июня 2017 г. Роскомнадзору или привлеченному им оператору реестра вменяется в обязанность в течение суток уведомлять МВД России о случаях включения в реестр порнографических материалов с несовершеннолетними и склонения к суициду, при этом остается нерешенным вопрос об уведомлении органов внутренних дел об иных преступлениях и правонарушениях. В связи с этим считаем необходимым вменить в обязанности Роскомнадзора или привлеченного им оператора реестра в течение десяти суток уведомлять в рамках взаимодействия с МВД России о случаях включения в реестр информации, запрещенной или ограниченной к обороту среди несовершеннолетних.

Полиция всегда играла значительную роль в предотвращении правонарушений среди несовершеннолетних, а в настоящих условиях данная функция приобрела особое значение. Основное бремя по решению задач профилактики возложено на сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, для которых индивидуальная профилактическая работа является приоритетным направлением деятельности. К сожалению, акцент профилактических мероприятий делается не на устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, а на «постфактумную» профилактику повторности противоправных действий, в связи с чем считаем необходимым изменить вектор профилактической деятельности и его правовое обеспечение. С нашей точки зрения, специализированные субъекты должны уделять больше внимания выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Это не означает, что традиционные направления профилактики должны уйти на второй план, наоборот, они должны параллельно реализовываться, так как в борьбе с преступностью несовершеннолетних нет второстепенных задач. При этом законодательно должен быть определен перечень и порядок проведения профилактических мероприятий в сети «Интернет».

С учетом того что из всего перечня специальных мер, установленных Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в Доктрине информационной безопасности указана только оперативно-разыскная профилактика, требуется корректировка оперативно-разыскной деятельности и выработка тактики практического применения оперативно-профилактических мероприятий.

Оперативно-разыскная профилактика в информационно-телекоммуникационной сети является новым видом правоохранительной деятельности с еще неразвитым механизмом осуществления. Из всех оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять оперативно-разыскную деятельность (12 субъектов), только в обязанности сотрудников уголовного розыска входит предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Поскольку компетенцию подразделений уголовного розыска составляют выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений только общеуголовной направленности, данное положение требует как минимум ведомственного наделения профилактическими полномочиями, предоставленными законодательством подразделениям по противодействию экстремизму, контролю за оборотом наркотиков, а также специальных технических мероприятий.

Ключевой задачей МВД России остается формирование действенной государственной системы общей и индивидуальной профилактики правонарушений, что требует создания четко скоординированного организационно-правового механизма осуществления профилактики, условий, процедур, форм и способов его реализации, а также опреде-

ления приоритетных направлений предупреждения преступлений и правонарушений.

Таким образом, основная ответственность за предупреждение преступности в целом лежит на государстве, поэтому считаем, что эффективная реализация данного направления возможна только при четком определении обязанностей компетентных органов и должностных лиц, участвующих в профилактике влияния контента сети «Интернет» на преступность несовершеннолетних, а также при исключении дублирования указанных функций.

Обеспечение информационной безопасности детей возможно исключительно при условии эффективного сочетания государственных и общественных усилий при определяющей роли семьи. В связи с этим важнейшей задачей является налаживание согласованного взаимодействия семьи — главного института социализации и воспитания детей — с государством и всеми элементами современного медиарынка: производителями и распространителями контента, психолого-педагогическими экспертными сообществами и экспертными сообществами в области художественного образования [6].

1. Кузнецова Е. В. Информационное пространство сети Интернет в системе детерминант преступности несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 71—74.

2. Кузнецова Е. В. Предупреждение криминогенного влияния информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 131—135.

3. Антонян Е. А., Зубков И. М. Влияние уголовно-преступной среды на распространение криминальной субкультуры в молодежной среде (региональный аспект) // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. М.: Юриспруденция. 2018. С. 151—157.

4. Соловьев В. С. Роль социальных сетей Интернета в детерминационном комплексе современной преступности // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна. Санкт-Петербург: Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. 2015. С. 153—157.

5. Кузнецова Е. В. Общесоциальные меры профилактики деструктивного влияния информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4 (47). С. 187—193.

1. Kuznetsova E. V. Internet information space in the system of determinants of juvenile delinquency. Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015; 9: 71—74.

2. Kuznetsova E. V. Prevention of the criminogenic influence of the Internet information space on minors. Bulletin of Economic Security. 2016; 1: 131—135.

3. Antonyan E. A., Zubkov I. M. Influence of the criminal criminal environment on the distribution of the criminal subculture in the youth environment (regional aspect). In: Problems of counteraction to the criminal subculture. Moscow: Yurisprudentsia; 2018: 151—157.

4. Soloviev V. S. The role of social networks of the Internet in the deterministic complex of modern crime. In: Crime and social control in postmodern society. Saint-Petersburg: Russian State Pedagogical university named after A. I. Herzen; 2015: 153—157.

5. Kuznetsova E. V. General social measures to prevent the destructive influence of the Internet information space on minors. Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2017; 4: 187—193.

6. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-п // СЗ РФ. 2015. № 49. Ст. 7055.

© Кузнецов В. А., Кузнецова Е. В., 2019

Кузнецов Виталий Анатольевич,
доцент кафедры административного права
и оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Кузнецова Елена Владимировна,
преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

6. Order of the Government of the Russian Federation No. 2471-p of 2 December 2015. SZ RF. 2015; No. 49; Art. 7055.

© Kuznetsov V. A., Kuznetsova E. V., 2019

Kuznetsov Vitaliy Anatolyevich,
associate professor of department
of administrative law
and operational-search activity of organs
of internal affairs of Moscow Regional
Branch of Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences

Kuznetsova Elena Vladimirovna,
lecturer of criminal trial department
of Moscow Regional Branch of Moscow
University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot

* * *

УДК 343.7
ББК 67.408.121

DOI 10.25724/VAMVD.FVWX

А. А. Лихолетов, Е. А. Лихолетов

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА**

В условиях динамично развивающегося законодательства, безусловно, нужно уделять пристальное внимание охране наиболее значимых общественных отношений. Вместе с тем при разработке и принятии проектов нормативных правовых актов, особенно порождающих негативные для личности последствия в виде лишения и ограничения прав и свобод, необходимо всесторонне оценивать основания криминализации тех или иных деяний. К сожалению, наблюдающаяся в последнее время тенденциозность в реагировании властей на любые отрицательные явления в обществе исключительно путем принятия запрещающих норм приводит к тому, что не всегда официально опубликованные законопроекты отвечают всем требованиям законодательной техники. Положение усугубляется и отсутствием последовательности в принимаемых нормотворцами решениях, в том числе в сфере уголовно-правового регулирования. В данной статье предпринята попытка анализа изменений, внесенных в апреле 2018 г. в отдельные нормы об уголовной ответственности за некоторые формы хищения.

Ключевые слова: безналичный расчет, квалификация преступлений, кража, мошенничество, платежная карта, электронное средство платежа.

А. А. Likholetov, E. A. Likholetov

**PROBLEMS OF QUALIFICATION OF EMBEZZLEMENT
COMMITTED BY USING
THE ELECTRONIC PAYMENT FACILITIES**

Under conditions of dynamically developed legislation, it is necessary to pay close attention to protection of the most important public relations. However, it should be noted, that while developing and applying drafts of legal regulations, especially having negative consequences for the individuals in the form of rights and freedoms deprivation and restriction, it is necessary to estimate comprehensively the grounds for criminalization of different actions. Unfortunately, the recent tendency of the authorities to react any negative phenomena in the society by passing prohibiting rules of law exclusively, leads to the fact that not always officially published drafts of legal regulations meet all the requirements of legislative technology. The situation is getting worse by the lack of consistent approach, while taking decisions by legislators, as well as in the sphere of criminal law regulation. The authors of the article attempt to analyze amendments made in April 2018 to certain rules of law on criminal liability for certain forms of embezzlement.

Key words: non-cash payment, qualification of crimes, theft, embezzlement, payment card, electronic payment facility.

Уголовно-правовые нормы, содержащиеся в главе 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в период действия уголовного закона неоднократно подвергались модернизации, причем отдельные изменения следует признать существенными. Так, в конце 2012 г. УК РФ был дополнен рядом специальных составов мошенничества, дифференцирующих ответственность в зависимости от способа совершения преступления [1]. В дальнейшем в связи с несоответствием положениям Основного закона России, как было от-

мечено Конституционным Судом Российской Федерации [2], была признана утратившей силу ст. 159.4 УК РФ [3], а в норму о мошенничестве внесены поправки, представляющие, по сути, положения исключенной из уголовного закона статьи [4].

Определенный интерес представляет ст. 159.3 УК РФ, предусматривающая в первоначальной редакции ответственность за хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты пу-

тем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. С момента криминализации указанных деяний правоохранительными органами проведена масштабная работа по противодействию данным преступлениям. Так, в 2013 г. выявлено 1 297 уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ, к уголовной ответственности привлечены 632 лица, в 2014 г. зарегистрировано 925 преступлений, привлечены 542 лица, в 2015 г. — 565 преступлений, привлечены 370 лиц, в 2016 г. — 266 преступлений, привлечены 172 лица, в 2017 г. — 228 преступлений, привлечено 151 лицо [5]. Однако наблюдающаяся отрицательная тенденция по основным показателям свидетельствует о ряде правоприменительных проблем, обусловленных, в том числе, несовершенством действовавшей на тот момент редакции ст. 159.3 УК РФ, отсутствием единообразия в следственной и судебной практике и др. Большинство сложностей, возникавших у сотрудников правоохранительных органов при квалификации и доказывании рассматриваемого уголовно наказуемого деяния, было связано с установлением отдельных признаков объективной стороны. Например, отсутствие законодательных дефиниций «платежная карта», «уполномоченный работник кредитной, торговой или иной организации», используемые в диспозиции ст. 159.3 УК РФ, приводили к неоднозначности оценки совершаемых деяний. Определенные затруднения наблюдались при разграничении мошенничества с использованием платежных карт со смежными составами преступлений.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. в главу 21 УК РФ был внесен ряд изменений, направленных на усиление уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств [6]. Так, ч. 3 ст. 158 УК РФ дополнена новым пунктом «г», предусматривающим ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ). Снижены пороговые суммы, признаваемые крупным и особо крупным размерами для целей статей 159.3 и 159.6 УК РФ, путем внесения соответствующих изменений в примечание к ст. 158 УК РФ. Коренной модернизации была подвергнута ст. 159.3 УК РФ, наименование и диспозиция ч. 1 которой полностью преобразовались и получили следующее содержание: «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Ужесточилось и наказание, предусмотренное ч. 1., посредством замены ареста лишением свободы на срок до трех лет. Аналогичный п. «г»

ч. 3 ст. 158 УК РФ квалифицирующий признак появился и в ч. 3 ст. 159.6 УК РФ в сфере компьютерной информации.

Необходимость дополнения состава кражиотячающим обстоятельством назрела давно и была обусловлена широким распространением и внедрением в повседневную жизнь российского общества безналичного расчета, который стал активно использоваться и юридическими лицами, и гражданами. Однако решение законодателя о помещении нового признака именно в ч. 3 ст. 158 УК РФ представляется несколько противоречивым. Основанием для выделения квалифицированного и особо квалифицированного составов в ст. 158 УК РФ и дифференциации наказания является в первую очередь размер причиняемого ущерба. Предмет хищения в простом и новом квалифицированном составе составляют денежные средства. Разница заключается лишь в их форме. Предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, — наличные денежные средства, а п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ будет иметь место в случае кражи и наличных денег (с использованием платежной карты с банковского счета), и безналичных (в отношении электронных денежных средств). Таким образом, хищение одной и той же суммы денежных средств в одном случае будет оцениваться как простая кража, а в другом (с банковского счета) — образовывать квалифицированный состав, относящийся к категории тяжких преступлений. Уголовно-правовая оценка практически идентичных действий без учета размера причиняемого ущерба в подобных случаях идет вразрез с принципом справедливости, закрепленном в ст. 6 УК РФ.

Доводы инициаторов принятого закона о том, что повышенная степень общественной опасности кражи с банковских счетов и в отношении электронных денежных средств обусловлена особенностями личности преступника, характеризующейся наличием специальных знаний и умением использовать технические средства [7], не убедительны и противоречат общепризнанным положениям теории уголовного права. Еще менее весомой представляется содержащаяся в пояснительной записке к рассматриваемым поправкам позиция, обосновывающая необходимость отнесения действий, подпадающих под признаки нового квалифицированного состава, к категории тяжких преступлений, в силу того что это даст полный спектр возможностей правоохранительным органам для проведения оперативно-разыскных мероприятий [7].

Установление ответственности без учета характера и степени общественной опасности совершенного деяния в целях упрощения работы правоохранительных органов в противодействии преступности

имеет определенный репрессивный оттенок. Такое применение уголовно-правовых средств не допустимо. Н. А. Лопашенко, категорически возражая против подобных законодательных шагов, отмечает, что нельзя обосновывать криминализацию тех или иных деяний неудобством правоприменителя [8, с. 81]. Принятым нормотворцем решением фактически была уравнена наказуемость деяний, влекущих разные последствия с точки зрения размера вреда, причиненного собственнику или иному владельцу имущества.

Немало вопросов вызывает и новая редакция ст. 159.3 УК РФ. В первую очередь непонятно, чем обусловлена необходимость внесения подобных изменений в предыдущую редакцию указанной уголовно-правовой нормы. Несмотря на имеющиеся сложности в правоприменительной практике (часть которых была устранена разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации), до апреля 2018 г. статья, согласно приведенным статистическим данным, все-таки применялась. Относительно невысокие показатели (по сравнению с общей нормой о мошенничестве (в 2015 г. выявлено 174 267 преступлений, в суд с обвинительным заключением направлено 36 170; в 2016 г. выявлено 188 246 преступлений, направлено в суд 37 220; в 2017 г. выявлено 243 243 преступлений, направлено в суд 37 601 [5])) были обусловлены не только проблемами квалификации, но и сложностями в установлении лиц, совершивших такие преступления, особенно тех, которые используют на стадии приготовления к совершению уголовно наказуемого деяния в целях получения PIN-, CVV2-, CVC2-кодов и иных реквизитов платежных карт скимминговое оборудование, поддельные POS-терминалы, методы «социальной инженерии» и др. Раскрыть подобные преступления в условиях, исключающих прямой контакт лиц, их совершивших, с потерпевшим, маловероятно [9, с. 8—10]. Кроме того, не ясна логика законодателя, отказавшегося от использования описательной диспозиции в рассматриваемом составе, в отличие от конструкции диспозиций действующих в настоящее время общей и специальных норм о мошенничестве. Представляется, что такой прием юридической техники вызовет на практике множество проблем, связанных в первую очередь с установлением и доказыванием объективных признаков, а также приведет к расширению границ судебного усмотрения.

Возникает вопрос и относительно объема уголовной ответственности в зависимости от формы хищения. Например, если лицо, имея доступ к адресованной третьему лицу кредитной карте и анкетным данным ее получателя, активирует такую

карту путем сообщения паспортных и иных данных владельца (достаточно телефонного разговора с представителем банка) и похищает денежные средства, принадлежащие кредитной организации, эти действия должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ (при отсутствии квалифицирующих признаков), относящейся к категории преступлений небольшой тяжести. В случае когда лицо, зная PIN-код, осуществляет тайное хищение денег, находящихся на счете уже активированной кредитной карты, принадлежащей другому лицу, с помощью банкомата, то оно подлежит привлечению к ответственности за совершение тяжкого преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Подобная дифференциация размера наказания в схожих по степени общественной опасности формах хищения противоречит правилам юридической техники и основополагающим принципам уголовного права.

Несмотря на то что в настоящее время на нормативном уровне закреплено определение понятия «электронные средства платежа», возникает вопрос: какие формы их использования образуют состав преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ в новой редакции?

В соответствии с Федеральным законом «О национальной платежной системе» к электронным средствам платежа относятся средства и (или) способы, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [10].

Этимологически существительное «использование» происходит от слова «использовать», что означает воспользоваться (пользоваться) кем-чем-нибудь, употребить с пользой [11, с. 254], найти применение кому- чему-нибудь в целях извлечения пользы [12, с. 201]. Возникает вопрос: какое применение электронного средства платежа при совершении мошенничества образует состав преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ?

Посредством использования электронных платежных систем нередко совершаются хищения с банковских карт. Более того, такие карты в специальных науках относят к электронным средствам платежа [13, с. 2; 14, 176].

В судебной практике встречаются случаи совершения мошенничества в ситуациях, когда под видом сделки купли-продажи имущества (как правило, транспортных средств, средств мобильной

связи и др.) для обеспечения исполнения условий договора потерпевшему предоставляются реквизиты банковской карты и предлагается перечислить в качестве задатка за приобретаемое имущество определенную часть суммы. После поступления денежных средств на указанный счет лицо, совершившее преступление, скрывается, естественно, без передачи предмета сделки его приобретателю [15]. Так, приговором Заволжского районного суда г. Твери М. признан виновным в совершении семи эпизодов преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ. В судебном заседании установлено, что М. разместил объявление о продаже автомобиля марки «Lexus LX 570» на интернет-сайте «Авито.ру», при этом указал принадлежащий ему абонентский номер для связи. По данному номеру позвонил ФИО 1, выразивший желание приобрести указанное в объявлении транспортное средство. М., находясь по месту жительства, ввел ФИО 1. в заблуждение, пообещав доставить автомобиль после перевода денежных средств на находящуюся в его пользовании карту «XXX» № 000 в качестве оплаты за транспортные услуги. Свои обязательства М. не выполнил, денежные средства похитил и распорядился ими по своему усмотрению [16]. В данном случае использование преступником платежной карты как разновидности электронного средства платежа, а точнее, ее реквизитов при совершении хищения, видимо, должно квалифицироваться с учетом внесенных в уголовный закон изменений по ст. 159.3 УК РФ. Вместе с тем согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации хищение безналичных денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием окончено с момента изъятия денежных средств с банковского счета владельца или электронных денежных средств [17]. В подобных ситуациях использование преступником платежной карты для того, чтобы распорядиться похищенным по своему усмотрению находится за рамками оконченного состава действующей редакции рассматриваемой статьи. Предложенная законодательная формулировка делает возможным квалификацию по ст. 159.3 УК РФ только в случаях использования электронных средств платежа при выполнении действий, входящих в объективную сторону.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Рос. газ. 2012. № 278.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П по делу о проверке

Действия лица, указанные в приведенном примере, должны квалифицироваться и после внесенных в УК РФ изменений по общей норме о мошенничестве. Однако инициаторами внесенных поправок квалифицирующий признак «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» в основном составе мошенничества предусмотрен не был. С одной стороны, включение подобного признака в ст. 159 УК РФ устранило бы необходимость существования специального мошенничества, а с другой — позволило бы охватить различные случаи хищений, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием, предметом которых выступают безналичные денежные средства.

С учетом изложенного и для обеспечения принципа справедливости, а также внутренней системности и взаимосвязи уголовно-правовых норм предлагаем внести в УК РФ следующие изменения:

1) в статье 158

а) дополнить ч. 2. п. «д» следующего содержания:

«д) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств»;

б) исключить из ч. 3 п «г»;

2) ч. 2 ст. 159 изложить в следующей редакции:

«2. Мошенничество, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) с причинением значительного ущерба гражданину;

в) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств»;

3) исключить ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»;

4) в статье 159.6:

а) изложить ч. 2 в следующей редакции:

«2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) с причинением значительного ущерба гражданину;

в) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств»;

б) изложить ч. 3 в следующей редакции:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере».

1. Federal Law No 207-FZ of 29 November 2012. "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 2012; 278.

2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 32-P of 11 December 2014.

конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/24/ks-uk-dok.html>. (дата обращения: 23.06.2018).

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ // Рос. газ. 2016. № 149.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Рос. газ. 2016. № 149.

5. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2013—2017 гг.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Рос. газ. 2018. № 88.

7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/186266-7/> (дата обращения: 23.06.2018).

8. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: моногр.: в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2015. Ч. 2. 640 с.

9. Лихолетов А. А., Кулешов П. Е. Особенности квалификации и расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ): учеб. пособие. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2018. 64 с.

10. О национальной платежной системе: федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017) // Рос. газ. 2011. № 139.

11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2013. 800 с.

13. Варпаева И. А. Электронные корпоративные средства платежа как современные формы безналичных расчетов автономных учреждений // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2016. № 7. С. 2—8.

"On the Verification of the Constitutionality of the Provisions of Art. 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in accordance with a Request by the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenetsky Autonomous Region". Available from: <http://www.rg.ru/2014/12/24/ks-uk-dok.html>. Accessed: 23 June 2018.

3. Federal Law No. 325-FZ of 3 July 2016. "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 2016; 149.

4. Federal Law No. 323-FZ of 3 July 2016. "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation Related to Improvement of the Grounds and Order to Release from Criminal Liability". Rossiyskaya Gazeta. 2016; 149.

5. Summary Report on Russia "The Unified Crime Report" for the period of 2013—2017.

6. Federal Law No. 111-FZ of 23 April 2018. "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 2018; 88.

7. The Explanatory Note to the Federal Law Draft "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (related to Intensifying Criminal Liability for Money Fraud from the Bank Account or Electronic Payment Facilities)". Available from: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/186266-7>. Accessed: 23 June 2018.

8. Lopashenko N. A Economic crimes: theoretical and applied analysis. Moscow: Yurilitinform; 2015.

9. Likholeto A. A., Kuleshov P. E. Characteristics of qualification and investigation of crimes related to money embezzlement using payment cards (Art. 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). Volgograd: Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia; 2018.

10. Federal Law No. 161-FZ of 27 June 2011 (ed. 18 February 2017). "On the National Payment System". Rossiyskaya Gazeta. 2011; 139.

11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language : 80 000 words and idioms. Moscow: A TEMP; 2006.

12. Ushakov D. N. Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. Moscow: Adelant; 2013.

13. Varpayeva I. A. Electronic Corporate Payment Facilities as Modern Forms of Non-Cash Payments of Autonomous Institutions. Accounting at the State-Financed and Non-Profit Institutions. 2016; 7: 2—8.

14. Shurukhova D. N., Bandar E. O., Kurbatova O. V. Banking Law (et al). Moscow: Moscow University of the Interior Ministry of Russia named after V. Ya. Kikot; 2016.

14. Банковское право: учеб. пособие / Д. Н. Шурухнова [и др.]. М.: Московский ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. 275 с.

15. Приговор Кировского районного суда г. Самары от 25 августа 2014 г. по делу № 1-514/2014. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 25.06.2018); Приговор Советского районного суда г. Краснодара от 19 июня 2014 г. по делу № 1-364/2014. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 25.06.2018).

16. Приговор Заволжского районного суда г. Твери от 3 ноября 2016 г. по делу № 1-280/2016. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 25.06.18).

17. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. № 7446.

15. Verdict of the Kirovsky District Court of Samara of 25 August 2014 on case No. 1-514/2014. Available from: <https://rospravosudie.com>. Accessed: 25 June 2018. Verdict of the Sovetsky District Court of Krasnodar of 19 June 2014 on case No. 1-364/2014. Available from: <https://rospravosudie.com>. Accessed: 25 June 2018.

16. Verdict of the Zavolzhsky District Court of Tver of 3 November 2016 on case No. 1-280/2016. Available from: <https://rospravosudie.com>. Accessed: 25 June 2018.

17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of 30 November 2017. "On Court Practice Related to Cases on Fraud and Embezzlement". Rossijskaya Gazeta. 2017; 7446.

© Likholetov A. A., Likholetov E. A., 2019

© Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А., 2019

Лихолетов Александр Александрович,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

Лихолетов Евгений Александрович,
доцент кафедры экономики
и экономической безопасности
в агропромышленном комплексе
Волгоградского государственного
аграрного университета,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;
e-mail: l.evgeni.a@mail.ru

Likholetov Alexander Alexandrovich,
associate professor at the criminal law department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: a.likholetov@mail.ru

Likholetov Eugeny Alexandrovich,
associate professor at the department
of the economics
and economic security in the agro-industrial complex
of the Volgograd state agricultural university,
candidate of agricultural sciences, docent;
e-mail: l.evgeni.a@mail.ru

* * *

УДК 343.2
ББК 67.408.015

DOI 10.25724/VAMVD.FWXY

А. В. Никуленко

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ**

Статья рассказывает об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России. Затронуты проблемы применения нормы о необходимой обороне, в том числе ряд вопросов применения оружия сотрудниками правоохранительных органов. Подвергается критике действующий порядок правовой оценки пределов необходимой обороны и применения оружия полицейскими. Предлагаются возможные пути разрешения указанных проблем.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, преступление, обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, применение оружия сотрудниками правоохранительных органов.

A. V. Nikulenko

**THE CIRCUMSTANCES EXCLUDING CRIMINALITY OF ACT:
APPLICATION OF THE RULES ON DEFENSE**

The article tells about the circumstances excluding crime in the criminal law of Russia. The issues of application of the norm on the necessary defense, including a number of issues of the use of weapons by law enforcement officers. The current procedure for the legal assessment of the limits of the necessary defence and the use of weapons by the police is criticized. Possible ways of solving these problems are suggested.

Key words: criminal law, criminal law, the crime, the circumstances excluding criminality of act, self-defense, use of weapons by law enforcement officials.

Право на необходимую оборону (ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)) всегда было и есть важнейшим средством защиты. Конституция Российской Федерации гласит: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ст. 45) [1].

Прогрессивная тенденция уголовной политики обеспечила возможность законодательного закрепления в качестве абсолютного права необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ). Именно в этом законодательном установлении реализована конституционная норма, гарантирующая гражданам право защищать свои права и законные интересы.

Рассматриваемый институт претерпел значительные изменения. Из текста нормы о необходимой обороне от опасного для жизни нападения изъят существовавший ранее ограничительный критерий защитных действий, что предоставило возможность гражданам любым способом осуществлять защиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, или непосредственной угрозой применения такого насилия.

В условиях, когда государство не может обеспечить эффективной защиты жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности и других благ законопослушного населения, оно должно предоставить возможность осуществлять эту защиту самим гражданам. Данное право гарантируется государством за счет включения в УК РФ института необходимой обороны — правомерной защиты от общественно опасного посягательства, выражающейся в причинении вреда посягающему лицу. Этот уголовно-правовой институт стоит особняком в современном законодательстве, поскольку предусматривает не условия привлечения к ответственности, а создает реальный механизм осуществления закрепленного в ст. 45 Конституции Российской Федерации права, согласно которому каждый может защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Не оставил без внимания механизм реализации указанного права и Верховный Суд Российской Федерации. Так, в постановлении его Пленума «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании

лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19 разъяснено: «Уголовно-правовая норма о необходимой обороне, являясь одной из гарантий реализации конституционного положения о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации), обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства» [2].

Институт необходимой обороны ориентирован на правомерную активную деятельность граждан и должностных лиц, направленную на защиту от общественно опасных посягательств. Именно так нормы уголовного законодательства поощряют законопослушных граждан на отсутствие снисходительности к очевидным нарушениям закона. Одновременно они осуществляют превентивную функцию, обращаясь и к возможным нарушителям этих норм, способным пойти по пути совершения преступлений, как бы предупреждая их о возможных последствиях попытки совершения ими того или иного общественно опасного посягательства. Такая вполне может заслужить достойное противодействие как со стороны потерпевших, так и очевидцев и повлечь причинение серьезного физического, материального или морального вреда.

При законодательном конструировании нормы о необходимой обороне нужно максимально просто обеспечивать право обороняющегося на защиту, для того чтобы стимулировать социально активных граждан на подобные действия и впоследствии оградить их от возможного привлечения к уголовной ответственности, в частности за превышение пределов необходимой обороны (эксцесс обороны) или простое причинение вреда жизни и здоровью (что часто происходит в следственно-судебной практике).

Отметим, что и уголовное законодательство, и сложившаяся следственно-судебная практика вовсе не индифферентны по отношению к гражданам, применяющим в качестве средства защиты физическую силу, специальные средства и тем более огнестрельное оружие при необходимой обороне.

Полагаем, что, несмотря на значительную правовую разработанность и глубокие исторические корни, институт необходимой обороны не функционирует в полную силу и не может полноценно обеспечивать защиту прав и законных интересов прежде всего простых граждан, поскольку нормы ст. 37 УК РФ не дают надежных гарантий однозначной уголовно-правовой оценки совершенных

деяний. Кроме того, статистика не свидетельствует об однозначном улучшении ситуации в рассматриваемой сфере: например, в 2010 г. в России по статье 108 УК РФ зарегистрировано 473 преступления, выявлено лиц, совершивших преступление, — 631, в 2011 г. — 389 преступлений и 415 лиц, в 2012 г. — 351 преступление и 377 лиц, в 2013 г. — 408 преступлений и 448 лиц, в 2014 г. — 280 преступлений и 426 лиц [3, с. 333], в 2015 г. — 308 преступлений, в 2016 г. — 292, в 2017 г. — 244. По статье 114 УК РФ в 2010 г. зарегистрировано 1 067 преступлений, выявлено лиц, совершивших преступление, — 1 313, в 2011 г. — 1 123 преступления и 1 406 лиц, в 2012 г. — 1 117 преступлений и 1 386 лиц, в 2013 г. — 1 224 преступления и 1 389 лиц, в 2014 г. — 1 094 преступлений и 1 296 лиц, в 2015 г. — 1 297 преступлений, в 2016 г. — 1 272, в 2017 г. — 1 143 [4].

Значительное сокращение количества зарегистрированных привилегированных убийств (ст. 108 УК РФ) не коснулось количества причинений тяжкого вреда здоровью при смягчающих обстоятельствах (ст. 114 УК РФ), оно остается неизменным в этот период. Конечно, представленные статистические сведения не могут полностью отражать действительного положения дел, в том числе динамики данных преступлений (это требует проведения более глубокого исследования).

Неужели остальные случаи обоснованно квалифицированы как правомерная необходимая оборона и правомерное причинение вреда при наличии остальных обстоятельств, исключающих преступность деяния? Полагаем, что нет. Эти данные также позволяют нам сделать вывод о том, что содеянное было квалифицировано по общим (не привилегированным) нормам Особенной части УК РФ о преступлениях против личности.

Изучением института необходимой обороны в разное время занимались такие ученые, как А. Ф. Кони, Н. Н. Розин, И. И. Слуцкий, В. И. Ткаченко, В. В. Меркурьев, В. В. Орехов, Ю. Н. Юшков, Е. А. Бравилова, Д. А. Черкасов и др. Важно заметить, что институт необходимой обороны чаще рассматривался в уголовно-правовом контексте. Криминологический аспект затрагивался крайне редко. На него обратил внимание в своей диссертации В. В. Меркурьев: «Принципиальное решение вопроса об условиях правомерности необходимой обороны и пределах ее допустимости всегда находилось в прямой зависимости от положения личности в государстве» [5, с. 11].

Исходя из диспозиции ст. 37 УК РФ вред в состоянии необходимой обороны должен причиняться только при защите прав личности и обороняющихся или других лиц, а также охраняемых

законом интересов общества и государства. Отсюда следует, что правом на необходимую оборону может воспользоваться любой гражданин. В то же время защита возможна лишь от такого посягательства, которое сопровождалось насилием, опасным для жизни, или же непосредственной угрозой такого насилия, т. е. посягательство обязательно должно быть сопряжено с причинением вреда здоровью различной степени тяжести (легкого, среднего или тяжкого) или же непосредственно угрожать причинением указанного вреда (в данном случае имеет место быть защита с упреждением). Однако реальная действительность демонстрирует, что правом на необходимую оборону граждане пользуются нечасто. Это обусловлено, в том числе, негативной следственно-судебной практикой по делам, связанным с эксцессом необходимой обороны. В. В. Меркурьев в проведенном социологическом исследовании называет следующие причины редкого применения права на необходимую оборону гражданами: «Незнание данного права — 15,5 %, незнание конкретных правил поведения в таком состоянии — 23,4 %, боязнь наступления нежелательных правовых последствий — 53 %, известный гражданину негативный опыт наступления подобных последствий для обороняющихся — 13,6 % и только 6,5 % опрошенных недооценивают собственные силы и возможности при отражении посягательства» [6, с. 16].

Интересно, что необходимая оборона может быть не только правом, но и обязанностью для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Но важно заметить, что последние так же, как и граждане, боятся использовать свое право на необходимую оборону. Это подтверждается проведенным нами в 2016 г. опросом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (полиции). Он показал, что из 127 респондентов, 100 приходилось осуществлять акт необходимой обороны или применять меры, необходимые для задержания преступника (правонарушителя), что является 89 % от общего числа опрошенных. Если за 100 % принять количество сотрудников органов внутренних дел, которым приходилось задерживать преступника (правонарушителя), то более 70 % респондентов боялись наступления уголовной или иной (чаще дисциплинарной) ответственности за неправомерные действия при осуществлении необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. 79 % от общего числа опрошенных ответили, что в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. №-3 ФЗ досконально не прописан порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что порождает

скрытые возможности для судебно-следственного усмотрения при квалификации действий полицейских, связанных с применением силовых способов обороны. Опрошенные свидетельствуют о многочисленных ограничениях: прежде чем применить силу, необходимо разъяснить хулигану права; применение наручников (п. 6. ст. 21 Федерального закона «О полиции») связано с особыми ограничениями, что чревато появлением жалоб на неправомерные действия; случаи попыток завладения огнестрельным оружием нередки, но оцениваются весьма субъективно (в том числе контролирующими инстанциями), что создает повышенный риск наступления неблагоприятных последствий для самих сотрудников и сдерживает возможную инициативу. 61 % от общего числа опрошенных полагают, что статья 37 УК РФ требует уточнения и изменения, причем многие респонденты заявляют, что в реальной ситуации применения силы сотрудник полиции действует на свой риск и законодательно не защищен. Опрошенные отмечают, что норма не работает в крупных городах, в ней содержится мало конкретизирующих и характеризующих признаков действий обороняющегося и посягающего, в связи с чем, по мнению респондентов, следователь неправильно понимает смысл дефиниций и по своему усмотрению определяет среди оппонентов обороняющихся и посягающих.

И в первом случае, когда необходимая оборона является правом (субъект — гражданин), и во втором, когда она выступает обязанностью (субъект — сотрудник правоохранительных органов), нередки судебные и следственные ошибки необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, действующих в состоянии необходимой обороны. Так, «Нагатинский суд г. Москвы вынес обвинительный приговор в отношении женщины, которая защищала своих детей. Суть заключается в следующем: муж в состоянии сильного алкогольного опьянения, вернувшись домой, начал сильно избивать жену. С криком „я тебя убью“, несколько раз сбивал ее с ног. Падая, женщина отлетела в сторону ванной комнаты и своим телом обрушила стремянку, разметала какие-то вещи. В то время дети готовились ко сну. Мать крикнула старшей дочери бежать за помощью. В этот момент после очередного удара женщина упала на пол в гостиной и сильно ударилась головой. Вставая, она схватила лежавший на диванной спинке кухонный нож. Понимая, что следующим ударом озверевший мужчина ее просто убьет, она наугад ткнула его лезвием в левую ногу. Муж скончался от потери крови. Женщину привлекли к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 111 УК РФ» [7].

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Граждане и сотрудники полиции, призванные стоять на страже законности, опасаются использовать конституционное право на необходимую оборону по причине как неудачных (не конкретизированных) законодательных формулировок нормы статьи 37 УК РФ, так и складывающейся правоприменительной практики, отнюдь не лояльной к гражданам, занимающим активную позицию, и правоохранителям, выполняющим служебный долг.

Для исправления сложившейся ситуации необходимо тщательно проанализировать законодательство в области необходимой обороны и обсудить возможность внесения соответствующих поправок. Предлагается перечислить в норме уголовного закона о необходимой обороне конкретные преступные посягательства, при пресечении которых возможно причинение любого вреда посягающему.

В работе же отечественных правоохранительных органов сложилась «недобрая» практика, когда по фактам причинения вреда здоровью и тем более жизни уголовное дело возбуждается по общей норме об умышленных преступлениях против личности. Такая квалификация на первоначальном этапе ведет к избранию меры пресечения — ареста — для лица, которое, возможно, находилось в рамках правомерной необходимой обороны или превысило ее пределы. В дальнейшем в ходе предварительного расследования изменить квалификацию на более «мягкую» статью представляется практически невозможным, ведь правоохранители уже отчитались о раскрытии более опасного преступления. Таким образом, «горе-обороняющемуся», находящемуся в СИЗО не менее шести месяцев (именно столько расследуется дело, например, об убийстве или причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 105 и 111 УК РФ), в том числе по объективным причинам — проведение соответствующих экспертиз), приходится рассчитывать лишь на помощь квалифицированного адвоката, если у него имеются средства для оплаты его услуг. И наконец в суде, когда вся правоохранительная машина работала над сбором доказательств инкриминируемого деяния, т. е. общей нормы, опровергнуть ее выводы и доказать свою невиновность представляется трудной задачей. Большая удача, если удастся переквалифицировать действия «виновного» на норму о превышении пределов необходимой обороны в суде кассационной или апелляционной инстанции и назначить ему условное наказание. Вынесение оправдательного приговора в суде первой инстанции практически невозможно. Наш пессимизм обу-

словлен тем, что, несмотря на стремление максимально обеспечить общественную безопасность [8], государство фактически выводит из уголовно-правовой сферы регулирования отдельные составы преступлений, например побои и др. [9]; [10]; [11], всегда выполнявшие профилактическую роль в снижении числа бытовых конфликтов, связанных с применением насилия и причинением вреда здоровью из хулиганских и иных низменных побуждений, и более тяжких преступлений.

Прогнозируем, что указанный шаг законодателя повлечет ограничение прав законопослушных граждан по противодействию «правонарушениям» подобного рода, ведь возможности осуществить правомерную защиту от таких посягательств значительно снижаются [12, с. 178—183].

На наш взгляд, в первую очередь следует качественно изменить отношение граждан к уголовному законодательству, поскольку большая часть добропорядочного населения видит в его нормах лишь наказывающую сущность, не принимая во внимание те дозволительные и управомочивающие нормы, которые несут позитивное начало. Разумеется, такими предстают нормы, регулирующие условия правомерности обстоятельств, исключающих преступность деяния, содержащихся в главе 8 УК РФ, а также в иных нормативных правовых актах [13, с. 128].

Значительным изменениям должно подвергнуться и правосознание сотрудников правоохранительных органов, прежде всего следователей и прокуроров, которые в своей деятельности должны быть прежде всего ориентированы на всестороннее, полное и объективное рассмотрение обстоятельств дела и обеспечение прав потерпевших в уголовном процессе. Нужно учесть и то, что уголовно-правовые нормы главы 8 УК РФ (обстоятельства, исключающие преступность деяния) выступают в качестве дозволительных, т. е. рассчитанных на их активную реализацию, однако без достаточных правовых познаний, дополнительных разъяснений малоприменимы как гражданами, так и правоохранителями [14, с. 174]. Все это делает чрезвычайно важным направлением научной мысли разработку единого подхода к квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, который позволит удовлетворить потребности как науки, так и законодательной и правоприменительной деятельности [15, с. 202].

О необходимости внесения коренных изменений, расширяющих права и конкретизирующих условия правомерности причинения вреда, в ст. 37 УК РФ с нами согласились 89 % опрошенных нами представителей судейского сообщества и 92 % сотрудников иных правоохранительных органов (органов

внутренних дел, Следственного комитета Российской Федерации). На наш взгляд, в основу такого подхода должно быть положено законодательное закрепление определения обстоятельств, исключающих преступность деяния, ошибки в наличии этих обстоятельств, включение в состав УК РФ обстоятельств, регулирующих правомерное причинение вреда, предусмотренных иными законами и даже подзаконными актами [16].

Нужно также поддержать инициативу Палаты молодых законодателей при Совете Федерации Российской Федерации о передаче на рассмотрение судов присяжных всех дел, так или иначе связанных с необходимой обороной [17]. Несмотря на прогрессивное изменение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, внесенные Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ (значимые положения вступили в действие с 1 июля 2018 г.), интересующие нас составы преступлений не попали в перечень рассматриваемых судом присяжных. Хотя для обеспечения прав и законных интересов граждан в ходе предварительного расследования, по нашему мнению, целесообразно выделение следователей органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации, специализирующихся на делах данной категории [18, с. 47].

Для совершенствования нормы УК РФ о необходимой обороне и практики ее применения, как мы уже говорили, нужен переход к перечневой системе защищаемых благ, при которых возможна так называемая «беспредельная» оборона. В этот «перечень» должны входить: здоровье, личная свобода, половая свобода и половая неприкосновенность, защита от противоправного насильственного вторжения в жилище или помещение, а также случаи группового и вооруженного нападения и т. п. На наш взгляд, не стоит опасаться казуистичности подобного подхода, ведь за каждым из таких случаев стоит человеческая судьба. В завершение предлагаем авторскую редакцию статьи о необходимой обороне.

«Статья 37. Необходимая оборона»

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было направлено на жизнь, здоровье, личную свободу, половую свободу или половую неприкосновенность, неприкосновенность жили-

ща, помещения или иного хранилища. Указанные условия правомерности распространяются также на случаи совершения посягательства на государственные и (или) общественные интересы, если это посягательство было сопряжено с причинением или угрозой причинения вреда указанным выше общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, а также случаи совершения группового посягательства или посягательства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. Указанные положение не распространяются на случаи, предусмотренные в части первой настоящей статьи.

3. При оценке правомерности причинения вреда при необходимой обороне, учитываются наряду с характером и степенью общественной опасности совершенного посягательства данные о личности посягающего, способы посягательства, разумная необходимость в причинении вреда при оборонительных действиях, силы и возможности обороняющегося, его психическое состояние и иные обстоятельства, связанные с обстановкой обороны.

4. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в силу неожиданности посягательства, замешательства, испуга, страха или по другим обстоятельствам находилось в состоянии душевного волнения и потому превысило пределы мер необходимой обороны.

5. Провокация посягательства не порождает состояния необходимой обороны, за исключением случаев, когда она выразилась в правомерных действиях, предусмотренных статьей 39¹ настоящего Кодекса.

6. Превышением пределов необходимой обороны признается умышленное применение обороняющимся от общественно опасного посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, лицом такого способа защиты, применение которого явно, очевидно для обороняющегося не вызывалось характером и опасностью посягательства, когда посягавшему без необходимости, умышленно был причинен тяжкий вред здоровью или смерть.

7. Положения настоящей статьи в полной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки или служебного (должностного) положения, а также независимо от возможности избежать об-

щественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. В случае противоречия содержания норм

других законодательных или подзаконных нормативных правовых актов применяются положения настоящей статьи».

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of 30 December 2008, No. 7-FKZ of 30 December 2008, No. 2-FKZ, of 5 February 2014, No. 11-FKZ 21 July 2014). Rossiyskaya Gazeta. 25 December 1993.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of 27 September 2012 "On the application by the courts of legislation on the necessary defense and harm when the person who committed a crime is detained". Rossiyskaya Gazeta. 3 October 2012.

3. Corruption: the state of counteraction and the direction of optimization of the struggle. Edited by Professor A. I. Dolgova. Moscow: Russian Criminological Association; 2015.

4. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available from: www.cdep.ru. Accessed: 1 December 2018.

5. Merkurev V. V. Necessary defense: criminal law and criminological aspects. Ryazan; 1998.

6. Merkurev V. V. Composition of necessary defense. Saint-Petersburg: Yuridichesky Center Press; 2004.

7. Self-defense without a limit. Available from: <https://rg.ru/2015/07/30/samooborona.html>. Accessed: 24 September 2018.

8. Federal Law No. 375-ФЗ of 6 July 2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety". Rossiyskaya Gazeta. 11 July 2016.

9. Federal Law No. 323-FZ of 3 July 2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the issues of improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability". Rossiyskaya Gazeta. 8 July 2016.

10. Federal Law No. 325-FZ of 3 July 2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 8 July 2016.

11. Federal Law No. 326-FZ of 3 July 2016 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the grounds improvement" and the procedure for ex-

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of 30 December 2008, No. 7-FKZ of 30 December 2008, No. 2-FKZ, of 5 February 2014, No. 11-FKZ 21 July 2014). Rossiyskaya Gazeta. 25 December 1993.

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of 27 September 2012 "On the application by the courts of legislation on the necessary defense and harm when the person who committed a crime is detained". Rossiyskaya Gazeta. 3 October 2012.

3. Corruption: the state of counteraction and the direction of optimization of the struggle. Edited by Professor A. I. Dolgova. Moscow: Russian Criminological Association; 2015.

4. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available from: www.cdep.ru. Accessed: 1 December 2018.

5. Merkurev V. V. Necessary defense: criminal law and criminological aspects. Ryazan; 1998.

6. Merkurev V. V. Composition of necessary defense. Saint-Petersburg: Yuridichesky Center Press; 2004.

7. Self-defense without a limit. Available from: <https://rg.ru/2015/07/30/samooborona.html>. Accessed: 24 September 2018.

8. Federal Law No. 375-ФЗ of 6 July 2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety". Rossiyskaya Gazeta. 11 July 2016.

9. Federal Law No. 323-FZ of 3 July 2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the issues of improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability". Rossiyskaya Gazeta. 8 July 2016.

10. Federal Law No. 325-FZ of 3 July 2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 8 July 2016.

11. Federal Law No. 326-FZ of 3 July 2016 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the grounds improvement" and the procedure for

exemption from criminal liability". Rossiyskaya Gazeta. 8 July 2016.

12. Nikulenko A. V., Ruchkin V. A. Necessary defense and its role in crime prevention. Crime prevention system: current status, problems and development prospects. Saint-Petersburg; 2016: 178—183.

13. Nikonovich S. L., Klimov A. S., Avdalyan A. Ya. (et al). Criminal law (special part). Edited by Doctor of juridical sciences, professor Yu. V. Golik. Tambov; 2017.

14. Nikulenko A. V. Problems of assessing the conditions of the legality of causing harm during the detention of a person who committed a socially dangerous act. In: Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow (in memory of Professor S. F. Kravtsov): materials of the annual all-Russian scientific-practical conference. Saint-Petersburg; 2016: 173—181.

15. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Harmful when detaining a person who has committed a socially dangerous act. Saint-Petersburg: Yuridichesky Center; 2015.

16. Government Decree No. 1140 of 24 October 2015 "On Measures to Ensure the Protection of Precious Metals and Precious Stones" (together with the Rules for the use of special means, combat, official and civilian weapons by officials in carrying out tasks for the protection of precious metals and precious stones, The norms of providing officials with special means, military, service and civilian weapons and cartridges to it when performing tasks for the protection of precious metals and precious stones). SZ RF. 2015. No. 44. Art. 6134.

17. Federal Law of June 23, 2016 No. 190-FZ (as amended of 29 December 2017) "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the expansion of the use of the institution of jury". SZ RF. 2016. No. 26 (part I). Art. 3859.

18. Nikulenko A. V., Kutuev E. K. Necessary defense: problems of theory and law enforcement practice. World of legal science. 2016; 6: 43—48.

© Nikulenko A. V., 2019

Никулenco Андрей Вячеславович,
начальник кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: nikulenkoa@mail.ru.

exemption from criminal liability". Rossiyskaya Gazeta. 8 July 2016.

12. Nikulenko A. V., Ruchkin V. A. Necessary defense and its role in crime prevention. Crime prevention system: current status, problems and development prospects. Saint-Petersburg; 2016: 178—183.

13. Nikonovich S. L., Klimov A. S., Avdalyan A. Ya. (et al). Criminal law (special part). Edited by Doctor of juridical sciences, professor Yu. V. Golik. Tambov; 2017.

14. Nikulenko A. V. Problems of assessing the conditions of the legality of causing harm during the detention of a person who committed a socially dangerous act. In: Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow (in memory of Professor S. F. Kravtsov): materials of the annual all-Russian scientific-practical conference. Saint-Petersburg; 2016: 173—181.

15. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Harmful when detaining a person who has committed a socially dangerous act. Saint-Petersburg: Yuridichesky Center; 2015.

16. Government Decree No. 1140 of 24 October 2015 "On Measures to Ensure the Protection of Precious Metals and Precious Stones" (together with the Rules for the use of special means, combat, official and civilian weapons by officials in carrying out tasks for the protection of precious metals and precious stones, The norms of providing officials with special means, military, service and civilian weapons and cartridges to it when performing tasks for the protection of precious metals and precious stones). SZ RF. 2015. No. 44. Art. 6134.

17. Federal Law of June 23, 2016 No. 190-FZ (as amended of 29 December 2017) "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the expansion of the use of the institution of jury". SZ RF. 2016. No. 26 (part I). Art. 3859.

18. Nikulenko A. V., Kutuev E. K. Necessary defense: problems of theory and law enforcement practice. World of legal science. 2016; 6: 43—48.

© Nikulenko A. V., 2019

Nikulenko Andrey Vyacheslavovich,
head of the criminal law department
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: nikulenkoa@mail.ru.

* * *

*С. В. Рыбак, А. А. Дедковский***УНИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ**

В статье рассматривается проблема противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в странах Евразийского экономического союза. Авторами на основе анализа статистических данных продемонстрирован рост числа наркозависимых людей; показано, что наркотизация населения является глобальной проблемой современности. Увеличение количества зарегистрированных криминальных деяний, связанных с наркотиками, их трансграничный характер определяют необходимость развития сотрудничества в борьбе с незаконным распространением наркотиков, гармонизации и унификации правовых норм особенно в рамках Евразийского экономического союза. Проведенный сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за незаконный оборот наркотиков в странах Евразийского экономического союза, показывает разносторонность законодательных конструкций в ключевых элементах составов рассматриваемых преступлений. Вопросы ответственности личного немедицинского употребления предмета преступлений, криминализации отдельных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, должны стать предметом обсуждения по выработке единого подхода уголовно-правового противодействия анализируемым преступлениям в странах Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, аналоги, незаконный оборот, унификация, ответственность, предмет преступлений.

*S. V. Rybak, A. A. Dedkovskiy***UNIFICATION OF LEGISLATION OF EURASIAN ECONOMIC UNION
AS A CONDITION OF EFFECTIVE COUNTERACTION TO UNLAWFUL DRUG TRAFFIC**

The article deals with the problem of countering the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues in the countries of the Eurasian Economic Union. The authors, based on the analysis of statistical data, demonstrated an increase in the number of drug addicts. It is shown that drug addiction is a global problem of our time. The constant growth of registered criminal acts related to drugs and their cross-border nature make it necessary to develop cooperation in combating the illicit distribution of drugs, harmonizing and unifying legal norms in this area, especially within the framework of the Eurasian Economic Union. A comparative legal analysis of the criminal law governing liability for drug trafficking in the Eurasian Economic Union countries shows the diversity of legislative structures in the key elements of the crimes under consideration. The issues of personal non-medical use liability, the subject of crimes, the criminalization of individual acts related to drug trafficking, should be the subject of discussion on developing a unified approach of criminal law to counter the analyzed crimes in the Eurasian Economic Union countries.

Key words: narcotic drugs, psychotropic substances, precursors, analogues, trafficking, unification, liability, subject of crimes.

Проблемы преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, приобретают в настоящее время все большую актуальность. Распространение наркотических средств в Республике Беларусь создает угрозу для здоровья населения, негативно влияет на демографические процессы. Все это перерастает в общенациональную про-

блему, которая относится к категории прямых угроз национальной безопасности.

Особая опасность преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, во многом определяется неблагоприятной тенденцией ее развития. Во всем мире происходит увеличение количества преступлений, связанных с незакон-

ным оборотом наркотиков, и Республика Беларусь здесь не стала исключением.

Нарастающая наркотизация населения — глобальная проблема, для решения которой мировое сообщество прилагает немало усилий. При этом наиболее актуальной задачей признается установление системы жесткого контроля за легальностью оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов. Современное международное антинаркотическое законодательство стало складываться только в начале XX в. Вместе с тем сегодня создана эффективная система, обеспечивающая контроль за оборотом наркотиков на международном уровне, включающая более 12 многосторонних договоров и ряд других международных правовых актов, наиболее значимыми из которых являются: Конвенция ООН «О наркотических средствах» [1]; Конвенция ООН «О психотропных веществах» [2]; Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» [3].

Установив уголовную ответственность за незаконные изготовление, переработку, приобретение, хранение, перемещение наркотиков и т. д., к основным конвенциям против незаконного оборота наркотиков присоединилось подавляющее большинство стран. Введение уголовной ответственности за указанные деяния было обусловлено остротой проблемы, связанной с нарастающей наркотизацией населения и наличием международно-правовых обязательств на уровне межгосударственных отношений. При этом уголовно-правовые меры противодействия наркопреступности за рубежом существенно различаются.

Высказанное утверждение справедливо и для государств бывшего СССР. Обращение к зарубежному опыту конструирования и применения указанных уголовно-правовых норм было вызвано потребностью повышения эффективности белорусского уголовного закона в рассматриваемой сфере. Кроме того, активные интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) обуславливают необходимость координации уголовной политики государств — членов].

Об остроте проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков говорит и тот факт, что в настоящее время в Республике Беларусь отмечается устойчивая тенденция повышения уровня потребления наркотиков. Так, за последние два десятилетия количество наркопотребителей, состоящих на наркологическом учете, увеличилось более чем в 20 раз. Согласно статистическим данным Министерства здравоохранения в 2018 г. под наблюдением

наркологической службы Республики Беларусь находилось свыше 15,5 тыс. потребителей наркотиков, уровень наркотизации составлял 163 чел. на 100 тыс. населения, в настоящее время на учете, по официальным данным, состоит 15,6 тыс. лиц, страдающих наркоманией. Вместе с тем при определении масштабов данной проблемы необходимо делать поправку на высокий уровень латентности рассматриваемого явления: по оценкам экспертов реальное число наркопотребителей в стране выше в десятки раз и может превышать 70 тыс. человек [5].

По прогнозам МВД Республики Беларусь число лиц, употребляющих наркотики, в стране может достигать 110 тыс. человек, а динамика увеличения количества больных наркоманией составляет 500—700 человек в год. Таким образом, уровень наркотизации населения в Беларуси может достигнуть примерно 1,16 % (или 1 160 чел. на 100 тыс. населения).

Криминальную ситуацию в сфере незаконного оборота наркотиков иллюстрирует ряд статистических данных. По сравнению с 1990 г. к 2018 г. число зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками (ст. 327—332 Уголовного кодекса Республики Беларусь), возросло более чем в 12 раз и составило 4 434 преступления (3,36 % общего массива преступлений) [6]. Коэффициент преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, составляет 77,7 преступлений на 100 тыс. населения. По этому показателю Республика Беларусь занимает второе место среди стран Содружества Независимых Государств (СНГ), на первом месте — Российская Федерация (174,5 преступления на 100 тыс. населения), далее следуют Киргизская Республика (32,3 преступления на 100 тыс. населения), Республика Армения (32,2), Республика Казахстан (20,6 преступлений на 100 тыс. населения) [7, с. 55].

Постоянное увеличение количества криминальных деяний, связанных с наркотиками, их трансграничный характер обуславливают необходимость дальнейшего развития сотрудничества в борьбе с незаконным распространением наркотиков, гармонизации и унификации правовых норм в указанной сфере особенно в рамках ЕАЭС. При этом в рассуждениях о гармонизации и унификации нужно иметь в виду, что в международных договорах государств — участников СНГ эти термины не различаются, а являются взаимозаменяемыми. В научной литературе также отсутствует единый подход к их пониманию [8]; [9, с. 32]. Мы же будем придерживаться дифференцированного подхода: рассматривать унификацию как сближение правовых систем путем принятия единых международных

норм (модельные законодательные акты (кодексы, законы) рекомендательного характера для формирования и осуществления согласованной законодательной деятельности государств), а гармонизацию — как процесс включения в правовые системы разных государств единообразных внутрисударственных норм.

Унификацию законодательства стран СНГ в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков обеспечивает ряд международных нормативных правовых актов, принятие которых позволило сформировать единое правовое пространство СНГ в рассматриваемой сфере.

На современном этапе особый научный и практический интерес представляет обращение к анализу состояния гармонизации уголовного законодательства государств — участников ЕАЭС, направленного на борьбу с незаконным оборотом наркотиков.

В Республике Беларусь уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотиками, предусмотрена ст. 327—332 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ). Как уже указывалось ранее, группа названных деяний включена в главу 29 «Преступления против здоровья населения». Тем самым в законодательном порядке определен их видовой объект: охраняемые уголовным законом общественные отношения, содержанием которых является нормальное (здоровое) психофизическое состояние больших групп людей или здоровье населения [10].

В Российской Федерации уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотиками, установлена в главе 25 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»), где содержатся основные составы указанных преступлений (ст. 228—233 УК РФ) [11]. Уголовный кодекс Киргизской Республики включает главу 25 с аналогичным названием, которая входит в одноименный раздел IX (ст. 246—253 Уголовного кодекса Киргизской Республики) [12]. В Уголовном кодексе Республики Казахстан ответственность за преступления, связанные с наркотиками, предусмотрена в главе 11 «Уголовные правонарушения против здоровья населения и нравственности» (ст. 296—303 Уголовного кодекса Республики Казахстан) [13]. В Уголовном кодексе Республики Армения — в главе 26 «Преступления против здоровья населения» (раздел 9 «Преступления против общественной безопасности, безопасности компьютерной информации, общественного порядка, общественной нравственности

и здоровья населения») (ст. 266—274 Уголовного кодекса Республики Армения) [14].

Предметом рассматриваемых преступлений по УК РФ являются наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (их части). При этом в качестве самостоятельного предмета рассматриваемых преступлений выступают растения, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем и используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ. Следует подчеркнуть, что в российском уголовном законодательстве декриминализован незаконный оборот:

— в размере, который не составляет значительный, без цели сбыта: наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка), а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (незаконные приобретение, хранение, перевозка);

— размере, не составляющим крупный, безотнositельно цели сбыта: прекурсоров, а также растений либо их частей, которые содержат прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (незаконные приобретение, хранение или перевозка (ст. 228.3 УК РФ), а равно производство, сбыт или пересылка (ст. 228.4 УК РФ)) [11].

Рассмотрим предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по Уголовному кодексу Республики Казахстан. Здесь уголовная ответственность предусмотрена за незаконный оборот: наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и аналогов наркотических средств и психотропных веществ, а также инструментов и оборудования, которые используются для изготовления или переработки наркотических средств, психотропных веществ (к уголовно наказуемому незаконному обороту инструментов и оборудования по Уголовному кодексу Республики Казахстан Казахстана отнесены: изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка с целью сбыта, а равно незаконный сбыт), запрещенных к возделыванию растений или сортов конопли, мака или других растений, содержащих наркотические вещества (ответственность установлена за посев или выращивание, при этом она весьма строгая, так как наступает вне зависимости от цели сбыта и размера предмета преступления). К предмету

отнесены рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ответственность наступает в случае незаконной выдачи либо подделки) [13].

Обращает на себя внимание указание в Уголовном кодексе Республики Казахстан наряду с прекурсорами наркотических средств или психотропных веществ и такого предмета, как «вещества, используемые для изготовления или переработки наркотических средств, психотропных веществ» (в ч. 2 ст. 301 Уголовного кодекса Республики Казахстан криминализирован сбыт или иные виды незаконного оборота при наличии цели сбыта) [0].

Уголовный кодекс Республики Армения в качестве предмета рассматриваемых преступлений называет:

- наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры (если отсутствовал сбыт или цель сбыта, то ответственность наступает только при наличии как минимум значительного количества наркотиков);

- оборудование или инструменты, которые находятся под специальным контролем, используются для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (в случае нарушения правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки лицом, на кого возложена обязанность по соблюдению этих правил, если вследствие этого имели место хищение или незаконный оборот указанных материалов);

- запрещенные к возделыванию растения, содержащие наркотические, психотропные, сильнодействующие или ядовитые вещества (ответственность наступает лишь тогда, когда размер растений, участвовавших в незаконном обороте, являлся крупным);

- рецепты или иные документы, которые дают право на получение наркотических средств или психотропных веществ [14].

В Уголовном кодексе Киргизской Республики к предмету рассматриваемых преступлений отнесены:

- наркотические средства, психотропные вещества в небольших размерах (в случае их незаконных изготовления, приобретения, хранения, перевозки или пересылки без цели сбыта. При этом ответственность за данный вид преступления самая мягкая из всех сравниваемых кодексов, поскольку наступает только при наличии административной преюдиции);

- наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги либо прекурсоры; запрещенные к возделыванию наркотикосодержащие культуры в небольших размерах (ответственность наступает за посев или выращивание, совершенные по-

вторно в течение года после применения мер административного взыскания за те же действия);

- инструменты или оборудование, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящиеся под специальным контролем (ответственность наступает только в случае, когда наступила утрата указанных предметов по вине лица, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил производства, изготовления, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, продажи, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза либо уничтожения, при их нарушении);

- рецепты или иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ [12].

В отличие от уголовного законодательства других государств УК РБ указывает на грибы, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (ст. 329) как на предмет рассматриваемых преступлений [10].

Более детально остановимся на понятии аналогов по причине их различия в законодательных трактовках в странах ЕАЭС. Российский законодатель определяет аналоги как запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят [11]. При сравнении данного определения с тем, что закреплено в УК РБ, приходим к выводу о существенных различиях в трактовке. Согласно дефиниции, представленной в УК РБ, закон фактически требует осознания лицом химической формулы, где произведена замена одного или двух атомов водорода на заместители атомов водорода. В связи с этим возникает вопрос: может ли лицо, осуществляющее действия с какими-либо веществами, не обладающее специальными познаниями в области химии, сознавать, что это вещество является аналогом (предметом преступления)? Современный подход к понятию аналогов подтверждает, что процесс доказывания по таким делам крайне затруднителен. Вместе с тем определение аналогов в российском законодательстве тоже не является идеальным, поэтому российские исследователи отмечают, что с его учетом отнести вещество к аналогам проблематично. Это обусловлено тем, что отсутствуют четкие подходы к установлению схоже-

сти химической структуры, а также схожести психоактивных свойств со свойствами конкретных наркотических средств, психотропных веществ [15].

Исходя из сказанного полагаем, что закрепленное в настоящее время в белорусском законодательстве определение аналогов необходимо дополнить указанием на то, что данные вещества обладают психоактивными свойствами. Это позволит утверждать, что перечисленные в законе признаки предмета преступления осознаются лицом, осуществляющим незаконный оборот аналогов, ведь они распространяются именно потому, что оказывают на организм человека действие, схожее с действием наркотических средств и психотропных веществ, на что ориентируются и покупатель, и продавец. В то же время актуальным остается и вопрос о гармонизации данного законодательного определения во всех странах ЕАЭС.

Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что только УК РБ содержит дефиницию наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также веществ, используемых при изготовлении наркотических средств и психотропных веществ (прекурсоров). С нашей точки зрения, подобный подход может быть учтен и зарубежным законодателем при проведении работы по гармонизации правовых систем в рамках ЕАЭС.

В условиях дальнейшей гармонизации и совершенствования норм уголовного законодательства государств — участников ЕАЭС, направленных против незаконного оборота наркотиков, актуальным представляется введение в составы соответствующих преступлений такого предмета, как растения (либо их части), содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (что имеется в УК РФ). Считаем, что указание в уголовном законе республик Беларусь, Армения, Казахстан и Киргизской Республики на данный вид растений будет способствовать более полному уголовно-правовому регулированию рассматриваемой сферы. То же необходимо сделать и в отношении грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, так как в качестве предмета анализируемых преступлений они оцениваются только в УК РБ (ст. 329). Однако УК РБ не упоминает о таких предметах преступлений, как инструменты или оборудование, используемые для изготовления или переработки наркотических средств, психотропных веществ. В части 4 ст. 328 УК РБ называются лабораторная посуда или лабораторное оборудование, предназначенные для химического синтеза, но здесь речь идет о квалифицирующем признаке — способе совершения преступления — изготовлении или переработке наркотических средств, психотропных ве-

ществ либо их прекурсоров или аналогов для последующего сбыта с использованием лабораторной посуды или оборудования [10]. Наиболее взвешенный подход к установлению уголовной ответственности за незаконный оборот данных предметов содержится в Уголовном кодексе Республики Армения: согласно ч. 1 ст. 267 к рассматриваемым предметам преступления относятся только инструменты или оборудование, находящиеся под специальным контролем, что предполагает наличие исчерпывающего перечня и исключает случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности [14].

Что касается видов преступных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков, то тут законодатели названных стран также не были единодушны. Лишь в УК РБ (ст. 328-2) и Уголовном кодексе Республики Казахстан (ч. 1 ст. 296) зафиксировано такое преступление, как немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в общественных местах [10]; [13]. Однако уголовная ответственность за появление в общественном месте или нахождение на работе в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, предусмотрена только в УК РБ (ст. 328-2) [10].

В уголовном законодательстве республик Армения, Казахстан и Киргизской Республики имеются пробелы, связанные с криминализацией незаконного оборота прекурсоров наркотических средств, психотропных веществ. Так, ни в одной из данных стран не предусмотрена ответственность за хищение указанных предметов. Кроме того, в уголовных кодексах Республики Армения и Киргизской Республики не установлена ответственность за незаконный оборот без цели сбыта прекурсоров наркотических средств, психотропных веществ, а также за склонение к потреблению либо вовлечение в потребление аналогов (ответственность за эти деяния установлена в уголовном законодательстве России, республик Беларусь и Казахстан) [12]; [14].

В уголовном законе Республики Казахстан по сравнению с Республикой Армения и Киргизской Республикой не криминализованы незаконный оборот прекурсоров наркотических средств, психотропных веществ с целью сбыта, а также их пересылка и сбыт (в то время как незаконный оборот без цели сбыта криминализован) [13]; [12]; [14]. В Уголовном кодексе Республики Казахстан не установлена ответственность за хищение прекурсоров [13].

Специальной нормы об ответственности за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, не предусматривает только УК РБ. Статья 253 Уголовного кодекса Киргизской Республики устанавливает уголовную ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ. При этом наиболее строгим видом наказания является лишение свободы на срок до двух лет [120]. В Республике Армения ответственность за незаконную выдачу уполномоченным лицом из корыстных либо иных личных целей рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, предусмотрена в ст. 270, наиболее строгое наказание — лишение свободы на срок до двух лет [14]. УК РФ за подобные деяния в ст. 233 предусматривает среди прочих видов наказаний и лишение свободы на срок до двух лет [11]. Наиболее строгая ответственность за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, установлена в Уголовном кодексе Республики Казахстан: лишение свободы на срок до пяти лет [13]. Таким образом, хотя в данном случае речь не идет о пробеле в уголовном законодательстве Республики Беларусь, поскольку здесь привлечение к ответственности за совершение указанных деяний возможно по ст. 379, 380, 427 УК РБ, тем не менее представляется обоснованным рассмотрение вопроса о введении специальной нормы, предусматривающей указанные выше признаки [0]. По нашему мнению, это будет способствовать дифференциации уголовной ответственности, более полному уголовно-правовому регулированию анализируемой сферы, соблюдению принципа законности.

Интересен подход российского законодателя к определению незаконной пересылки наркотиков в системе деяний, составляющих их незаконный оборот. Только в УК РФ такое деяние рассматривается как действие, аналогичное сбыту, и включается в диспозицию ч. 1 ст. 228.1 наряду с незаконным сбытом и производством наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества [11].

Сравнительный анализ норм уголовного законодательства стран ЕАЭС, устанавливающих ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, позволяет сделать следующие выводы:

1. На региональном уровне разработан и принят детальный механизм международного сотрудничества в противодействии незаконному распространению наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Его дальнейшее развитие вместе с обменом информацией; поддержкой в уголовном преследовании, задержании лиц, причастных к совершению рассматриваемых преступлений; содействием в конфискации имущества и доходов, полученных преступным путем, предусматривает необходимость дальнейшей гармонизации национального законодательства государств — участников ЕАЭС.

2. Уголовное законодательство стран ЕАЭС в целом дифференцированно подходит к вопросу установления видов преступных деяний, форм и мер ответственности за совершение анализируемых преступлений. При этом в УК РФ содержится наиболее развернутая система уголовно-правовых норм об ответственности за рассматриваемые преступления. Многие ее элементы могут быть использованы уголовным законодательством других стран ЕАЭС. Острым является вопрос о гармонизации положений об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков в связи с личным немедицинским их употреблением (отсутствует в УК РФ, Уголовном кодексе Республики Армения, но имеется в уголовных кодексах всех других государств — участников ЕАЭС).

3. Проблемные моменты в плане гармонизации существуют и при определении предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Для этого в уголовных кодексах стран ЕАЭС используются разные термины. Нет единства и в вопросе криминализации отдельных деяний, которые включаются законодателем в уголовно наказуемый незаконный оборот таких предметов преступлений (или, наоборот, исключаются). Кроме того, только УК РБ закрепляет определение наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также веществ, используемых при изготовлении наркотических средств и психотропных веществ (прекурсоров). Все перечисленные позиции требуют приложения дополнительных усилий, направленных на выработку единого подхода к проблеме предмета анализируемых преступлений в странах ЕАЭС.

4. В целом право любой страны — часть ее национального достояния. Оно обусловлено традициями, обычаями и является способом самовыражения социума. Вместе с тем преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, имеют характер международных и с учетом тесных интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, обусловивших интенсификацию миграции насе-

ния, движения капитала, материальных средств, требуют выработки единого подхода в уголовном законодательстве стран ЕАЭС. В совокупности реализация данных мер будет способствовать по-

вышению эффективности противодействия рассматриваемым преступлениям.

1. О наркотических средствах: единая конвенция Организации Объединенных Наций (Нью-Йорк, 30 марта 1961 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

2. О психотропных веществах: конвенция Организации Объединенных Наций (Вена, 21 февраля 1971 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: конвенция Организации Объединенных Наций (Нью-Йорк, 20 декабря 1988 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Костеников Д. В. Состояние международного сотрудничества в сфере противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту // Наркоконтроль. 2007. № 4. С. 90—99.

5. Официальная статистика за 2018 год // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/zdravoohranenie_2/ (дата обращения: 27.01.2019).

6. Статистика за 2018 год // Министерство Внутренних Дел Республики Беларусь. URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=162163> (дата обращения: 27.01.2019).

7. Герасимова С. И. Криминологическая характеристика преступности в Республике Беларусь и государствах — участниках СНГ. Минск: БГКФК, 2015. 129 с.

8. Иванова Д. В., Федорова Ю. А. Проблема гармонизации законодательства в области интеллектуальной собственности в условиях вступления Республики Беларусь в ВТО. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Бахин С. В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2002. 344 с.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 257-З. Минск, 2019.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 25.04.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Уголовный кодекс Киргизской Республики: закон Киргизской Республики от 1 октября 1997 г. № 68 (ред. от 08.04.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Уголовный кодекс Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред. от 28.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. United Nations Convention "On Narcotic Drugs" (New York, March 30, 1961). Available from: reference legal system "Consultant Plus".

2. United Nations Convention "On psychotropic substances" (Vienna, February 21, 1971). Available from: reference legal system "Consultant Plus".

3. United Nations Convention "On the fight against illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances" (New York, December 20, 1988). Available from: reference legal system "Consultant Plus".

4. Kostennikov D. V. Status of international co-operation in the field of combating drug abuse and illicit trafficking. Drug Control. 2007; 4: 90—99.

5. Official statistics for 2018. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Available from: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/zdravoohranenie_2/. Accessed: 27 January 2019.

6. Statistics for 2018. Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Available from: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=162163>. Accessed: 27 January 2019.

7. Gerasimov S. I. Criminological characteristics of crime in the Republic of Belarus and the CIS countries. Minsk: BGKFK; 2015.

8. Ivanova D. V., Fedorova Yu. A. The problem of harmonization of legislation in the field of intellectual property in the context of the accession of the Republic of Belarus to the WTO. Available from: reference legal system "Consultant Plus".

9. Bakhin S. V. Subravo (international codes of unified contract law). Saint-Petersburg: Yuridichesky Center Press; 2002.

10. The Criminal Code of the Republic of Belarus No. 257-3 of 9 July 1999. Minsk; 2019.

11. Federal Law of Russian Federation No. 63-FZ of 13 June 1996 (as amended on 25/04/2018). "Criminal Code of the Russian Federation". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

12. Law of the Kyrgyz Republic No. 68 of 1 October 1997 (as amended on 08/04/2017). "Criminal Code of the Kyrgyz Republic". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

13. Law of the Republic of Kazakhstan No. 226-V of 3 July 2014 (as amended on 28/12/2017). "Criminal Code of the Republic of Kazakhstan". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

14. Уголовный кодекс Республики Армения: закон Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № 3Р-528 (ред. от 07.06.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Сыромятников С. В., Сарычев И. И. Производные наркотических средств и психотропных веществ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Рыбак С. В., Дедковский А. А., 2019

14. Law of the Republic of Armenia No. 3P-528 of 29 April 2003 (as amended on 07/06/2018). "Criminal Code of the Republic of Armenia". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

15. Syromyatnikov S. V., Sarychev I. I. Derivatives of narcotic drugs and psychotropic substances Available from: reference legal system "Consultant Plus".

© Rybak S. V., Dedkovsky A. A., 2019

Рыбак Сергей Вячеславович,
декан юридического факультета
Международного университета «МИТСО»,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: sergio-minsk@mail.ru

Дедковский Андрей Александрович,
заведующий кафедрой адвокатуры
Международного университета «МИТСО»,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: a.dziadkouski@gmail.com

Rybak Sergey Vyacheslavovich,
dean of Law Faculty of the International
University «MITSO»,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: sergio-minsk@mail.ru

Dedkovsky Andrey Alexandrovich,
head of the advocacy department
of the International University «MITSO»,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: a.dziadkouski@gmail.com

* * *

УДК 343.412
ББК 67.408.114

DOI 10.25724/VAMVD.FXYZ

А. И. Спиридонов

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ИЛИ РАБОТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ
В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Зарубежное уголовное законодательство в части правовой регламентации ответственности за нарушение избирательных прав представляет серьезный интерес в рамках сравнительного правоведения. Особое значение здесь имеют нормы западноевропейского уголовного права, отвечающие современным стандартам демократии и избирательного процесса. Российский законодатель наряду с законодателем стран бывших советских республик стремится создать аналогичную правовую базу, необходимую для эффективно-го противодействия нарушению прав избирателей в ходе проведения выборов или референдумов.

Ключевые слова: избирательное право, избирательные права, референдум, выборы.

A. I. Spiridonov

**LEGAL REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR THE IMPLEMENTATION
OF THE ELECTION RIGHTS OR THE WORK OF THE ELECTION COMMISSIONS
FOR FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION**

Foreign criminal legislation in terms of the legal regulation of liability for violation of electoral rights is of serious interest in the framework of comparative law. Of particular importance here are the norms of Western European criminal law that meet modern standards of democracy and the electoral process. Along with the legislator of the countries of the former Soviet republics, the Russian lawmaker seeks to create a similar legal framework necessary to effectively counter the violation of voter rights in the course of elections or referenda.

Key words: suffrage, electoral rights, referendum, elections.

Сравнительно-правовой анализ — один из важнейших методов научного познания, реализация которого позволяет обеспечить правильное представление о правовом регулировании предмета исследования за рубежом и наметить пути совершенствования отечественного законодательства в требуемом направлении. Не является исключением здесь и ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, которая существует и эффективно применяется в уголовном законодательстве зарубежных стран. В связи с этим сравнительно-правовая характеристика выступает в качестве еще одной предпосылки разнопланового анализа указанной проблематики, в основу которого будет положено рассмотрение уголовного законодательства стран славянской и романо-германской правовых семей. Так, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК РБ) в главе 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека» закреплена ст. 191, направленная на уголовно-правовую охрану исследуемого общест-

венного отношения. В рамках ч. 1 данной статьи регламентируется ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав, права на участие в референдуме либо реализации права законодательной инициативы граждан, либо работе Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательных комиссий, комиссий по референдуму, комиссий по проведению голосования об отзыве депутата, совершенное с применением насилия, угрозы, обмана, подкупа или иным способом [1]. Следует отметить, что как наименование статьи, так и содержание ее диспозиции принципиально отличается от аналога в российском уголовном законодательстве. С одной стороны, законодатель обеих стран исходит из того, что криминализации подлежит воспрепятствование реализации избирательных прав и избирательных комиссий. С другой — способы такого воспрепятствования в законодательстве двух стран различны. Если в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) уголовно

наказуемым является сам факт такого деяния, то в УК РБ для наступления уголовной ответственности требуется применение насилия, угроза, обман, подкуп или иной способ.

В большей мере солидарен с российским законодателем Киргизский нормотворец, устанавливающий в рамках ст. 191 Уголовного кодекса Киргизской Республики (далее — УК КР) практически идентичные с российским аналогом признаки такого преступления, как нарушение прав избирателей или работы избирательных комиссий. Что характерно, каких-либо указаний на способы совершения данного посягательства в норме нет, причем не только в диспозиции УК КР, но и в ч. 2 статьи [2]. В свою очередь, диспозиция самой нормы полностью воспроизводит ее аналог в УК РФ, что свидетельствует об одинаковых подходах к решению рассматриваемого вопроса.

Как нарушение тайны голосования подлог избирательных документов или документов референдума, внесение фиктивных записей в бюллетени или подписные листы, заведомо неправильный подсчет голосов, совершенные при организации, проведении выборов или референдума должностными лицами, представителями политических партий или органов самоуправления граждан, членами инициативных групп или избирательных комиссий либо комиссий референдума, выглядит исследуемое преступление в Уголовном кодексе Республики Узбекистан (далее — УК РУ) (ст. 146) [3]. Диспозиция представленной нормы позволяет сделать вывод об идентичной с российской оценке общественной опасности данного посягательства, на степень которой способ его совершения не оказывает никакого влияния.

Нужно сказать, что на схожих позициях сегодня стоит и уголовное законодательство Республики Таджикистан. Так, согласно ст. 150 уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ) анализируемое посягательство определяется как «воспрепятствование осуществлению гражданином своих избирательных прав или права участвовать в референдуме, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий или комиссии по проведению референдума» [4]. Способ снова не выступает в качестве конструктивного признака исследуемого состава, однако его разновидности в отличие от УК РУ закреплены в рамках ч. 2 статьи и практически полностью совпадают с теми способами, которые содержатся в диспозиции ст. 191 УК РБ. То же мы наблюдаем и в Уголовном кодексе Республики Туркменистан, ст. 149 которого в полной мере совпадает с приведенной ст. 150 УК РТ [5]. В обоих случаях первая часть сформулирована через описание признаков общественно

опасного деяния, а вторые части статей содержат конкретные способы его совершения. Неизменной в этом отношении уже длительное время остается и позиция грузинского законодателя. В рамках ст. 162 Уголовного кодекса Республики Грузия предусмотрена ответственность за «воспрепятствование осуществлению воли в выборах, референдуме или плебисците» [6]. Что характерно, способы также выступают в качествеотягчающих обстоятельств уже в квалифицированном составе данного посягательства, а их перечень мало чем отличается от имеющихся аналогов в соответствующих статьях уголовного законодательства постсоветского пространства. Этот же тезис в равной степени можно распространить и на пенитенциарный кодекс Эстонской Республики, ст. 161 которого определяет исследуемое нами деяние лишь через категорию «воспрепятствование» при отсутствии указаний на конкретные способы его реализации [7].

Идентичен продемонстрированному и подход казахского законодателя, определившего принципы дифференциации ответственности, ее пределы и саму формулировку статьи (ст. 150 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК)). В этом отношении УК РК оказался на удивление близок с УК РФ: в ч. 2 указанной статьи зафиксированы такие же способы воспрепятствования, установлены те же виды и практически те же размеры наказаний за посягательство на избирательные права граждан [8]. Это объяснимо связями, сложившимися между государствами уже в постсоветский период.

Максимально лаконичен в решении рассматриваемого вопроса Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (далее — УК АР). В части 1 ст. 159 исследуемое нами явление определено как «препятствование осуществлению избирательных прав (участия в референдуме) гражданина» [9]. Несмотря на некоторые различия в использованной терминологии, суть самого посягательства осталась неизменной. Вместе с тем в отличие от группы стран, в которую входит и Россия, в Азербайджане применен собственный подход к дифференциации ответственности за нарушение избирательных прав. Если в отечественном уголовном законодательстве ч. 1 соответствующей статьи содержит все формы общественно опасного поведения, за исключением его способов, то в УК АР каждое из преступлений отражается в самостоятельной части ст. 159. Данное обстоятельство свидетельствует об относительно обособленном видении данного вопроса при сохранении в целом самого запрета на совершение рассматриваемого деяния.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что применительно к уголовно-

му законодательству стран постсоветского пространства речь следует вести о демонстрации различного подхода: во-первых, к определению общественной опасности воспрепятствования реализации избирательных прав; во-вторых, к дифференциации ответственности за это преступное посягательство. Если в одном случае (Киргизская Республика, Республика Узбекистан и др.) выделение способов совершения исследуемого преступления не является необходимым в рамках какого-либо состава (основного или квалифицированного), то во втором (Россия, республик Таджикистан, Казахстан, Грузия, Туркменистан, Азербайджанская Республика, Эстонская Республика и др.) способ рассматривается в качестве средства дифференциации ответственности: во вторые части соответствующих статей включаются их конкретные разновидности. При этом в третьем случае (Республика Беларусь) нужно говорить о способах воспрепятствования как о составообразующих признаках, что искусственно снижает степень общественной опасности любого преступления, в том числе исследуемого нами. Необходимо отметить, что законодатели стран, входящих в первую группу, не дают определения термина «воспрепятствование», что позволяет трактовать его в рамках первых частей соответствующих статей максимально широко. С одной стороны, отнесение способов его реализации к средствам дифференциации повышает степень общественной опасности самого воспрепятствования, с другой — при отсутствии конкретизации данный термин в практической деятельности вызывает большое количество вопросов. Интересно, что позиция, нашедшая свое выражение в уголовном законодательстве стран, входящих в последнюю группу, в большей мере типична для уголовных кодексов романо-германской правовой семьи.

По законодательству Германии преступления в сфере выборов (§ 107—108 «е» Уголовного кодекса Федеративной Республики Германия (далее — УК ФРГ)) включены в главу 4 Особенной части «Преступления против конституционных органов, а также преступления на выборах и при голосовании» [10]. Объективная сторона «воспрепятствования проведению выборов» (§ 107) связана с «воспрепятствованием с помощью насилия или угрозы применения насилия проведению выборов или установлению их результата». Законодательное оформление правовых норм § 108 УК ФРГ существенно отличается от диспозиции ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» за счет включения в содержание более узкого перечня противоправных деяний и способов их

совершения [11]. В то же время УК ФРГ максимально близок к уголовным законам республик Беларусь и Молдова. Хотя в данном случае необходимо отметить, что как немецкий, так и в целом европейский законодатель, несмотря на присутствующие параллели, тем не менее движутся в своем направлении в части уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере избирательных прав. В основном это связано с дополнительной детализацией признаков объективной стороны такого посягательства, как воспрепятствование, и растворением его способов в самостоятельных нормах [12]. Подчеркнем, что подобная ситуация характерна не только для посягательств на избирательные права граждан, но и для кодификации в сфере уголовно-правового регулирования, когда детализация часто оказывается избыточной [13].

В Австрии преступления на выборах и референдумах объединены в главе 18 Уголовного кодекса Австрийской Республики (§ 261—268) (*Strafbare Handlungen bei Wahlen und Volksabstimmungen*) [14]. Диспозиция состава «воспрепятствование осуществлению избирательного права» § 262 Уголовного кодекса Австрийской Республики схожа с диспозицией § 108 УК ФРГ «оказание давления на избирателей». Она объединяет и воспрепятствование голосованию с помощью насилия или опасной угрозы, и оказание давления на избирателей в целях воспрепятствования реализации избирательного права или права голоса. Вместе с тем наказание за совершение подобных деяний в Германии существенно строже (до 5 лет лишения свободы, в особо тяжких случаях — до 10 лет). Объективная сторона «воспрепятствования проведению выборов или всенародного голосования» (§ 267 Уголовного кодекса Австрийской Республики) связана с воспрепятствованием с помощью насилия или опасной угрозы проведению выборов, всенародного голосования, определению или объявлению их результатов [11].

И. Ю. Пашенко отмечает, что в Уголовном кодексе Королевства Нидерландов общественно опасных деяний против избирательных прав не так много. Хотя на самом деле по аналогии с другими уголовными кодексами европейских стран таких составов насчитывается порядка пяти, что уже само по себе существенным образом отличает голландское законодательство от всего блока стран постсоветского пространства, кодексы которых регламентируют исследуемый уголовно-правовой запрет в рамках единого состава. Между тем в Уголовном кодексе Королевства Нидерландов ответственность предусматривается: за препятствия в реализации избирательных прав, недостоверность подведения итогов выборов, фальсифи-

кацию итогов голосования. «Отдельный интерес представляет уголовная ответственность для избирателей, которые голосуют умышленно незаконно за других лиц и обвиняются в получении взятки. При этом взятка может быть направлена как на участие избирателя в выборах, так и может быть направлена на его воздержание от совершения тех или иных значимых избирательных действий, в том числе может проявляться в отказе от участия в выборах. Особое конструирование норм в уголовном законодательстве одновременно затрагивает привлечение к ответственности не только избирателя, но и то лицо, которое способствует совершению преступления. Уголовные нормы охватывают и предупреждают от совершения преступления все стороны непосредственно процедуры самого голосования, и то, какие функции ими выполняются» [15]. Безусловный интерес в этом отношении представляет собой и уголовное законодательство Италии — страны, находящейся на острие исследуемой проблематики, прежде всего в силу своего непростого отношения к избирательному процессу, реальное влияние на которое оказывает мафия. Следует отметить, что очередной закон № 10/00 (так называемый Единый избирательный закон) был разработан и проведен в жизнь левоцентристским правительством еще в 2000 г. Представляя его в парламенте, авторы указали, что целями этого закона являются «борьба с оказанием незаконного влияния на выборы; реализация политики открытого и честного голосования и создание эффективных мер по противодействию лоббирования в избирательном процессе» [16].

Что касается самого Уголовного кодекса Итальянской Республики, то в его ст. 28 отмечается, что у электората существует неограниченное право на участие в любых выборах и голосованиях. При этом в ст. 416ter устанавливается ответственность за «политический мафиозный избирательный обмен» [17], предполагающий передачу голосов между различными партиями в процессе голосования в целях обеспечения необходимого большинства в правительственных структурах. Интересно, что в отличие от уголовных кодексов ФРГ и Австрийской Республики в уголовном законодательстве Италии это единственная норма, которая направлена на правовую регламентацию ответственности за рассматриваемое нами деяние, имеет исключительные особенности, обусловленные историческими и политическими факторами.

Еще больший интерес вызывает Уголовный кодекс Французской Республики, который согласно принятой в 1992 г. концепции полностью отказался от правового регулирования ответственности за все преступления, посягающие на конституци-

онные права и свободы граждан. Не являются исключением и преступления, посягающие на избирательные права. Они были включены в избирательный кодекс с установлением как административной, так и уголовной ответственности [18]. Безусловно, продемонстрированный французским законодателем подход заслуживает внимания в первую очередь с позиции вопросов кодификации и источников уголовного права. В любом случае он крайне не традиционен и вряд ли может быть использован в отечественной законодательной практике. В основном сформировавшаяся во Франции позиция по рассматриваемой проблеме обусловлена реализацией идеи вывода из уголовного кодекса всех преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Применительно к данной группе посягательств в ходе настоящего исследования нами было проведено анкетирование специалистов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права (54 респондента, имеющие ученые степени кандидата и доктора юридических наук). Им был задан вопрос об их отношении к необходимости «избавления» УК РФ от всех преступлений небольшой тяжести, включая посягательства на избирательные права граждан. 82,5 % респондентов отнесли к этому отрицательно, 17,5 % отметили, что данный способ устранения из УК РФ «лишних составов» представляет безусловный интерес. Таким образом, реализованная французским законодателем идея правовой регламентации уголовной ответственности за пределами уголовного кодекса пока не находит соответствующей поддержки среди специалистов.

Уголовный кодекс Республики Сербия сохраняет приверженность детальной регламентации ответственности за нарушение избирательных прав в рамках основного законодательного акта. Ответственность за воспрепятствование реализации избирательному праву регламентируется в рамках самостоятельной главы уголовного кодекса, которая включает 15 самостоятельных составов, причем уже первая норма этой главы (ст. 154) регламентирует ответственность именно за воспрепятствование кем бы то ни было и в какой бы то ни было форме реализации гражданином своего права на выборах [19]. Что характерно, последующие статьи в основном связаны с детализацией данного состава и устанавливают самостоятельную ответственность за это же деяние, но совершенное различными способами: обман, подкуп, угроза, предложение и т. д. Усиление ответственности происходит также применительно к должностным лицам, использующим свое положение в целях лоббирования и представления

интересов отдельных групп в ходе выборного процесса.

По признакам объективной стороны исследуемого посягательства зарубежные страны можно классифицировать на три самостоятельные группы. В первую входят государства, в уголовных кодексах которых нормы, устанавливающие ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, имеют максимально конкретный характер, а сами действия подобного рода содержат четкий перечень способов совершения преступлений. Речь, в частности, идет о таких странах, как республики Беларусь, Молдова, ФРГ, Австрийская Республика и др. Уголовное законодательство этих стран в решении проблемы нарушения избирательного права гражданина использует такой факультативный признак объективной стороны, как способ, в качестве составообразующего, не опираясь на него в дальнейшем для дифференциации ответственности.

Вторую группу составляют государства, в уголовных кодексах которых демонстрируется прямо противоположный подход к решению анализируемого вопроса, где ответственность за воспрепятствование участия в выборах или референдумах существует независимо от способов его реализации. При этом сам термин «воспрепятствование» понимается относительно широко, обладает высокой степенью общественной опасности по сравнению с представлением о данном деянии в странах первой группы. К государствам, демонстрирующим такой подход, относятся: Российская Федерация, Республики Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Грузия, Азербайджанская Республика, Эстонская Республика др. Уголовное законодательство этих стран в решении проблемы нарушения избирательного права гражданина опирается на способ воспрепятствования как на одно из наиболее эффективных средств дифференциации

ответственности, используя его в рамках квалифицированных составов преступлений.

К третьей группе можно отнести государства, в законодательстве которых нормы, устанавливающие ответственность за анализируемое деяние, отличаются крайне низкой детализацией признаков объективной стороны преступления, предусматриваемых в нескольких уголовно-правовых нормах (Киргизская Республика, Итальянская Республика, республики Узбекистан, Болгария, Королевство Нидерландов и др.). В уголовных кодексах названных стран способ воспрепятствования не фигурирует ни в основном, ни в квалифицированном составах. При этом ответственность, как правило, наступает по норме, имеющей максимально объемное содержание (максимально общий характер), возможность широкой трактовки которой позволяет охранять, в том числе, избирательные права граждан.

Использование компаративистского метода исследования дает основания для вывода о возможности учета положительного опыта зарубежного законодателя в национальной правовой системе применительно к ответственности за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий в части детализации признаков объективной стороны рассматриваемого посягательства, что подтверждается материалами собственных исследований автора. В тексте УК РФ это может быть выражено путем развернутой формулировки того, что следует понимать под воспрепятствованием, за что должна наступать уголовная ответственность. При этом, во-первых, будет осуществлен адекватный учет не только опасности деяния, но и побудительных мотивов совершения преступления, во-вторых, будут более полно регламентированы действия правоприменителя в ходе квалификации содеянного.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь (в ред. от 17.07.2017). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984#pos=1705;-47 (дата обращения: 23.01.2019).

2. Уголовный кодекс Киргизской Республики от 24 января 2017 г. (вступает в силу с 01.01.2019). Бишкек, 2017. 123 с.

3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (в ред. от 10.01.2018). URL: <http://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 23.01.2019).

4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан (в ред. от 24.02.2017). URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=237375 (дата обращения: 23.01.2019).

Criminal Code of the Republic of Belarus (as amended of 17 July 2017). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984#pos=1705;-47. Accessed: 23 January 2019.

2. Criminal Code of the Kyrgyz Republic of 24 January 2017 (effective from 1 January 2019). Bishkek; 2017.

3. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (as amended of 10 January 2018). Available from: <http://lex.uz/docs/111457>. Accessed: 23 January 2019.

4. Criminal Code of the Republic of Tajikistan (as amended of 24 February 2017). Available from: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=237375. Accessed: 23 January 2019.

5. Уголовный кодекс Республики Туркменистан (в ред. от 09.06.2018). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483 (дата обращения: 23.01.2019).
6. Уголовный кодекс Республики Грузия (в ред. от 12.12.2013). URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения: 24.01.2019).
7. Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики (в ред. от 25.07.2018). URL: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder> (дата обращения: 23.01.2019).
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан (в ред. от 12.07.2018). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=2137;100 (дата обращения: 24.01.2019).
9. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (в ред. от 24.04.2018). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=9;-311 (дата обращения: 24.01.2019).
10. Strafgesetzbuch vom 15 Mai 1871. Neugefasst durch Bek. v. 13.11.1998. Zuletzt geändert durch Art. 1 v. 25.06.2012. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/index.html> (дата обращения: 24.01.2019).
11. Красинский В. В. Преступления в сфере выборов по уголовному законодательству Германии, Австрии, и Швейцарии // Государство и право. 2013. № 7. С. 87—88.
12. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия: науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. М., 2015. С. 125—126.
13. Gttry Johnstone Restorative justice. London and New York, 2011. P. 95
14. Strafgesetzbuch vom 1 Januar 1975. URL: http://www.jusline.at/index.php?cpid=f04b15af72dbf3fdc0772f869d4877ea&law_id=11 (дата обращения: 24.01.2019).
15. Пашченко И. Ю. Ответственность за нарушение избирательных прав в Европейских государствах: сравнительно-правовой аспект // Общество и право. 2017. № 4. С. 152.
16. Campani G. Eletoratto and integration in Italy: a complex and moving landscape. 2007. 24 p.
17. Codice penale. E Leggi complementari. Editio minor (01.09.2015). Roma, 2012. P. 254—255.
18. URL: <https://lawbook.online/pravo-rossii-izbiratelnoe/frantsiya-60124.html> (дата обращения: 24.01.2019); Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран / И. С. Власов [и др.]. М., 2005.
19. Criminal code of Serbia. Belgrade, 2015. P. 50—51.
5. Criminal Code of Turkmenistan (as amended of 9 June 2018). Available from: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483. Accessed: 23 January 2019.
6. Criminal Code of Georgia (as amended of 12 December 2013). Available from: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>. Accessed: 24 January 2019.
7. The Penal Code of the Republic of Estonia (as amended of 25 July 2018). Available from: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru>. Accessed: 23 January 2019.
8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (as amended of 12 July 2018). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=2137;100. Accessed: 24 January 2019.
9. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (as amended of 24 April 2018). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=9-3-311. Accessed: 24 January 2019.
10. Strafgesetzbuch vom 15 Mai 1871. Neugefasst durch Bek. v. 13.11.1998. Zuletzt geändert durch Art. 1 v. 25.06.2012. Available from: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/index.html>. Accessed: 24 January 2019.
11. Krasinsky V. V. Election offenses under the criminal law of Germany, Austria, and Switzerland. State and law. 2013; 7: 87—88.
12. Golovnenkov P. V. Criminal Code (Criminal Code) of the Federal Republic of Germany. Moscow; 2015.
13. Gttry Johnstone Restorative justice. London and New York; 2011.
14. Strafgesetzbuch vom 1 Januar 1975. Available from: http://www.jusline.at/index.php?cpid=f04b15af72dbf3fdc0772f869d4877ea&law_id=11. Accessed: 24 January 2019.
15. Pashchenko I. Yu. Responsibility for violation of electoral rights in European states: comparative legal aspect. Society and Law. 2017; 4: 152.
16. Campani G. Eletoratto and integration in Italy: a complex and moving landscape; 2007.
17. Codice penale. E Leggi complementari. Editio minor (09/01/2015). Roma; 2012: 254—255.
18. Available from: <https://lawbook.online/pravo-rossii-izbiratelnoe/frantsiya-60124.html>. Accessed: 24 January 2019. Vlasov I. S., Golovanova N. A., Kubantsev S. P. (et al). Responsibility for violation of electoral rights of citizens in the legislation of foreign countries. Moscow; 2005.
19. Criminal code of Serbia. Belgrade; 2015: 50—51.

Спиридонов Александр Иванович,
преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии,
уголовно-исполнительного права
Ростовского государственного
экономического университета.

Spiridonov Alexander Ivanovich,
lecturer at the Department of Criminal Law
and Criminology, Penal Law
of the Rostov State University of Economics.

* * *

А. В. Австрийсков

**РЕТРОСПЕКТИВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИИ**

В статье осуществлен историко-правовой анализ практики использования оперативными подразделениями полиции технических средств в процессе борьбы с преступностью в различные эпохи развития российского общества. Рассматривая деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как искусство уголовного сыска, автор констатирует, что в основе этого вида деятельности лежит умение познавать не столько явные, сколько скрытые от лишних людей явления и процессы с использованием любых достижений научно-технического прогресса. Отмечается, что выбор конкретного вида технического средства и варианта его использования в оперативно-разыскной деятельности и уголовном судопроизводстве органически связан с историей становления и развития правоохранительной деятельности в России. Автором также рассмотрена практика использования технических средств в оперативной работе специализированных государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью в дореволюционный и послереволюционный периоды. Подробно освещено становление системы специальных технических служб в советское время. В статье раскрыты основы современной нормативной правовой базы, регулирующей вопросы оборота технических средств в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: искусство раскрытия преступлений, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, криминалистическая техника, специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации.

A. V. Avstriyskov

**RETROSPECTIVE USE OF TECHNICAL MEANS
OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE PURPOSES
IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES IN RUSSIA**

The article provides a historical and legal analysis of the practice of using technical equipment by operational police units in the process of fighting crime in various epochs of the development of Russian society. Considering the activity of disclosing and investigating crimes as the art of criminal investigation, the author states that the basis of this type of activity is the ability to learn not only obvious, but also hidden from unnecessary people phenomena and processes, using any achievements of scientific and technical progress. It is noted that the choice of a specific type of technical means and the option of its use in operational investigative activities and criminal justice is organically linked with the historical periods of the formation and development of law enforcement in Russia. The author has also considered the practice of using technical means in the operational work of specialized state bodies engaged in the fight against crime in the pre-revolutionary and post-revolutionary periods of Russia's development. The development of the system of special technical services during the Soviet era is described in detail. The article also discloses the basics of the modern regulatory framework governing the circulation of technical equipment in the operational investigative activities of the bodies of internal affairs.

Key words: the art of solving crimes, operational investigative activities, operational investigative measures, forensic technology, special technical tools designed for surreptitious obtaining of information.

«Раскрытие совершаемых при разнообразнейших условиях современной жизни преступлений, разоблачение истинного характера случающихся изо дня в день и нередко загадочных происшествий является деятельностью, требующей прежде

всего того практического навыка и особого умения в применении различных средств, способов и приемов, совокупность которых является искусством раскрытия преступлений или искусством уголовного сыска» [1, с. 8]. Несмотря на то что этому вы-

казыванию В. И. Лебедева уже более 110 лет, оно не теряет актуальности.

Искусство раскрытия преступлений, уголовного сыска позволяет постичь не только явные, но и неочевидные явления, процессы на основе комплекса достижений научно-технического мира. В практической деятельности совершенствование применения различных технических средств не только способствует наиболее эффективному противодействию преступлениям и их раскрытию, но и расширяет кругозор оперативных сотрудников.

Постепенно борьба с преступлениями, в которых используются силы, средства и методы оперативно-разыскной деятельности, приобретает компетентно сформулированный характер противостояния двух сторон. Основополагающим смыслом при этом обладают субъективные качества сыщика, его техническая оснащенность.

Совершенствование материально-технического обеспечения правоохранительных органов в части эффективного противостояния развивающейся преступности вызывало интерес как в научных кругах, так и в общественных институтах и практической деятельности различных правоохранительных ведомств. Это обусловлено тем, что, во-первых, инновационное обновление технического состояния приводит к появлению новых средств и техники, которая позволяет улучшать результаты служебной деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений; во-вторых, перманентно развивающаяся научная деятельность в целом порождает познание неизведанного, что дает потенциал к построению новых концепций и теорий в юридических науках в целом и в оперативно-разыскной деятельности в частности для плодотворного обеспечения безопасности общества и государства.

Мы разделяем точку зрения А. Ю. Молянова, согласно которой «анализ практики использования различных технических средств в криминалистике, а затем их приспособление к нуждам ОРД показывает, что становление и развитие специального технического обеспечения ОРД ОВД органически связано с исторически сложившимися периодами становления и развития правоохранительной деятельности и использования при этом достижений науки и техники» [2].

На протяжении противостояния официальной государственной политики России криминальным проявлениям задействовались технические средства, законность использования которых ограничивалась лишь фантазиями лиц, обращавшихся для достижения «поставленных целей» к данным средствам и опыту их применения в зарубежных странах. Естественно, что методы и приемы ра-

ционального подхода к заимствованию и обобщению зарубежного опыта наблюдались и в отечественной криминалистике. Так, в 1882 г. один из известных криминалистов Ганс Гросс (Швейцария) обладал особым воображением, чем несколько отличался от своих коллег: А. Бертильона (Франция), У. Гершеля, Г. Фолдса, Ф. Гальтона, Э. Генри (Англия). Он считал, что нужно образовывать новые внутренние и научные естественно-технические основы оперативной и следственной работы. Располагая специфическими познаниями в области теоретического и прикладного естествознания, он приблизился к выводу о том, что вряд ли присутствует какое-либо техническое или естественно-научное достижение, которое воспрещалось бы использовать при раскрытии преступлений.

В 1902 г. один из выдающихся деятелей американской юстиции О. У. Хомс обращал внимание на появляющиеся научные новшества в области криминалистики. В частности, для определения принадлежности пуля тому или иному виду оружия он приглашал в качестве экспертов оружейников, «разбирающихся в микроскопе».

Позже, в 1919 г., в Люксембурге П. Мединже с помощью сравнительного микроскопа взялся за изучение следов на патронных гильзах. Самыми знаменитыми исследователями в этой сфере были бельгийский профессор военной школы подполковник Магле и доктор Г. де Реште, возглавлявший в 1920 г. бельгийскую школу криминологии и полицейской науки. Именно благодаря им полицейские учреждения по идентификации огнестрельного оружия приняли для своих исследований новое техническое средство — сравнительный микроскоп [3, с. 67].

Активизации деятельности отечественных криминалистов способствовали реформы, проведенные в Александром II во второй половине XIX в., особенно судебная. Противостояние российской государственной политики зарождавшимся антиимператорским настроениям, политическим движениям и радикальным направлениям, приведшим в конечном счете к мартовским событиям 1881 г. и Кровавому воскресенью, породили интерес к современному техническому оснащению сыскных подразделений России. В связи с этим по распоряжению Министра внутренних дел П. А. Столыпина в 1908 г. в России организовали специальные курсы по подготовке всех кандидатов на должность вновь учрежденных законом от 6 июля 1908 г. 89 сыскных отделений Российской империи. На этих курсах был сделан упор именно на практическую составляющую — применение достижений научно-технического прогресса, в том числе зарубежного опыта, в раскрытии и расследовании престу-

плений. Лекции читал руководитель 8-го делопроизводства Департамента полиции, осуществлявшего не только общий надзор и координацию действий сыскной полиции, но создание новых сыскных отделений и обеспечение их необходимой техникой, — В. И. Лебедев [4].

Обмен мнениями, познаниями и опытом в научно-технических достижениях по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений отечественных ученых и иностранных специалистов способствовал росту интереса к изучаемой проблеме. Так, в 1911 г. представители полиции Российской империи в Лозанне изучили курс лекций Р. Рейсса по криминалистике для сведущих лиц. Впоследствии на основе обмена опытом в 1912 г. вышла в свет «Научная техника расследования преступлений» С. Н. Трегубова, а уже в 1915 г. на ее основе — монография «Основы уголовной техники».

При исследовании истории использования технических средств в оперативно-разыскной деятельности нужно отметить, что на большие возможности приборов фотографирования и звукозаписывающих устройств первыми указали специализированные органы государств, принимавшие участие в Первой мировой войне. Так, Е. Б. Черняк в своем произведении «Пять столетий тайной войны: из истории секретной дипломатии и разведки» приводит исторические подтверждения тому, как русские разведчики, функционирующие на территории неприятельских государств, еще в начале XX в. свободно практиковали «скрытое фотографирование лиц, с которыми встречались в своем кабинете, и даже записывание беседы на фонограф» [5, с. 389].

При анализе периода после 1917 г. можно отметить, что с первых лет существования советской милиции сложная криминогенная обстановка в России понуждала сосредотачивать все более пристальное внимание на опыте борьбы с преступностью полиции буржуазных стран, хотя некоторые «революционеры» признавали такой опыт классово чуждым [6, с. 74—81].

Приказом НКВД РСФСР от 9 июля 1918 г. № 40 в деятельность рабоче-крестьянской милиции вводились уже апробированные в царских сыскных подразделениях зарубежные методы регистрации преступников: антропометрия, дактилоскопия, фотография и словесный портрет. Позже, в мае 1922 г., в центральном аппарате советской милиции был создан научно-технический отдел управления уголовного розыска, который должен был обеспечить систематическую и эффективную работу по совершенствованию научно-технических средств, используемых в процессе выявления и раскрытия

преступлений, а также их внедрения в практику работы оперативных служб.

Именно на основе полученного опыта использования технических средств в раскрытии преступлений подразделениями уголовного розыска были заложены основы советской криминалистической науки.

С 1923 по 1926 г. вышел в свет ряд ценных методических пособий и учебников: «Дактилоскопия как метод регистрации» В. Н. Семеновского, «Научные основания идентификации личности по пальцевым отпечаткам» Н. Е. Матвеева, «Практическое руководство к расследованию преступлений» А. А. Якимова, «Справочный подручный альбом для работников уголовного розыска и милиции при составлении словесного портрета» В. Л. Бокариуса, «Судебная фотография» Н. Н. Потапова.

К 1932 г. возникла разветвленная система научно-технических подразделений милиции, которые возглавлялись научно-техническим подотделом Центроулицы Главного управления рабоче-крестьянской милиции. Являясь ведущими центрами развития криминалистической науки, эти аппараты объединяли в своем составе лучших криминалистов того времени. Свою деятельность в них начинали профессора Н. Н. Потапов, А. А. Якимов, Л. М. Кубицкий. Здесь трудились такие выдающиеся ученые-криминалисты и судебные медики, как С. А. Попов, А. С. Татиев, Н. А. Матиашвили, В. Н. Семеновский, Д. Н. Сальков и др. Консультировали работу научно-технических аппаратов известные ученые страны: профессора В. Л. Бокариус, Русецкий, Д. А. Крюков, К. А. Степанов, П. А. Познышев, Е. С. Брюханский, А. Е. Верховский.

Сотрудники указанных подразделений не ограничивались производством экспертиз. Вместе с оперативными работниками они часто выезжали на осмотры мест преступлений. Наряду с судебными медиками они были единственными специалистами, которые привлекались к участию в этом важном следственном действии.

В 1934 г. в Германии общественности был продемонстрирован дебютный звукозаписывающий аппарат, получивший название «магнитофон». Одновременно в советской юридической литературе начались диспуты об использовании звукозаписывающих устройств в борьбе с преступностью. Следует согласиться с А. Е. Брусиловским и М. С. Строговичем, считавшими, что «...проблема протокола не так проста. Для изобличения преступника лучше стенограмма, а еще лучше фонограмма» [7, с. 134].

В дальнейшем советским конструктором В. Г. Викторским в местах лишения свободы для нужд НКВД СССР был сконструирован прибор, фиксирующий телефонные разговоры с помощью

их механической записи. Стоит отметить, что обширное распространение аудиофиксации телефонных разговоров в оперативной деятельности было начато только после окончания Второй мировой войны: это оказалось необходимым для подавления зачатков антисоветских акций как на территориях бывшего СССР, так и в странах Варшавского договора.

В условиях обширной территории СССР большое значение для оперативных подразделений советской милиции имело обеспечение быстрой проверки личности задержанных преступников. Перед криминалистами встала задача разработать методику идентификации личности на расстоянии. Такая методика была предложена в книге Е. Н. Комаринца «Дактилоскопическая идентификация на расстоянии», ставшей первой работой на эту тему не только в нашей стране, но и за рубежом.

В годы Великой Отечественной войны научно-технические подразделения милиции были, по сути, единственными в стране функционирующими криминалистическими учреждениями. Исследования, которые проводились ими в тот период, носили сугубо конкретный характер, обусловленный обстановкой. Разрабатывались методики определения подлинности паспортов и их защиты от подделок, исследовались деньги и облигации, анонимные рукописи и листовки, стреляные гильзы и пули. Значительное количество работ этого времени выходило в виде пособий, руководств, информации, подлежавших обязательному использованию. Это в существенной мере обеспечивало быстрое внедрение новейших научно-технических средств и методов в повседневную деятельность милиции.

В послевоенное время исследовательская работа научно-технических подразделений советской милиции поднялась на новый организационный уровень. В 1945 г. был создан Научно-исследовательский институт криминалистики Главного управления милиции МВД СССР. Он возглавил научную и методическую работу в органах МВД, стал руководить всей сетью научно-технических подразделений. Кроме создания оригинальных и эффективных экспертных методик по исследованию вещественных доказательств, институт занимался внедрением передовых методов криминалистики в оперативно-разыскную работу. Так, не только проводилась работа по осмотру трупов на местах преступлений, исследованию огнестрельных повреждений, идентификации оружия по боеприпасам, но и развивалась система вспомогательных учетов по дактилоскопическим отпечаткам, а также система пулегильзотек. Коллекции научно-технических отделов стали дополняться сле-

дами пальцев рук и стреляными боеприпасами, изъятыми на местах нераскрытых преступлений. Это во многих случаях способствовало установлению преступников.

В 1946 г. криминалисты А. И. Винберг и А. А. Эйман в научной литературе поставили вопрос о границах использования звукозаписи в уголовном процессе. Тем не менее с крайне малым распространением в то время звукозаписывающей аппаратуры данный метод регистрации информации не приобрел соответствующего применения.

На конец 1940-х — начало 1950-х гг. приходится первый период активизации работы по созданию и совершенствованию криминалистических средств и средств оперативно-разыскного назначения. Был модернизирован сравнительный микроскоп, созданный перед войной и вошедший в историю как первый отечественный криминалистический прибор (МИС-10), сконструирована универсальная репродукционная камера (УРУ-1), разработаны и внедрены в практику наборы научно-технических средств для осмотра мест преступлений: сумки и чемоданы с инструментами и материалами для поиска, фиксации и изъятия следов и иных вещественных доказательств.

Второй этап начался в 1960-е гг. В это время существенно увеличились денежные ассигнования на техническое оснащение органов внутренних дел. В центральном аппарате Министерства охраны общественного порядка РСФСР было создано Оперативно-техническое управление, чем было положено начало созданию системы специальных технических служб. Их роль в оперативно-разыскной деятельности милиции возрастала. Перед этими подразделениями была поставлена задача по развитию взаимодействия с другими службами и активизации участия в оперативной работе. Особое внимание было уделено вопросу о непосредственном участии сотрудников научно-технических подразделений советской милиции в оперативно-разыскных мероприятиях.

Научно-исследовательский институт криминалистики в составе научно-технического отдела Главного управления милиции НКВД СССР был преобразован в 1946 г. в Научно-исследовательский институт МВД СССР, что полностью отвечало потребностям практики. В настоящее время это Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. Новый институт развивал технико-криминалистические направления в науке, разрабатывал методику и тактику использования криминалистической техники в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел. По сути, это учреждение стало научно-методическим центром по разработке различных криминалис-

тических средств, предназначенных для совершенствования не только экспертной практики, но и всей оперативно-разыскной деятельности органов охраны общественного порядка. Так, наряду с криминалистической техникой, институт предложил и внедрил в практику специальные технические средства: химические вещества для ловушек, карты с краевой перфорацией для ведения вспомогательных учетов органов милиции, камеры для негласного фотографирования документов, магнитную кисточку для опыления следов пальцев рук и др.

В 1970-х гг. была решена проблема нормативного регулирования использования негласной фото- и киносъемки, аудиозаписи, специальных химических веществ (красящих, люминесцирующих и индикаторов). Через несколько лет начался процесс комплексного регулирования отношений, связанных с использованием оперативно-технических средств. В 1979 г. была разработана первая ведомственная Инструкция по применению технических средств в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел. Необходимо отметить, что в данный период происходило укрепление международных связей криминалистов научно-технических подразделений Советского Союза с коллегами из социалистических стран. В значительной мере этому способствовал криминалистический симпозиум, состоявшийся в 1962 г. в Берлине по случаю десятилетия Криминалистического института МВД ГДР. На научно-представительском мероприятии не только был осуществлен полезный обмен опытом, но и установлены личные связи криминалистов, а также намечены основные формы дальнейшего сотрудничества. Все это помогало развитию криминалистической техники и совершенствованию вариантов ее использования в оперативно-разыскной деятельности органов охраны общественного порядка. В дальнейшем технико-криминалистические симпозиумы прошли в Берлине и Варшаве (1964 г.), а затем в Волгограде (1965 г.) положили начало международным научно-представительским мероприятиям и по другим направлениям работы органов охраны общественного порядка, в том числе по проблемам рецидивной преступности (Прага, 1965 г.) и преступности несовершеннолетних (Будапешт, 1966 г.).

В 1965 г. научно-исследовательский институт милиции был реорганизован во Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны общественного порядка. На него была возложена задача наряду с проблемами криминалистики разрабатывать вопросы оперативно-разыскной и следственной работы органов охраны общественного поряд-

ка, перевоспитания правонарушителей и обеспечения безопасности дорожного движения.

В 1983 г. для формирования и эффективного обеспечения технической политики Министерства внутренних дел был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт специальной техники (ВНИИСТ МВД СССР), который в 1998 г. был реорганизован в научно-производственное объединение (НПО «Спецтехника и связь МВД России»). Таким образом, велась целенаправленная научно-производственная работа «по созданию, внедрению, модернизации технических средств и систем, функционально ориентированных именно на решение оперативно-служебных задач органов внутренних дел, специфических по различным параметрам и не реализуемых в средствах общего назначения» [8, с. 17.].

В начале 1990-х гг. начинается третий этап развития практики применения технических средств органами внутренних дел. 19 октября 1992 г. в структуре МВД СССР были созданы специализированные подразделения оперативно-технических мероприятий. Именно на них возлагалась первоочередная задача применения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (далее — СТС НПИ), в процессе оперативной работы. «Сотрудники ведомства получили в свое распоряжение крайне эффективный инструмент для документирования преступной деятельности, формирования и анализа доказательной базы. Проведение новых оперативно-технических мероприятий с использованием современных технологий позволило распутывать самые сложные преступные схемы» [9]. Кроме того, вопросы использования различных СТС НПИ стали находить отражение не только в закрытых ведомственных нормативных правовых источниках, содержащих государственную тайну, но и в законодательстве. Так, в соответствии со ст. 8 первого закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» проведение оперативно-разыскных мероприятий, затрагивающих охраняемые законом тайну переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища, допускалось только для сбора информации о лицах, подготавливающих или покушающихся на тяжкие преступления, совершающих либо совершивших тяжкие преступления, и только с позволения прокурора (по мотивированному постановлению одного из руководителей соответствующего органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность). Похожий порядок применялся также в случаях

уклонения от уплаты налогов либо сокрытия доходов от налогообложения в особо крупных размерах.

В связи со вступлением в силу Конституции Российской Федерации 1993 г. был принят новый Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где в основания и последовательность использования СТС НПИ вводились некоторые изменения. Так, в настоящее время оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие оберегаемые законом права граждан на тайну телефонных переговоров и иных сообщений, совершаются только на основании судебного решения. Это стало допустимым лишь для сбора информации о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, в отношении которого производство предварительного следствия обязательно, а также при наличии информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Новый порядок предусмотрел и отдельные редкие случаи. Например, в моменты, не терпящие отлагательства, в частности те, которые могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, при наличии данных о событиях, действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности, допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий с обязательным уведомлением суда в течение 24 ч. При этом в течение 48 ч с момента начала оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение.

Важно отметить и то, что вопросы правовой регламентации оборота и использования СТС НПИ нашли отражение и в других подзаконных нормативных правовых источниках России. Ими обусловлены перечень видов СТС НПИ, ввоз и вывоз которых подлежит лицензированию, порядок лицензирования деятельности физических и юридических лиц, связанной с их разработкой, производством, реализацией, приобретением и т. д.

Отдельную группу нормативных правовых источников, регламентирующих использование технических средств оперативно-розыскного назначения при раскрытии и расследовании преступлений, составляют приказы, инструкции и наставления, издаваемые МВД России и другими субъектами опе-

ративно-розыскной деятельности. В этих документах рассматриваются вопросы сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, а также организация и тактика их применения. Они содержат сведения, отнесенные к государственной тайне, поэтому доступ к ним ограничен.

С учетом обозначенной проблематики настоящей статьи необходимо отметить, что сегодня наблюдается тенденция к повышению технической оснащенности как отдельных лиц, причастных к преступной деятельности, так и организованных групп и преступных сообществ радиоэлектронной аппаратурой разведывательного назначения и использованию научно-технического прогресса при организации подготовки и совершении конкретных видов преступления. По этой причине следует подчеркнуть, что за нарушение правил производства, хранения, продажи и приобретения СТС НПИ ст. 20.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установлена не только административная ответственность.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) кроме ответственности за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан (ст. 138 УК РФ) Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ была введена отдельная норма — ст. 138.1. Ею отдельно предусмотрено наказание до четырех лет лишения свободы за незаконный оборот СПС НПИ.

Вопросы оборота СТС НПИ и принятия по ним решений правоохранными органами неоднократно становились предметом рассмотрения не только Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, но и Европейского Суда по правам человека.

Таким образом, оперативные подразделения органов внутренних дел России имеют длительную историю применения всевозможных технических средств в процессе расследования и раскрытия преступлений, розыска скрывающихся преступников. В то же время использование наиболее наукоемких технических средств «шпионского» предназначения многие годы находилось в ведении военных спецслужб. Только в начале 1990-х гг. пришло понимание, что организованная преступность — сильное и социально опасное явление, а значит, бороться с ним нужно всеми средствами и методами, которые используются против неприятельских армий и государств. По этой причине сегодня в арсенале технических средств особое место заняли СПС НТИ. Они доказали свою эффективность в борьбе с преступностью и исполь-

зуются для сокрытого документирования преступных действий или скрытого получения оперативно-разыскной и доказательственной информации,

т. е. действий, которые осуществить иным путем затруднительно либо нецелесообразно, а иногда и невозможно.

1. Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. СПб., 1909.
2. Молянов А. Ю. Ретроспективный анализ специального технического обеспечения оперативно-разыскной деятельности // Полицейская деятельность. 2017. № 1. С. 77—87.
3. Торвальд Ю. Век криминалистики / под ред. и со вступ. ст. Ф. М. Решетникова; пер. с нем. 3-е изд. М., 1991.
4. Чисников В. Н. К 140-летию со дня рождения видного деятеля уголовного сыска Российской империи В. И. Лебедева // Оперативник (сыщик). 2008. Вып. 2 (15). С. 37—38.
5. Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны: из истории секретной дипломатии и разведки. 4-е изд., доп. и перераб. М., 1985.
6. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999.
7. Брусиловский А. Е., Строгович М. С. Свидетельские показания в качестве судебных доказательств // Методика следственной работы. Киев, 1934.
8. Бондарь К. М. Полувековое развитие технического обеспечения органов полиции страны // 300 лет на страже закона и правопорядка: материалы всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. А. Андреева. Хабаровск, 2018.
9. 19 октября — 25 лет со дня образования БСТМ МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/11374675> (дата обращения: 12.01.2019).

© Австрийсков А. В., 2019

Австрийсков Алексей Викторович,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России;
8-919-980-16-17

1. Lebedev V. I. The Art of Solving Crimes. Saint-Petersburg; 1909.
2. Molyanov A. Y u. Retrospective Analysis of the Special Technical Support of the Operational Investigative Activity. Police Activity. 2017 1: 77—87.
3. Torvald Yu. The Age of Forensic Science. Edited and with opening chapter by F. M. Reshetnikov; translated from German. Moscow; 1991.
4. Chisnikov V. N. On the 140th Anniversary of the Birth of the Prominent Criminal Investigator of the Russian Empire V. I. Lebedev. Operativist (Detective). 2008; 2 (15): 37—38.
5. Chernyak E. B. Five Centuries of Secret War: from the History of Secret Diplomacy and Intelligence. Moscow; 1985.
6. Belkin R. S. History of Domestic Forensics. Moscow; 1999: 74—81.
7. Brusilovskiy A. E., Strogovich M. S. Witness Testimony as Forensic Evidence. Methods of Investigative Work. Kiev; 1934.
8. Bondar K. M. Half a Century Old Development of Technical Support of the Domestic Police. In: 300 years on the Guard of Law and Order: materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference. Edited by A. A. Andreev. Khabarovsk; 2018.
9. October 19 — 25 Years from the Date of Formation of the Bureau of Special Technical Measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Available from: <https://mvd.rf/news/item/11374675>. Accessed: 12 January 2019.

© Avstriyskov A. V., 2019

Avstriyskov Alexey Viktorovich,
senior lecturer at the department
of operative-search activity
and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
8-919-980-16-17

* * *

А. В. Артюхов

**ПРОБЛЕМЫ ВЕДОМСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье на основе анализа нормативных правовых актов рассмотрены проблемы оценки эффективности работы органов внутренних дел России. Особое внимание уделено роли подразделений уголовного розыска МВД России в формировании такого показателя, как выявление, раскрытие и расследование общеуголовных преступлений, являющегося базовым при определении эффективности работы органов внутренних дел. Изучение правоприменительной практики полиции в целом и подразделений уголовного розыска МВД России в частности позволило определить варианты дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования вопросов оценки эффективности работы районных территориальных органов внутренних дел. Это, в свою очередь, даст возможность не только поднять на качественно новый уровень работу, направленную на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств, но и повысить уровень доверия населения нашей страны полиции.

Ключевые слова: деятельность полиции, территориальные органы, ведомственная оценка деятельности, подразделения уголовного розыска, органы предварительного следствия.

A. V. Artukhov

**PROBLEMS OF THE DEPARTMENTAL ASSESSMENT OF THE PERFORMANCE RESULTS
OF THE CRIMINAL INVESTIGATION UNITS OF THE LOCAL INTERNAL AFFAIRS
AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

In the article, based on the analysis of the regulatory legal acts, the problems of assessment of effectiveness of the internal affairs agencies of Russia are considered. Special attention is paid to the role of the units of the Criminal Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the formation of such an indicator as detection, solving and investigation of ordinary crimes, which is basic in determining the effectiveness of the internal affairs agencies. The study of the law enforcement practice of the police in general and the units of the criminal investigation department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in particular, made it possible to identify options for further improving the regulatory framework for assessment of the effectiveness of regional local internal affairs agencies. This in turn will provide an opportunity not only to raise the work aimed at protecting the life, health, rights and liberties of an individual and citizen, property, ensuring the safety of society and the state from criminal offenses to a totally new level, but also to increase the level of people's trust in the police in our country.

Key words: police performance, local agencies, departmental assessment of performance, criminal investigation units, preliminary investigation agencies.

Развитие науки и техники, продолжающийся процесс реформирования системы МВД России среди прочего требуют постоянного комплексного изучения вопросов определения эффективности деятельности этого самостоятельного федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Для этого необходимо сформировать собственные показатели и критерии оценивания различных направлений работы, в том числе от-

дельно по структурным подразделениям территориальных органов внутренних дел на региональном и районном уровнях.

Термин «эффективность» происходит от латинского «*efficientia*», что означает «соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами». Сегодня это слово употребляется для определения оценочной характеристики результата какого-либо процесса, например функ-

ционирования, использования, управления, развития и т. д., отражения степени достижения поставленной цели или задач [1]. Американский специалист в области системного анализа Ст. Л. Оптнер в своих работах под эффективностью понимал «степень фактического достижения результата» [2, с. 56]. В Словаре современного русского литературного языка существительное «эффективность» трактуется как «свойство эффективного», в свою очередь, прилагательное «эффективный» имеет дефиницию «приводящий к нужным результатам» [3, с. 1061]. В приведенных определениях четко просматриваются следующие элементы понятия «эффективность»: конечный результат каких-либо действий, цель, показатель степени фактического достижения результата. Объединяя обозначенные выше варианты толкования, и учитывая проблематику настоящей статьи, предлагаем понимать под эффективностью *количественно-качественные характеристики конечных результатов деятельности, необходимые для достижения целей функционирования системы.*

Исторически вопрос оценки эффективности деятельности органов внутренних дел всегда был в поле зрения как руководства соответствующего министерства и общества в целом, так и представителей научного мира. Решался он по-разному. Так, в 20-е гг. XX в. в Москве, Новгороде, Омске и ряде других крупных городов страны практиковались «общественные смотры» милиции: с 1923 по 1925 гг. с участием профсоюзных и общественных организаций проводились месячные смотры, о результатах которых население оповещалось специальными обращениями губкомов партии. Лучшие подразделения награждались переходящим Красным знаменем и отмечались приказами Наркомата внутренних дел СССР. Кроме того, в 1924—1925 гг. была предпринята попытка дифференцированного подхода к оценке состояния борьбы с преступностью на основе тщательного анализа совершенных и раскрытых преступлений. Подобные мероприятия проводились вплоть до 40-х гг. XX в.

Начавшаяся Великая Отечественная война надолго прервала развитие научной мысли в области разработки оценочных систем. Интерес к этому вопросу возник лишь в конце 1950-х гг., в результате чего в 1956 г. в МВД СССР был разработан отдельный приказ, определяющий оценочные критерии для негласной оперативной работы ведомства. Однако даже такое начинание не получило дальнейшего развития.

Лишь после распада СССР и образования Российской Федерации в области оценки эффективности деятельности органов внутренних дел появи-

лись самостоятельные нормативные правовые акты, не содержащие сведений, отнесенных к государственной или служебной тайне, доступ к которым был открыт любому человеку: приказы МВД России «О введении в действие системы оценки деятельности ОВД, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования» от 23 ноября 2002 г. № 1150; «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования» от 19 января 2010 г. № 25; «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» от 29 июня 2011 г. № 735; «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД Российской Федерации» от 31 декабря 2013 г. № 1040 (далее — приказ МВД России № 1040).

Не ставя в рамках данной статьи задачи рассмотреть все положения ныне действующего приказа МВД России № 1040, считаем необходимым отметить, что расчет комплексной, ведомственной (статистической и экспертной), вневедомственной оценок среди прочего производится по критериям, отражающим конечный результат деятельности территориального органа МВД России по различным направлениям. При этом основным из них выступает «выявление, раскрытие и расследование общеуголовных преступлений, отнесенных к компетенции уголовного розыска, а также розыск лиц». Именно на основе комплексной оценки деятельности территориальных органов МВД России и расчетов условий их функционирования Организационно-аналитический департамент МВД России формирует предложения по конкретным управленческим решениям в отношении территориального органа МВД России:

- проведение проверки деятельности;
- заслушивание руководителя (начальника) территориального органа МВД России при Министре внутренних дел Российской Федерации, его заместителях;
- назначение внеочередной аттестации руководителя (начальника) территориального органа МВД России;
- оказание практической помощи со стороны подразделений МВД России;
- изучение и распространение положительного опыта;
- поощрение руководителя (начальника) территориального органа МВД России.

Важно также отметить, что в соответствии с п. 7 приложения № 1 к приказу МВД России № 1040

территориальные органы МВД России разрабатывают собственные системы показателей оценки деятельности территориальных органов МВД России на районном уровне при сохранении основных подходов, предусмотренных настоящим приказом [4]. При этом в зависимости от особенностей оперативной обстановки, складывающейся на территории обслуживания конкретного органа внутренних дел, перечень показателей может быть изменен.

Не является исключением и ГУ МВД России по Волгоградской области, где действует свой приказ «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России на районном уровне Волгоградской области» от 28 февраля 2014 г. № 230 (далее — приказ ГУ МВД России по Волгоградской области № 230), который фактически дублирует систему показателей оценки деятельности, установленную приказом МВД России № 1040.

В соответствии с п. 5.2.1 приказа МВД России № 1040 показатели ведомственной оценки результатов деятельности территориальных органов внутренних дел формируются на основе экспертных оценок, выставленных по направлениям деятельности каждого подразделения, в том числе уголовного розыска, на уровне не только всей системы МВД России — Главного управления уголовного розыска, но и отдельных регионов или территориальных органов внутренних дел — управлений уголовного розыска [4]. Данные подразделения, учитывая специфику своей деятельности, а также требования приказа МВД России «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» от 3 февраля 2012 г. № 77 (далее — приказ МВД России № 77), распоряжения МВД России «О системе изучения и оценки деятельности подразделений уголовного розыска территориальных органов МВД России на региональном уровне» от 6 ноября 2015 г. № 1/9078, приказа МВД России № 1040, выпускают собственные приказы об оценке деятельности. Руководствуясь этим, Управление уголовного розыска по Волгоградской области разработало и утвердило приказ ГУ МВД России по Волгоградской области «Вопросы оценки деятельности подразделений уголовного розыска территориальных органов МВД России на районном уровне Волгоградской области» от 23 марта 2017 г. № 276 (далее — приказ ГУ МВД России по Волгоградской области № 276). Несмотря на многообразие функций и направлений работы органов внутренних дел, основной вывод об эффективности их деятельности базируется на двух-трех укрупненных показателях, формируемых именно подразделениями уголовного розыска.

Однако в соответствии с приложением № 2 к приказу ГУ МВД России по Волгоградской области № 276 в ходе инспекторских, контрольных и целевых проверок осуществляется мониторинг работы управлений, межмуниципальных отделов, отделов, отделений по линии уголовного розыска еще и по показателям, не имеющим отношения к общей оценке деятельности территориального органа внутренних дел на районном уровне, установленной приказом МВД России № 1040, приказом ГУ МВД России по Волгоградской области № 230.

Таким образом, анализ нормативных правовых актов, регулирующих вопросы оценки деятельности МВД России и его структурных подразделений, позволяет выделить не только положительные подходы и направления в подведении итогов деятельности всей полиции и ее структурных подразделений, но и проблемы, требующие ведомственного регулирования:

1. Отсутствует согласованность между показателями, характеризующими деятельность различных служб.

Нередко такая раскоординированность влечет за собой возможность конфликта при определении доли участия различных служб в выполнении тех или иных функций. Из отчетности, например, невозможно установить вклад каждого подразделения органа внутренних дел в раскрытие или предупреждение преступления, что дает повод к произвольной трактовке показателей и оспариванию результатов комплексной оценки по конкретному направлению деятельности. Названный пробел порождает и различие интересов служб. Так, основной критерий эффективности деятельности уголовного розыска — раскрываемость преступлений — не обеспечен наличием аналогичного показателя в работе следственных подразделений, у которых упор сделан на несколько других параметрах. Для обеспечения совершенствования системы ведомственного контроля за деятельностью органов предварительного следствия территориальных органов МВД России в соответствии с приказом МВД России № 77 Следственным департаментом МВД России разработано и утверждено распоряжение МВД России «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России» от 20 июня 2012 г. № 1/5072 [5, с. 27—32]; [6, с. 33—35], закрепляющее методику и показатели ведомственной оценки органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, а также методику организации и проведения проверок направлений деятельности органов

предварительного следствия территориальных органов МВД России. К основным показателям их работы относятся: качество, сроки расследования уголовных дел и направления их в суд, обеспечение законности при производстве предварительного следствия по уголовным делам, возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, и др. В результате между подразделениями существует скрытый конфликт интересов, выражающийся в том, что сотрудники уголовного розыска по фактически раскрытым преступлениям настаивают на форсировании предъявления обвинения, задержании подозреваемого в порядке ст. 91, 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) (поскольку именно в этом случае преступление засчитывается как раскрытое в статистической отчетности), тогда как следователи во избежание «брака в работе» не склонны проявлять такую поспешность.

2. Не в полной мере отработан механизм расчета нагрузки на личный состав подразделений с разной площадью обслуживаемой территории, ее населенностью, активностью жителей и интенсивностью происшествий.

Так, если в одном органе внутренних дел с большой нагрузкой показатель раскрываемости ниже, чем в органе внутренних дел с меньшей нагрузкой, это еще не означает, что первый работает хуже. Для объективной оценки данный показатель необходимо сравнивать со средним показателем по группе органов внутренних дел, работающих в однородных условиях. Ведь часто оказывается, что, хотя показатели деятельности органа внутренних дел с большой нагрузкой и ниже соответствующих показателей деятельности органа внутренних дел с малой нагрузкой, работа первого с учетом среднегрупповых показателей будет оценена выше, чем второго.

3. Выполненная работа при одинаковом показателе раскрываемости имеет различный объем.

Дело в том, что штатная численность сотрудников территориальных органов внутренних дел на районном уровне может различаться. Отсюда возникают неравнозначные нагрузка и фактический объем выполняемой работы. Тем не менее к различным органам с одинаковым числом зарегистрированных преступлений, но различной численностью сотрудников, как правило, предъявляются абсолютно равные требования. Так, действующая оценка деятельности территориальных органов внутренних дел, представленная в приказе МВД России № 1040, предусматривает расчет показателей исходя из штатной численности территориального органа, при этом не учитывается количество сотрудников уголовного розыска, ра-

ботающих в данном подразделении. В качестве примера можно привести оценку такого направления деятельности территориального органа внутренних дел, как «розыск лиц». Статистический показатель эффективности деятельности конкретного территориального органа внутренних дел рассчитывается по числу неразысканных преступников, а также неустановленных без вести пропавших граждан и не идентифицированных по неопознанным трупам лиц в расчете на 100 единиц штатной численности подразделений полиции. При этом не учитываются штатная численность сотрудников уголовного розыска и доля разысканных и идентифицированных лиц в отчетном периоде (п. 4.1 приложения № 5 к приказу МВД России № 1040).

4. Превалирует «валовой» критерий раскрываемости.

Особенностью существующей практики оценки деятельности органов внутренних дел является то, что, несмотря на многообразие их функций и видов работы, вывод об эффективности делается главным образом на основе расчета оценочных показателей в баллах от 0 до 100. В зависимости от полученных результатов территориальные органы внутренних дел делятся на три категории, имеющие «высокий», «средний» или «низкий» уровень напряженности оперативной обстановки. Вместе с тем необходимо признать, что существующий механизм исчисления показателей дает возможность искусственно манипулировать статистическими данными. Например, отрицательные показатели, предусмотренные приказом МВД России № 1040 и приказом ГУ МВД России по Волгоградской области № 230, во многом могут быть уравнены с обобщающими показателями по «валу». В данном случае мы имеем в виду факты, когда руководители органов внутренних дел, не достигших высоких результатов в раскрытии наиболее опасных неочевидных преступлений, получают положительную оценку за счет направления усилий личного состава всего территориального органа на повышение общей регистрации преступлений, за счет возбуждения уголовных дел из числа материалов, возвращенных прокурором на дополнительную проверку (п. 1.8 приложения № 5 к приказу МВД России № 1040). С одной стороны, эта работа позволяет избежать укрывательства преступлений путем необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел. С другой — в угоду общей регистрации преступлений возбуждаются уголовные дела по материалам, где отсутствует состав преступления, а имеют место гражданско-правовые отношения. Таким образом, руководителям территориальных органов внутренних дел выгодно повышать общую регистрацию преступлений и не

обращать внимания на их раскрываемость, за которую отвечают руководители подразделений уголовного розыска. Помимо этого территориальный орган внутренних дел, где находятся уголовные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям против личности, впервые приостановленные по пп. 1—3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, имеет отрицательный показатель (п. 1.3 приложения № 5 к приказу МВД России № 1040), тогда как продление сроков расследования преступлений в рамках этих уголовных дел или их перенос на другой отчетный период позволяют сделать данный показатель положительным. Еще одним способом манипулирования валовым критерием раскрываемости является увеличение эпизодности или ее сокращение путем объединения различных неочевидных преступлений, похожих по способу совершения, в одно длящееся в зависимости от наличия либо отсутствия лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. Исходя из этого оценка по «валу», на наш взгляд, опасна не только потому, что она дезориентирует руководство Министерства внутренних дел Российской Федерации в вопросе фактической эффективности деятельности оцениваемых подразделений, но и ослабляет сотрудников, прежде всего уголовного розыска, призванных заниматься выявлением, предупреждением и раскрытием наиболее опасных преступлений, разоблачением лиц, их совершивших.

5. Вневедомственная оценка деятельности, основанная на использовании социологической и иной информации, отражает мнение населения о дея-

тельности всего территориального органа МВД России в целом.

Вневедомственная оценка эффективности деятельности подразделений уголовного розыска законодательно не предусмотрена. Этот пробел нуждается в устранении, в связи с чем предлагаем включить в приложение № 2 приказа МВД России № 1040 пункт «Оценка подразделений уголовного розыска по материалам, размещенным в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ (доля негативных информационных поводов (событий), касающихся деятельности подразделений уголовного розыска и нашедших отражение в средствах массовой информации)». Он позволит осуществлять постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности подразделений уголовного розыска, а также взаимодействия подразделений уголовного розыска с институтами гражданского общества, как этого требует п. 5 ст. 9 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

Таким образом, решение обозначенных нами проблем позволит не только поднять на качественно новый уровень работу подразделений уголовного розыска и территориальных органов МВД России, направленную на достижение общей единой цели — защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств, но и повысить престиж службы в полиции, а также уровень доверия населения этому федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел.

1. WordHelp.ru. URL: <https://wordhelp.ru/word/эффективность> (дата обращения: 05.01.2019).

2. Оптнер Ст. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М.: Сов. радио, 1969. 215 с.

3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. Л. С. Ковтун, В. П. Петушкова. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 17. 1068 с.

4. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499078939> (дата обращения: 10.01.2019).

5. Крылов И. С. Оценка результатов деятельности предварительного расследования в МВД России // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3. С. 27—32.

1. WordHelp.ru. Available from: <https://wordhelp.ru/word/efficiency>. Accessed: 5 January 2019.

2. Optner St. L. Systems Analysis for Solving Business and Industrial Problems. Moscow: Sovetskoe radio; 1969.

3. Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 volumes/ Edited by L. S. Kovtun, V. P. Petushkova. Moscow; Leningrad : Nauka; 1965.

4. Issues of Evaluation of the Activities of the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1040 of 31 December 2013. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/499078939>. Accessed: 1 January 2019.

5. Krylov I. S. Evaluation of the Results of the Preliminary Investigation at the Ministry of Internal Affairs of Russia. Criminal proceedings. 2017; 3: 27—32.

6. Корнеева М. П. Проблемы оценки деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России на региональном уровне, взаимодействия со СМИ // Российский следователь. 2013. № 21. С. 33—35.

© Артюхов А. В., 2019

Артюхов Александр Витальевич,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России;
8-903-376-82-79

6. Korneeva M. P. Problems of Evaluation of the Activities of Preliminary Investigation Bodies in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the Regional Level, Interaction with the Media. Russian investigator. 2013; 21: 33—35.

© Artukhov A. V., 2019

Artukhov Aleksander Vitalevich,
senior lecturer at the department
of operative-search activity
and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
8-903-376-82-79

* * *

С. Ю. Бирюков

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ:
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ**

В статье рассмотрены вопросы организации деятельности следователя как субъекта расследования и должностного лица органов внутренних дел, руководителя следственно-оперативной группы на месте происшествия. Освещены некоторые принципы научной организации его труда в контексте работы на месте происшествия. Рассмотрен алгоритм действий следователя по организации и установлению необходимой процессуальной и криминалистически значимой информации в целях принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела и лиц, причастных к совершению преступления. На основе анализа следственной практики показаны типичные ошибки начинающих следователей в их работе на месте происшествия, в частности, в организации работы членов следственно-оперативной группы. Кроме того, раскрыты некоторые аспекты использования дополнительных средств фиксации в ходе производства осмотра места происшествия, с учетом их возможностей и тактики применения.

Ключевые слова: следователь, доследственная проверка, деятельность по проверке заявления о преступлении, осмотр места происшествия.

S. Yu. Birukov

**INVESTIGATOR' ACTIONS AT CRIME SCENE:
PROCEDURAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS**

The article reviews organizational aspects of investigator's actions, as a subject of investigation and as of official of interior bodies, head of crime scene investigation team. Shown are certain principles of investigator's work scientific organization at the crime scene. Reviewed is algorithm of investigator's actions to organize and identify required procedural and important criminological information to identify the pretext and sufficiency of foundation for taking a legal and justified decision on initiating a criminal case, as well as establishing persons, implicated in the crime "in hot pursuit". Exposed on the basis of investigation practice analysis are certain typical errors of beginner investigators in their work at crime scene, in particular regarding work organization of scene investigation team members. Explained also are some aspects of using additional photo/video methods when inspecting a crime scene with due account for possibilities and tactics of their application.

Key words: investigator, pre-investigation check, verification of crime incident report, crime scene investigation.

Следователь — должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу [1].

В соответствии с локальными нормативными правовыми актами МВД России следователь является руководителем следственно-оперативной группы (далее — СОГ) и несет персональную ответственность за организацию, качество и результаты ее работы [2, с. 19].

Степень правильности любых управленческих решений во многом зависит от информированности о конкретном факте субъекта управления [3, с. 143]. Это в полной мере относится и к деятельности следователя на месте происшествия, поэтому,

чтобы работа членов СОГ была эффективной, следователь обязан получить всю возможную информацию о совершенном преступлении и только на основе ее анализа осуществлять управление СОГ, давать поручения о проведении той или иной работы ее членам.

Для грамотной организации работы СОГ следователь должен хорошо знать «специализацию» или, другими словами, функциональные обязанности должностных лиц различных подразделений органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений, которые регламентируются соответствующими ведомственными нормативными правовыми актами [4, с. 8]. Незнание следо-

вателем данного аспекта может привести к нерациональному или неэффективному использованию сил и средств СОГ. Например, поручить оперативному сотруднику уголовного розыска охрану места происшествия, а участковому уполномоченному полиции доставить в организацию здравоохранения водителя для медицинского освидетельствования на выявление состояния опьянения.

Информацию о преступлении следователь получает, как правило, от оперативного дежурного по территориальному органу полиции (данные заявителя, обстоятельства происшествия, принятые самим дежурным меры, кроме того, в зависимости от вида совершенного преступления у оперативного дежурного подлежит выяснению информация о пострадавших, факте и характере оказанной им медицинской помощи, направлении их в медицинский стационар или нахождении на месте происшествия, мерах, принятых к охране места происшествия). После этого следователь анализирует сведения для определения круга лиц, подлежащих привлечению к работе по проверке данного сообщения, в том числе к участию в осмотре места происшествия. Несмотря на то что состав дежурной СОГ установлен графиком (или приказом), утвержденным начальником территориального отдела полиции, по требованию следователя к работе на месте происшествия могут быть привлечены и другие должностные лица ОВД, специалисты. Последние информируются о характере совершенного преступления и предупреждаются об обязательном наличии при них специального технико-криминалистического оборудования и материалов (помимо стандартных технико-криминалистических средств, находящихся в распоряжении следователя и специалиста-криминалиста). Проверяется наличие и исправность необходимых технико-криминалистических средств (для фото-, видеосъемки, освещения, обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки следов и др.).

На месте происшествия следователь с другими участниками СОГ заслушивает доклад сотрудников полиции, прибывших раньше по заданию оперативного дежурного, после чего беседует с заявителем, очевидцами. Выясняется, что и когда произошло, имело ли место изменение первоначальной обстановки на месте происшествия, если да, то в чем оно выразилось, причины изменения обстановки, кем они произведены, какая информация имеется о преступнике и его местонахождении (при наличии сведений об этом принимаются срочные меры к его задержанию) и т. д. В случае необходимости следователь и иные участники СОГ задают уточняющие вопросы заявителю,

очевидцам. Это способствует, во-первых, более полному выяснению ими обстоятельств совершенного преступления и качественному исполнению поручений следователя, во-вторых, профессиональному «росту» самого следователя — руководителя СОГ, поскольку задаваемые уточняющие вопросы сотрудника оперативного подразделения, специалиста-криминалиста и т. д. связаны с кругом решаемых ими «узких» задач, определяемых их «специализацией» [5, с. 96].

После бесед с заявителем, очевидцами участникам СОГ целесообразно ознакомиться с обстановкой на месте происшествия. Ее визуальное изучение дополняет уже полученную ими информацию о преступлении. Уяснение участниками СОГ всех обстоятельств совершенного преступления — залог качественного исполнения поручений, данных им руководителем.

Итак, получив полное на данный момент представление о совершенном преступлении, следователь определяет задачи и порядок действий каждого участника СОГ по проверке и установлению обстоятельств совершенного преступления, а также раскрытия преступления по «горячим следам». Здесь следователю важно стараться учитывать принцип равномерности распределения обязанностей и объема поставленных задач между участниками СОГ [6, с. 31]. Понятно, что «специальные» задачи ставятся перед сотрудниками соответствующих подразделений ОВД — членами СОГ, однако существуют и такие задачи, выполнение которых не требует узкой специальной подготовки: получение и оформление заявления о преступлении, объяснений и т. п. Это целесообразно поручить (или оставить следователю за собой) тому члену СОГ, перед кем поставлено меньше задач или кто потратит на их выполнение минимум времени. В любом случае необходимо стремиться к равномерному распределению обязанностей, что не должно сказываться на качестве выполняемой работы.

Далее следователь приступает к осмотру места происшествия. Однако перед этим ему нужно решить несколько организационных вопросов: определить границы осмотра (границы осмотра на стадии общего осмотра в дальнейшем могут быть скорректированы), порядок его проведения, место начала производства осмотра (как правило, это место проникновения преступника на либо начала его движения); распределить место осмотра на отдельные «сектора» и установить последовательность их изучения [7, с. 117]. Затем определить участников осмотра (не путать с членами СОГ!) и обеспечить их присутствие на месте про-

исшествия, удалить лиц, не являющихся участниками следственного действия.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации участие понятых в рассматриваемом следственном действии не обязательно. Лицо, производящее расследование, должно использовать технические средства для фиксации хода, содержания и результатов данного следственного действия [1]. Так или иначе, пригласить для участия в осмотре места происшествия понятых или использовать технические средства фиксации — исключительная прерогатива следователя, причем если в классическом варианте фотосъемка или видеозапись использовались для изготовления иллюстративного материала, повышающего наглядность результатов осмотра места происшествия, а прилагаемые к протоколу фототаблицы носили второстепенный характер, то теперь они нужны для фиксации хода и результатов осмотра и наряду с протоколом играют важную роль. Однако следователю необходимо учесть, что в настоящее время судебно-следственная практика знает применительно к указанному следственному действию два вида технической фиксации: фото- и видеофиксацию — у которых есть свои достоинства и недостатки. Преимущества фотофиксации состоят в простоте ее применения, объективности запечатляемой действительности. Недостатки — в невозможности отражения «динамики», хода следственного действия, а это нужно при производстве многих следственных действий. Видеофиксация же позволяет запечатлеть ход, содержание и результаты следственного действия (например, факт изъятия каких-либо предметов материального мира [8, с. 153]) и, соответственно, получить больший объем процессуальной и непроцессуальной информации. Однако при применении видеофиксации необходимо помнить о том, что она может запечатлеть не только признательные показания подозреваемого в ходе допроса, факт обнаружения и изъятия следов преступника, но и возможные непреднамеренные нарушения закона со стороны участников следственного действия. В таком случае данное доказательство будет признано недопустимым. Кроме того, наличие включенной видеокамеры заставляет даже опытного следователя испытывать эмоциональное напряжение, что может негативно сказаться на результатах проводимого следственного действия. Вместе с тем применение видеозаписи при производстве осмотра места происшествия, как и любого следственного действия, однозначно способствует полноте и объективности фактов, хода, содержания и результатов следственного действия. Здесь

нужно принимать во внимание и степень вероятности назначения в дальнейшем судебной ситуационной экспертизы, где данные видеозаписи будут иметь большое значение, поэтому с учетом широкого спектра решаемых при видеофиксации задач ее применение при производстве осмотра места происшествия, как и другого следственного действия, требует серьезной и тщательной подготовки —

Участие понятых при производстве осмотра места происшествия нивелирует многие проблемы, возникающие перед следователем. В соответствии со сложившейся практикой понятых для проведения осмотра места происшествия обеспечивает участковый уполномоченный полиции, а в его отсутствие сотрудник оперативного подразделения. Прежде чем допускать лиц к участию в осмотре места происшествия в качестве понятых следователь должен удостовериться в их личности, а также в том, что они соответствуют предъявляемым к ним законом требованиям: совершеннолетние, не заинтересованы в результатах расследования, не являются участниками уголовного судопроизводства, их близкими или родственниками, сотрудниками органов исполнительной власти, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования [1].

Традиционно в осмотре места происшествия участвует специалист-криминалист, который оказывает следователю содействие в обнаружении следов преступления (в широком смысле слова), их фиксации, изъятии и упаковке. Помощь специалиста-криминалиста необходима и в отборе образцов для сравнительного исследования, контрольных образцов, а также в решении вопросов, требующих специальных знаний: в частности, он помогает следователю правильно отразить в протоколе следственного действия полученную криминалистически значимую информацию, данные о применении технико-криминалистических средств и методов. Решение следователя о привлечении к участию в осмотре места происшествия иных участников, в том числе специалистов, должно диктоваться фактическими обстоятельствами расследуемого события, обстановкой на месте происшествия и учитывать мнение специалиста-криминалиста.

Вопрос об участии в осмотре места происшествия представителей администрации юридического лица, собственников жилища, где произошло преступление, или лиц, проживающих в нем, а также материально-ответственных лиц, потерпевших и т. д. решается следователем в каждом конкретном случае. Уголовно-процессуальное законода-

тельство Российской Федерации прямо не обязывает следователя обеспечить участие указанных лиц в осмотре места происшествия (жилища). В соответствии с п. 5 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации он правомочен включить в круг участников конкретного следственного действия, включая осмотр места происшествия, различных лиц — участников уголовного судопроизводства. Однако такой выбор должен быть обоснованным: важно четко понимать, для чего привлечен тот или иной участник уголовного судопроизводства. Здесь представляется целесообразным высказать собственную точку зрения на вопрос участия в осмотре места происшествия представителей администрации предприятия или учреждения, собственников жилища, где произошло преступление, или лиц, проживающих в нем, материально-ответственных лиц; потерпевших. Указанное следственное действие часто проводится в момент процессуальной проверки. Одна из ее целей — проверка сообщения о преступлении, которое может быть сфальсифицировано заинтересованными лицами, в том числе и названными выше. Их участие в следственном действии обеспечит их информацией о его результатах, что может сказаться на законности и обоснованности принимаемых решений (например, о возбуждении уголовного дела или, наоборот, об отказе в возбуждении уголовного дела) и (или) затруднить ход дальнейшего расследования. В то же время эти лица должны находиться рядом, так как в ходе проведения осмотра у следователя или специалиста может возникнуть необходимость в уточнении каких-то обстоятельств совершенного преступления (где и какие следы они могли оставить), исследовании подошвы их обуви, узоров папиллярных линий пальцев рук и т. п.

После того как все организационные вопросы, связанные с производством осмотра места происшествия, решены, следователь приступает непосредственно к производству, соблюдая процедуру, установленную уголовно-процессуальным законодательством [1].

На основе анализа положений уголовно-процессуального законодательства, криминалистической тактики и следственной практики выработан алгоритм действий следователя

- представиться самому и объявить о начале следственного действия;
- озвучить дату и время начала производства следственного действия;
- попросить представиться участников следственного действия;
- разъяснить права, обязанности и ответственность участникам следственного действия

и удостовериться в их уяснении каждым из участников;

— разъяснить порядок проведения следственного действия, предупредить о недопустимости изменять обстановку места осмотра, перемещаться по территории, где проводится осмотр, вне разрешенных «коридоров», прикасаться к чему бы то ни было, садиться и т. п., удостовериться в его уяснении каждым из участников осмотра;

— объявить о применении (неприменении) технических средств (каких и кем).

После выполнения указанных действий следователь приступает непосредственно к осмотру места происшествия. Здесь представляется целесообразным обратиться к теоретическим положениям криминалистической тактики осмотра места происшествия. В криминалистической литературе выделяют субъективный и объективный методы проведения данного следственного действия. Первый состоит в осмотре субъектом расследования лишь участков территории, где наиболее вероятно обнаружение следов, и объектов, находящихся на предполагаемом пути движения преступника, с которыми он мог контактировать. Так, если мы видим шкатулку на полке, покрытой пылью, то искать следы пальцев рук преступника здесь не имеет смысла. Другое дело, если рядом со шкатулкой имеется след отслоения пыли: этот признак указывает на факт контакта преступника с данной шкатулкой, а значит, на наличие возможных его следов на ней. Объективный метод состоит в том, что место происшествия осматривается полностью, т. е. проводится сплошной осмотр. В таком случае его целесообразно производить концентрическим (от периферии к центру, центром может быть какой-либо важный объект, например, место хищения ценностей), эксцентрическим (от центра к периферии), фронтальным (от границы к границе, по отдельным полосам «движения») или комбинированным способом (сочетание указанных выше способов). Выбор конкретного метода и способа производства данного следственного действия во многом зависит от окружающей обстановки, в том числе от характера местности, времени года, климатических условий, следственной ситуации.

Итак, непосредственный осмотр подразделяется на две стадии: общий и детальный.

В ходе общего осмотра следователь:

— изучает и фиксирует обстановку места происшествия, внешний вид и взаимное расположение следов и объектов. При общем осмотре нужно соблюдать осторожность, чтобы не внести изменений в обстановку, не уничтожить имеющиеся следы и не оставить свои (на этой стадии осмотра

(статическая стадия) категорически запрещается изменять обстановку места происшествия);

— дает распоряжение специалисту-криминалисту о производстве ориентирующей, обзорной, узловой и детальной фотосъемки или производит ее самостоятельно (в отсутствие специалиста).

— определяет участки, где могут быть сконцентрированы следы и вещественные доказательства;

— с участием специалиста-криминалиста выделяет из множества следов и объектов те, которые имеют отношение к расследуемому событию;

— составляет необходимые чертежи, планы и схемы.

В ходе детального осмотра следователь (здесь необходимо действовать таким образом, чтобы не повредить имеющиеся следы и не оставить свои):

— с участием специалиста-криминалиста последовательно и всесторонне изучает детали обстановки места происшествия, а также каждый обнаруженный предмет и след в отдельности (при необходимости производится дополнительная детальная съемка);

— измеряет следы и объекты (их длину, ширину, глубину, высоту), которые осматривались на месте происшествия;

— определяет следы и объекты, которые должны быть изъяты.

По окончании следственного действия оформляется протокол осмотра места происшествия.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.01.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Ткачева Н. В., Зимин М. А. Процессуальный статус и процессуальная самостоятельность следователя // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 3. С. 19—22.

3. Можяева И. П. Задачи научной организации деятельности следователя // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 143—148.

4. Багмет А. М. Следователь — судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2014. № 14. С. 337—339.

5. Можяева И. П. Формирование криминалистического учения об организации расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Серия «Государство и право. Юридические науки». 2016. № 3. С. 96—104.

6. Теоретические аспекты учебной дисциплины «Предварительное следствие в органах внутренних дел»: учеб. пособие / С. Ю. Бирюков [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2016.

7. Бирюков С. Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.

8. Стешенко Ю. С. О некоторых правилах применения видеосъемки в ходе осмотра места происшествия // Научный фундамент практической деятельности по расследованию преступлений: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 6 апреля 2017 г.): Самара: Офорт, 2017.

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18 December 2001 (edition of 08.01.2019). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Tkacheva N. V., Zimin M. A. Procedural status and procedural independence of investigator. Bulletin of the South Ural Law University Series «Law». 2017;17; 3: 19—22.

3. Mozhaeva I. P. Tasks of scientific organization of investigator's activities. Bulletin of the Moscow University of Russia Interior. 2012; 5: 143—148.

4. Bagmet A. M. Investigator is a judge at pre-trial stage. Russian investigator. 2014; 14: 337—339.

5. Mozhaeva I. P. Forming criminological principles of crime investigation. Bulletin of the Tula State University. Economic and juridical sciences. Series «State and law. Juridical sciences. 2016; 3: 96—104.

6. Biryukov S. Yu, Steshenko Yu. S., Gorkina E. V. (et al). Theoretical aspects of discipline «Preliminary investigation in Interior bodies». Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2016.

7. Biryukov S. Yu. Specific features of investigating illegal migration. Volgograd; 2008.

8. Steshenko Yu. S. On several rules regarding the use of video recording when examining a crime scene. In: Scientific fundamentals of practical activities on crime investigation collection of articles of the International scientific & practical conference, 6 April 2017, Samara, Russia. Samara: Ofort; 2017.

Бирюков Святослав Юрьевич,
начальник кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: bir.slav@yandex.ru

Birukov Svyatoslav Yurevich,
head of the department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Bir.slav@yandex.ru

* * *

Е. П. Евстифеева

**ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 171.2
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Выявление предполагает установление фактов совершения прежде всего латентных преступлений. Незаконная организация и проведение азартных игр относятся к преступлениям, информация о которых крайне редко поступает в правоохранительные органы по официальным каналам. В настоящее время организаторами незаконной игровой деятельности применяется комплекс маскировочных мер, преступная деятельность совершается хорошо законспирированными организованными группами. При этом отсутствуют эффективные методические рекомендации по выявлению и раскрытию преступлений данной категории. В результате сотрудники оперативных и следственных подразделений сталкиваются с множеством проблем различного характера. Сложность задач борьбы с преступлениями в указанной сфере требует определенной специализации оперативных сотрудников, а также всестороннего изучения, анализа и оценки оперативной обстановки, тщательного планирования, сбора и систематизации известной информации о фактах нелегального игорного бизнеса.

Ключевые слова: выявление, незаконная организация, незаконное проведение, азартные игры, игровой бизнес, планирование, оперативный сотрудник, правоохранительные органы.

Е. P. Evstifeeva

**IDENTIFYING CRIMES PROVIDED BY ARTICLE 171.2
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

In author's opinion identifying crimes presupposes establishing the facts of the commission of crimes, first of all, latent ones. Illegal organizing and conducting gambling is a crime to be reported to the law enforcement bodies extremely rarely in official way. At present the organizers of illegal gambling business use a number of camouflage measures whereas criminal activity is carried out by organized well-disguised criminal groups. At the same time there are no effective guidelines to identify and solve crimes of such category. As a result officers of operative and investigative units face a variety of problems of different nature while detecting illegal organizing and conducting gambling. Complexity of the problems related to fighting crimes of such category at present requires certain special skills of the operative staff as well as a comprehensive study, analysis and evaluation of the operative conditions, thorough planning, collecting and systematizing known information about the facts of illegal gambling business.

Key words: identifying, illegal organization, illegal conduct, gambling, gambling business, planning, an operative (detective), law enforcement bodies.

Термин «выявление преступлений» в настоящее время широко используется в законодательных [1]; [2] и подзаконных нормативных актах, литературных источниках [3]; [4]; [5], он звучит в выступлениях высших должностных лиц правоохранительных органов, в том числе при оценке состояния дел в борьбе с преступностью.

Выявление преступлений как самостоятельная задача оперативно-разыскной деятельности предполагает установление фактов совершения прежде всего латентных преступлений, информация о

которых в правоохранительные органы по официальным каналам не поступает. В частности, в основной массе оперативным путем выявляются преступления, сопряженные с незаконной организацией и проведением азартных игр.

Организационно-тактические меры по выявлению незаконного игорного бизнеса, других преступлений экономической и коррупционной направленности путем проведения оперативно-разыскных мероприятий в структуре полиции осуществляются подразделениями экономической безопасности

и противодействия коррупции (далее — подразделения ЭБиПК), которые в полном объеме наделены полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Опрошенные в ходе настоящего исследования сотрудники подразделений ЭБиПК отметили, что выявление незаконной игровой деятельности и лиц, причастных к ней, имеет определенные трудности, что в первую очередь обусловлено следующими обстоятельствами:

- высокой латентностью противоправной деятельности, связанной с незаконным игорным бизнесом — мнение 35,7 % респондентов;

- существованием нелегальных и полуполюгальных игорных заведений, агентурное проникновение в которые затруднено, — 25,8 %;

- применением комплекса конспиративных мер со стороны организаторов незаконной игровой деятельности: системы специальных сигналов, физической охраны, видеонаблюдения за привлекающей территорией и игровыми залами — 84,3 %;

- сложностью проведения оперативно-технических мероприятий, связанных с проникновением в нелегальные игорные заведения, которая обусловлена наличием физической и технической охраны, — 81,6 %;

- тщательной подготовкой преступной деятельности, ее маскировкой, том числе под легальный бизнес — 21,7 %;

- совершением преступлений хорошо законспирированными организованными группами — 14,6 %;

- наличием коррумпированных связей организаторов незаконной игровой деятельности с правоохранительными структурами [6] — 9,6 %;

- отсутствие эффективных методических рекомендаций по выявлению и раскрытию преступлений данной категории — 11,8 %*.

В связи со сказанным нельзя отрицать, что без покровительства чиновников и участия отдельных должностных лиц органов внутренних дел данный вид незаконного предпринимательства не может существовать и получать развития. Так, в 2014 г. в Республике Татарстан передано в суд уголовное дело об организации крупным преступным сообществом из Набережных Челнов подпольного игорного бизнеса. Согласно материалам дела оно было создано выходцем из местной группировки предпринимателем У. под покровительством сотрудников администрации, полковника полиции и депутата. Сообщество держало сеть из более двух десятков казино и за время деятельности получило не менее 100 млн руб. дохода. На скамье подсудимых оказались шесть человек, среди которых депутат горсовета и бывший начальник отдела полиции «Автозаводский» городского УВД,

а также бывшие сотрудники местных администраций. В зависимости от их роли им предъявлены обвинения в создании и участии в преступном сообществе (ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), незаконных азартных играх (ст. 171.2 УК РФ), мошенничестве (ст. 159 УК РФ), получении взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотреблении полномочиями (ст. 285 УК РФ) [7].

К сказанному следует добавить, что в настоящее время организаторами незаконной игровой деятельности в целях противодействия сотрудникам полиции все чаще стали использоваться жилые помещения для проведения азартных игр. Обследование таких помещений возможно только по судебному решению в порядке, предусмотренном ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

При выявлении рассматриваемой категории преступлений необходимо также учитывать:

- большой круг и разнообразие характеристик лиц, имеющих возможности по незаконной организации и проведению азартных игр;

- скрытый характер нелегальных игорных заведений, организуемых вне установленных игорных зон;

- субъекты данных преступлений, как правило, образованы и грамотны не меньше, чем следователи и оперативные сотрудники.

Организация выявления незаконной игровой деятельности должна основываться на всестороннем изучении, анализе и оценке оперативной обстановки на обслуживаемой территории, тщательном планировании сбора и систематизации известной информации о фактах нелегального игорного бизнеса, что обеспечит:

- формирование базы данных о фактах незаконной организации и проведения азартных игр и лицах, причастных к ней;

- изучение состояния и эффективности использования оперативно-розыскных сил, средств и методов в борьбе с данными преступлениями;

- принятие организационно-управленческих и оперативно-тактических решений, направленных на повышение эффективности выявления, пресечения и раскрытия преступлений рассматриваемой группы (например, о закреплении оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК, формировании и расстановке источников оперативной информации; уточнении криминогенных объектов и контингента, требующего усиленного оперативного обслуживания, и др.).

Сложность задач борьбы с незаконным игорным бизнесом на современном этапе требует определенной специализации оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК. Такая специализа-

ция, во-первых, позволяет получать и анализировать в значительно большем объеме оперативно значимую информацию, важную как для выявления, так и для раскрытия этих преступлений; во-вторых, облегчает взаимные консультации оперативных сотрудников и обмен опытом оперативной работы, тем самым создает условия для повышения их профессионального мастерства.

Представляется, что при решении вопроса о специализации оперативных сотрудников на региональном уровне необходимо учитывать следующие основные факторы:

- количество букмекерских контор, тотализаторов, их пунктов приема ставок, интернет-кафе, компьютерных клубов на обслуживаемой территории, требующих организации их оперативного обслуживания подразделениями ЭБиПК;

- степень распространенности преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, с учетом уровня их латентности;

- штатные возможности подразделений ЭБиПК регионального уровня, способных решать задачи по борьбе с экономическими преступлениями указанной категории.

Показательна практика ГУ МВД России по Волгоградской области. Основными задачи первого отдела управления ЭБиПК является организация мероприятий по борьбе с экономическими преступлениями на потребительском рынке, в кредитно-финансовой системе, с незаконным оборотом алкогольной продукции, фальшивомонетничеством и незаконным игорным бизнесом.

Среди составных элементов организации выявления незаконной организации и проведения азартных игр особое место занимают объекты и направления оперативного поиска. По нашему мнению, применительно к указанной категории преступлений можно выделить следующие из них:

- нелегальные игорные заведения (подпольные залы и казино), в которых при проведении азартных игр используются игровые автоматы, покерные столы и иное игровое оборудование;

- игорные заведения, функционирующие под видом проведения лотерей, в том числе с использованием модифицированных игровых автоматов;

- интернет-кафе, компьютерные клубы, использующие при проведении азартных игр компьютерные технологии интернет-казино, включая специальные программы с выходом в сеть «Интернет»;

- букмекерские конторы, которые под видом законной букмекерской деятельности используют модифицированные игровые автоматы;

- лица, кто по своей квалификации, навыкам и социальной ориентации могут быть склонны

к незаконной организации и проведению азартных игр;

- лица, которые могут принять участие в подготовке и совершении рассматриваемых преступлений в связи с их криминальным прошлым (ранее судимые за аналогичные преступления), профессиональными навыками (сотрудники игровых заведений), наличием связей с преступными элементами (организаторами незаконных азартных игр);

- лица, вовлекаемые в проведение азартных игр.

Целью оперативно-поисковой деятельности является формирование информационной базы, способствующей выявлению незаконной игровой деятельности, лиц, причастных к ней, и условий, созданных для совершения данной противоправной деятельности.

Согласно положениям п. 2.1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Важной предпосылкой своевременного выявления преступлений, связанных с незаконной игровой деятельностью, служит получение в ходе поисковой деятельности информации о признаках, указывающих на подготовку или совершение указанных преступлений. Данные признаки позволяют определить сферу использования оперативно-розыскных сил и средств, что, в свою очередь, сделает работу по выявлению незаконной организации и проведению азартных игр более эффективной.

Организация и проведение азартных игр — два самостоятельных действия. Объективная сторона преступления может быть образована как организацией или проведением азартных игр, так и совместно организацией и проведением азартных игр, совершенными способами, указанными в Федеральном законе № 244-ФЗ, соответственно, можно выделить: а) признаки незаконной организации азартных игр; б) признаки незаконного проведения азартных игр. При этом организация азартных игр может быть реализована одним субъектом, а проведение азартных игр другим, что означает возможность независимого осуществления как организации, так и проведения игровой деятельности.

На основе результатов исследования уголовных дел, данных анкетирования практических работников *к признакам, указывающим на возможность незаконной организации азартных игр вне действующих игорных зон*, можно отнести:

- создание незаконного игорного заведения (казино, зала игровых автоматов и др.);
- набор штата сотрудников игорного заведения, обеспечивающего проведение азартных игр (администраторы игрового зала, крупье, охрана и др.);
- привлечение лиц, желающих принять участие в азартной игре;
- действия, обеспечивающие возможность функционирования незаконного игорного заведения;
- организацию азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», либо средств связи, в том числе подвижной связи.

К признакам незаконного проведения азартных игр вне действующих игорных зон можно отнести:

- проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны;
- проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», либо средств связи, в том числе подвижной связи [8, с. 18—19].

Соответственно, к признакам незаконного проведения азартных игр в игорных зонах относятся:

- организация и проведение азартных игр без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление данной деятельности в игорной зоне;
- организация и проведение азартных игр до наступления даты указанной в соответствующем разрешении;
- организация или проведение азартной игры после отказа в получении соответствующего разрешения;
- организация или проведение азартной игры после аннулирования разрешения.

Для эффективного выявления фактов незаконной игорной деятельности следует использовать разведывательные возможности лиц, конфиденциально содействующих или сотрудничающих с органами внутренних дел. Именно от них сотрудники подразделений ЭБиПК могут получить оперативно значимую информацию о лицах, тщательно маскирующих свое противоправное поведение, а также о возможном составе организованной группы, занимающейся незаконной игорной деятельностью, характеристике преступных связей и т. п.

При рассмотрении источников получения оперативно значимой информации нельзя не остано-

виться на таком важном моменте, как *получение сведений из других служб, подразделений органов внутренних дел*. Сотрудники различных служб и подразделений наряду со значимой для них информацией могут получать сведения, прямо или косвенно указывающие на факты незаконной игорной деятельности. Однако, на практике поступающая информация часто недооценивается с точки зрения потребностей иных подразделений и даже других сотрудников в собственном отделе внутренних дел. В результате она не доходит до адресата. Данное обстоятельство подтвердили результаты опроса сотрудников подразделений ЭБиПК, по результатам которого информация из других служб и подразделений органов внутренних дел составляет 5 % ее общего объема. Сказанное можно объяснить тем, что сотрудники других служб стараются не принимать информацию, не представляющую для них интереса, а если и принимают, то не всегда проверяют и передают в соответствующие подразделения.

Большой объем работы возлагается на участковых уполномоченных полиции, которые при выполнении своих обязанностей проводят работу в жилом секторе и с помощью населения могут выявлять нелегальные игорные заведения, в том числе маскируемые под интернет-кафе, лотерейные и ночные клубы, а также лиц, вовлекающих других в незаконную игорную деятельность.

Эффективность выявления незаконной организации и проведения азартных игр зависит от тактически грамотного планирования, согласованного взаимодействия оперативных сотрудников полиции с государственными органами, осуществляющими надзорные функции в области игорной деятельности. Это, в свою очередь, позволит использовать полученные данные в качестве оснований для возбуждения уголовного дела, а также как доказательство при расследовании незаконной организации и проведения азартных игр. Так, налоговые органы осуществляют следующие функции в рассматриваемой области:

- контроль и надзор за исполнением организациями, содержащими тотализаторы и букмекерские конторы, а также организующими и проводящими лотереи, тотализаторы (взаимное пари) и иные основанные на риске игры, в том числе в электронной форме;
- федеральный государственный надзор за проведением лотерей;
- лицензионный контроль в сфере организации и проведения азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах;
- проверку технического состояния игрового оборудования;

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

— государственный надзор за деятельностью саморегулируемых организаций организаторов азартных игр в букмекерских конторах и саморегулируемых организаций организаторов азартных игр в тотализаторах;

— направление в уполномоченные органы материалов, связанных с нарушением законодательства о государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр, для решения вопросов о возбуждении уголовных дел по признакам преступлений.

Примечание

* Сумма ответов превышает 100 %, в связи с тем что респонденты давали несколько вариантов ответов на поставленный вопрос.

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 03.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 07.03.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Бертовский Л. В., Образцов В. А. Выявление и расследование экономических преступлений: учеб.-практ. пособие. М., 2003.

4. Иванова О. Г. Выявление и расследование неправомерного доступа к компьютерной информации: дис. ...канд. юрид. наук. Красноярск, 2007.

5. Шибанова Е. В. Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией. М., 2007.

6. Никульшин Л. Н. Противодействие незаконному игорному бизнесу // Экономический вестник правоохранительных органов «Экономическая безопасность». 2014. № 4. С. 48—52.

7. Преступное сообщество доигралось. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2810272> (дата обращения 11.12.2018).

8. Лихолетов А. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

1. Federal Law No 144-FZ of 12 August 1995. "On Operative and Search Activity" (ed. 3 July 2016). Available from: reference legal system "Consultant Plus".

2. Federal Law № 3- FZ of 7 February 2011 "On the Police" (ed. 7 March 2018). Available from: reference legal system "Consultant Plus".

3. Bertovsky L. V., Obraztsov V. A. Identifying and Investigating Economic Crimes: Educational and Practical. Moscow; 2003.

4. Ivanova O. G. Identifying and Investigating Illegal Access to Computer Information. Krasnoyarsk; 2007.

5. Shibanova E.V. Identifying and Investigating Crimes Related to Prostitution. Moscow, 2007.

6. Nikulshin L. N. Counteracting Illegal Gambling Business // Economic Vestnik of Law Enforcement Agencies "Economic Security". 2014; 4: 48—52.

7. Criminal Community Came to a Head. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2810272>. Accessed: 11 December 2018.

8. Likholetov A. A. Criminal, Legal and Criminological Problems of Counteracting Illegal Gambling Business. Saratov; 2013.

© Evstifeeva E. P., 2019

© Евстифеева Е. П., 2019

Евстифеева Екатерина Петровна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: evstifeeva-vamvd@mail.ru

Evstifeeva Ekaterina Petrovna,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: evstifeeva-vamvd@mail.ru

* * *

Е. И. Замылин, А. А. Закатов

**ПЛАНОВОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ТРЕБОВАНИЕ
К РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ**

Залог успеха в любом виде деятельности независимо от сферы применения — его правильная организация. Ее роль трудно переоценить особенно в том случае, когда речь идет о видах деятельности, отличающихся сложностью условий, в которых она протекает. Именно такой деятельностью является розыск скрывшегося фигуранта, совершившего уголовно наказуемое деяние главным образом на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступления, когда следователю приходится действовать в обстановке острого дефицита времени, требующей быстрого принятия решений в экстремальных условиях.

Важнейшее организационное требование, предъявляемое к розыскной деятельности правоохранительных органов, — ее плановость. План как гибкая динамичная программа определяют наиболее целесообразные и эффективные пути обнаружения разыскиваемых объектов. Розыскная деятельность следователя осуществляется не изолированно, а в тесном взаимодействии с органом дознания, что предусматривает их совместное планирование: в целом это исключение дублирования в розыскных мероприятиях.

Ключевые слова: розыск, следователь, орган дознания, планирование, версии, преступление, взаимодействие.

Е. I. Zamylin, A. A. Zakatov

**PLANNING AS AN ESSENTIAL ORGANIZATIONAL REQUIREMENT
FOR INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

The key to success in any kind of activity, regardless of the scope, is its correct organization. The role of planning and organization is difficult to overestimate, especially for activities occurring in complex conditions. Search for a hiding suspect is exactly that kind of activity. It is especially difficult at the initial stage of the crime solving and investigation of the crime, when the investigator has to act in an environment of acute shortage of time, requiring rapid decision-making in extreme conditions.

The most important organizational requirement for the search activity of law enforcement agencies is its planning. The plan, as a flexible, dynamic program, will determine the most appropriate and effective ways to detect wanted objects. Investigative activities of the investigator are not carried out in isolation, but in close cooperation with the body of inquiry, which helps to eliminate the duplication in the activities of the investigation.

Keywords: search, investigator, body of inquiry, planning, versions, crime, interaction

Важнейшее условие успешной борьбы с противоправными явлениями — последовательное осуществление принципов укрепления законности и правопорядка, а также неотвратимости наказания за совершенное деяние. Чтобы предотвратить какие-либо инсинуации в данном направлении, хотим заострить внимание на том, что речь идет именно о предупредительном значении наказания, которое обуславливается вовсе не его жестокостью, а неотвратимостью, является одной из основополагающих концепций современной уголовно-правовой политики отдельно взятого демократического государства.

Неотвратимость наказания за совершенное деяние достигается слаженной работой всех звеньев структуры правоохранительных органов путем быстрого раскрытия и расследования преступления, привлечения виновных к ответственности. В качестве результативного средства их достижения нужно признать четко скоординированную деятельность по розыску скрывшихся лиц, совершивших противоправное деяние, и иных объектов. Лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние и находящееся в розыске, остается безнаказанным и нередко совершает новые, более тяжкие, ухищренные преступления; на розыск скрывшихся обвиняемых (подозреваемых) затрачиваются зна-

чительные денежные средства, отвлекаются силы правоохранительных органов, которые могут быть задействованы в иных направлениях борьбы с противоправными явлениями.

Деятельность по розыску требует предельной алгоритмизации, разработки систем, заранее определенного комплекса мероприятий, обеспечивающих наиболее оптимальный вариант решения розыскных задач. Организация розыскной деятельности следователя включает в себя учет и расстановку наличных сил и средств, правильное оперирование информацией, использование достижений научной организации труда и др.

Важнейшим организационным требованием, предъявляемым к розыскной деятельности, является ее плановость. Планирование розыска позволяет наиболее рационально, экономично и оперативно использовать силы и средства, которыми располагают субъекты розыскной деятельности. План должен быть гибкой динамичной программой, определяющей целесообразные и эффективные пути обнаружения разыскиваемых объектов.

Планирование следственно-судебного исследования (как теоретические положения, касающиеся криминалистической версии) профессор Р. С. Белкин справедливо относит к самостоятельной, частной криминалистической теории. Используя системный подход, он выделяет одноуровневые элементы системы планирования с четким переходом к элементам следующего уровня и т. д. Первый уровень составляют такие элементы планирования, как:

- 1) анализ исходной информации;
- 2) выдвижение версий и определение задач расследования;
- 3) определение путей и способов решения поставленных задач;
- 4) составление письменного плана и иной (вспомогательной) документации по планированию расследования;
- 5) контроль исполнения и корректировка плана расследования.

При этом каждый последующий уровень представляет собой детализацию элементов предшествующего. Нельзя отрицать, что планирование может охватывать довольно длительный процесс сбора доказательств по делу (*в том числе доказательств виновности разыскиваемого лица и его места нахождения — авторы*), из-за чего элементы системы могут повторяться: выдвигаются новые версии; возникает необходимость в проведении иных следственных действий (*или тех же, но в ином формате — авторы*), привлечении дополнительных сил; поступает новая информация, требующая анализа, и т. п. [1, с. 383].

С учетом того что розыскная деятельность следователя осуществляется не изолированно, а в тесном контакте с органом дознания* результатом их общей работы будут согласованные планы. При этом целесообразны совместное изучение материалов уголовного дела и ознакомление с оперативно-розыскной информацией, получение и обработка исходных данных о личности скрывшегося обвиняемого (подозреваемого) и других важных для его розыска сведений. Основным отличием розыскных действий от оперативно-розыскных мероприятий является то, что они производятся следователем по конкретному уголовному делу и носят преимущественно гласный характер, хотя непроцессуальные розыскные действия имеют сходство с одноименными мероприятиями, выполняемыми оперативными сотрудниками органа дознания.

Чаще всего направления и средства розыска отражаются в общем плане расследования по делу. Однако в случаях особой сложности (большой объем поисковой работы, дела об особо тяжких преступлениях, в том числе совершенных в составе организованных групп) и по приостановленным делам лучше составлять самостоятельные планы розыска. Мы рекомендуем включить в них следующие пункты:

- 1) следственно-розыскные версии;
- 2) обстоятельства, подлежащие выяснению для обнаружения скрываемых объектов;
- 3) сведения о разыскиваемых объектах, содержащихся в уголовном деле (листы дела);
- 4) следственно-розыскные и оперативно-розыскные действия;
- 6) исполнители;
- 7) срок исполнения;
- 8) примечания;
- 9) результаты исполнения.

Что касается приостановленных уголовных дел, то направления розыскной деятельности также могут стать составной частью общего плана работы. Тем не менее самостоятельный план розыска здесь тоже предпочтителен с учетом особой важности и сложности для исхода дела обнаружения скрывшегося обвиняемого (подозреваемого). В этом случае сохраняет силу уже приведенная нами форма плана розыска, за тем, однако, исключением, что в четвертом пункте плана будут указываться только розыскные действия, организационно-технические и оперативно-розыскные мероприятия.

Планирование применительно к организационным аспектам розыска рассматривается через призму выдвижения следственно-розыскных версий. Вне всякого сомнения, они являются основ-

ным элементом плана, определяющим направления поисковой деятельности. Из числа проинтервьюированных нами следователей 97,6 % высказали положительное отношение к планированию розыскной деятельности на базе именно следственно-розыскных, в том числе типовых версий.

Субъектом выдвижения розыскной версии выступает, безусловно, следователь, а оперативно-розыскной — оперативный сотрудник органа дознания, именно поэтому мы считаем, что розыскную версию точнее называть следственно-розыскной. По сравнению со следственной версией она имеет меньший объем, является ее частным видом, так как ее задача состоит не в объяснении события преступления в целом, а его отдельных элементов, касающихся местонахождения разыскиваемых объектов.

Исходя из изложенного предлагаем под *следственно-розыскной версией* понимать *обоснованное предположение следователя о вероятном местонахождении разыскиваемых объектов, уловках по их сокрытию, а также об обстоятельствах, знание которых способствует поиску*. Аналогичное предположение оперативного работника будет оперативно-розыскной версией.

Базисом следственно-розыскных версий выступают фактические данные по уголовному делу, имеющиеся в распоряжении соответствующих должностных лиц. При этом нужно признать, что рассматриваемые нами фактические данные разнообразны; их источниками могут быть как процессуальные действия (в первую очередь следственные: допросы, обыски, выемки, осмотры и др.), так и негласная информация, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности органа дознания, различные неформальные источники (анонимные звонки, письма, слухи и т. п.) и др. Взяв за основу изложенное, опираясь на обобщенный опыт деятельности следователей и органа дознания, лицо, производящее розыск, может выдвинуть типовые следственно-розыскные версии. В числе их особенностей стоит назвать перспективность, т. е. направленность в будущее, попытку предугадать возможные действия скрывшихся лиц. При этом следователь, продумывая (моделируя) предположительные поступки разыскиваемого (укрывающих его лиц), прибегает к рефлексивному мышлению, нередко пытаясь рассуждать за обвиняемого. В данном процессе следователь отражает в динамической модели и себя, и фигуранта по делу, находящегося в розыске, имитирует ход его мыслей, поведение и, оперируя этой моделью, принимает соответствующее решение.

Наличие развитого рефлексивного мышления позволяет «проникать» во внутренний мир инди-

вида, строить своеобразную модель его поведения и в итоге посредством реализации комплекса заранее запланированных мероприятий (которые, возможно, опосредованно будут доведены и до сведения разыскиваемого лица) воздействовать на его мыслительную деятельность, управлять ею в нужном для следствия направлении, прогнозировать развитие ситуации на определенный промежуток времени. Большое значение здесь имеют творческое воображение и интуиция следователя. Следственным же версиям присуща ретроспективность, поскольку лежащие в их основе предположения направлены на объяснение событий прошлого, мысленное воссоздание уже свершившихся поступков и имевших место фактов. Кроме того, процесс построения и проверки следственно-розыскных версий не ограничен рамками расследования по уголовному делу, а осуществляется и в случаях его приостановления. Ключевыми целями выдвижения следственно-розыскных версий являются:

- 1) оптимальная организация розыскной деятельности следователя (определение всех реальных направлений поиска, их одновременная обработка и т. п.);
- 2) установление уловок, ухищрений заинтересованных лиц, каналов перемещения объектов розыска;
- 3) установление местонахождения скрывающихся преступников или укрываемых объектов;
- 4) прогнозирование возможного поведения разыскиваемых и иных заинтересованных лиц (так называемое построение индивидуальной модели их поведения в той или иной ситуации) в целях оптимальной тактики овладения объектами розыска (посредством производства задержаний, обысков, выемок, тактических операций);
- 5) установление обстоятельств, способствующих длительному укрывательству разыскиваемых лиц или иных объектов.

При выдвижении следственно-розыскных версий необходимо учитывать такие факторы, как:

- психологические особенности личности скрывающегося;
- возможное направление его передвижения после совершения преступления;
- знание наиболее распространенных мест и уловок по сокрытию и др.

При этом нужно исходить из типичных следственных ситуаций. К их числу, например, можно отнести:

- место, где скрывается разыскиваемый, не известно;
- установлен регион, где скрывается обвиняемый;

— известно, что лицо, совершившее преступление, укрывается неподалеку от места его совершения;

— установлено конкретное местонахождение разыскиваемого.

Кроме типовых могут выдвигаться так называемые специфические следственно-разыскные версии. Например, если известно, что конкретное лицо без определенного места жительства и рода занятий после совершения преступления находится в конкретном районе, можно выдвинуть и проверить приведенные далее версии: разыскиваемый может скрываться в подвалах, нежилых помещениях, теплотрассах, находящихся поблизости притонах, на вокзалах и т. д. В случае розыска женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, вполне допустима их склонность к поиску контактов. Это же, как правило, свойственно и несовершеннолетним, скрывающимся от следствия и суда: они стремятся к поддержанию контактов со своими родителями, близкими лицами и т. д.

Для правильной ориентации розыска необходимо выяснить широкий круг обстоятельств. Для получения дополнительной информации в плане нужно намечать вопросы о личности разыскиваемого, его образе жизни, связях, специальности, образовании, наклонностях и увлечениях, прошлой деятельности, судимости и пр.

Важным для исхода розыска является установление данных о том, когда и при каких обстоятельствах скрылся обвиняемый (подозреваемый), о его высказываниях и поведении, предшествующем «исчезновению», одежде, в которой его видели в последний раз, вещах и документах, пропавших вместе с владельцем, и т. д. Большое значение для определения путей поиска скрывшегося имеет выяснение наличия денежных вкладов и счетов не только на его имя, но и на имя его родственников, иных близких лиц; фактов передачи имущества или права на него другим лицам; заключения им договоров страхования и кредитных обязательств; покупки проездных билетов и др. Разыскиваемый может быть обнаружен и задержан именно при выполнении операций в рамках указанных действий.

При планировании вопросов, подлежащих выяснению в ходе розыска, необходимо предусмотреть такую их постановку и реализацию, чтобы ни одна из сторон жизни и деятельности разыскиваемого не осталась «в тени». Для этого с максимальной эффективностью должны быть использованы как процессуальные, так и оперативно-разыскные возможности.

В плане розыска, кроме прочего, должны быть отражены и сведения о разыскиваемых объектах,

содержащиеся в уголовном деле. Здесь в лаконичной форме с указанием листов дела нужно привести весь объем данных о разыскиваемом лице, имеющихся в материалах производства, причем эти сведения указываются относительно каждого из вопросов, подлежащих выяснению, так же, как и вопросы формулируются применительно к каждой из следственно-разыскных версий. Подобная топография записей в плане направлена на обеспечение одного из важных принципов планирования — его конкретности.

Как уже отмечалось, разыскные задачи решаются как процессуальным, так и непроцессуальным путем, поэтому в очередной графе плана указываются наряду со следственными и разыскные действия, организационно-технические и оперативно-разыскные мероприятия, выполнение которых с учетом уже имеющихся в распоряжении следователя сведений позволит ответить на запланированные вопросы по каждой из следственно-разыскных версий. Иными словами, здесь уже приводится конкретная программа проверки версий.

В плане целесообразно предусмотреть тактические операции, поскольку обнаружение объектов розыска — обычно цепь взаимосвязанных и чередующихся в различной последовательности действий следователя, оперативного работника, представителей других служб и подразделений органов внутренних дел и пр. Тактические операции являются своеобразными типизированными программами деятельности участников взаимодействия, что обеспечивает высокую результативность розыска. Использование тактических операций в розыскной деятельности наилучшим образом соответствует требованиям научной организации труда следователя. Базируясь, в частности, на взаимодействии следователя с органом дознания, это позволяет объединенными силами с помощью всех имеющихся средств и возможностей организовать совместную розыскную деятельность: гибко и оперативно принимаются и реализуются решения; за счет использования криминалистической и оперативной техники, а также транспортных средств и человеческих ресурсов расширяются возможности достижения розыскных целей. Кроме того, устраняется дублирование в средствах и способах обнаружения разыскиваемых объектов, используемых следователем и оперативным работником. Каждая тактическая операция должна быть направлена на решение конкретной тактической задачи и планироваться. При этом необходимо предусмотреть и запасной вариант действий на случай неудачи. Выполнение тактических операций требует создания следственно-оперативных групп.

В плане розыска применительно к каждому следственному действию, розыскному, оперативно-розыскному, организационно-тактическому мероприятию или тактической операции указываются конкретные исполнители и разумные сроки выполнения, что обеспечивает дисциплину в осуществлении плана, его конкретность и реальность.

В примечаниях, служащих в плане розыска чем-то вроде диспетчерского отправления, следователь оговаривает условия и порядок производства запланированных действий в зависимости от складывающейся следственно-оперативной ситуации. Например, может быть отмечено, что то или иное следственное или розыскное действие проводится в случае определенного результата, а также намечен иной вариант при изменении ситуации.

Завершающим в плане является указание на сведения об итогах выполнения запланированных

действий, что позволяет контролировать полноту реализации намеченной программы розыска.

К плану розыска целесообразно прилагать различную вспомогательную документацию (чертежи, схемы и пр.), иллюстрирующую пути передвижения скрывающегося, его преступные связи, каналы сбыта похищенного и т. п.

В завершение отметим, что уклонению обвиняемых (подозреваемых) от следствия и суда способствуют ошибки при избрании меры пресечения, поверхностное изучение их личности, недостатки в производстве следственных действий и оперативно-розыском сопровождении по уголовному делу, неумение использовать криминалистические и оперативные учеты, недостатки во взаимодействии субъектов розыска и ряд иных обстоятельств.

Примечание

* Нельзя не признать, что субъектами взаимодействия со следователями в ходе розыска, кроме указанной структуры, могут быть другие следователи, эксперты, лица, работающие в медицинских учреждениях, государственных, коммерческих, общественных и иных организациях, и т. д.

Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М.: Юрист, 1997. 464 с.

Belkin R. S. The course of criminology: in 3 volumes. Volume 2. Private forensic theories. Moscow: Yurist; 1997.

© Замылин Е. И., Закатов А. А., 2019

© Zamylin E. I., Zakatov A. A., 2019

Замылин Евгений Иванович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Zamylin Evgeny Ivanovich,
professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Закатов Александр Александрович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Zakatov Alexander Alexandrovich,
professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
honored lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

О. В. Карпова

**О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ
НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Статья посвящена компетенции начальника подразделения дознания в стадии возбуждения уголовного дела. Автором рассмотрены проблемные аспекты реализации полномочий начальником подразделения дознания на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. На основании анализа отдельных положений ст. 40.1, 40.2, 144, 158.1, 223.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования процессуального статуса начальника подразделения дознания. Используя примеры правоприменительной практики, автор обосновывает тезис о том, что нужно повысить эффективность ведомственного процессуального контроля, осуществляемого начальником подразделения дознания, путем наделения его дополнительными полномочиями. В связи с этим предлагается внести в уголовно-процессуальное законодательство следующие изменения: включить в перечень субъектов проверки сообщения о преступлении начальника подразделения дознания; наделить его полномочием выносить решение о восстановлении дознавателем утраченных материалов проверки сообщения о преступлении, принимать решение о производстве проверки группой дознавателей, давать дознавателю письменные указания при проведении проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, начальник подразделения дознания, процессуальный статус, полномочия.

O. V. Karpova

**ON PROCEDURAL AUTHORITIES OF THE HEAD OF INQUIRY UNIT
AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE**

The given article deals with the competence of the head of inquiry unit at the stage of initiating a criminal case. The author considers the issues to implement authorities of the head of inquiry unit at the initial stage of a criminal proceeding. Based on the analysis of certain statements of Articles 40.1, 40.2, 144, 158.1, 223.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the author concludes that it is necessary to improve further a procedural status of the head of inquiry unit. Using precedents of the law enforcement practice the author proves the thesis about the effectiveness of the departmental procedural control to be carried out by the head of inquiry unit by providing him with additional authorities. That's why it is also necessary to make the following amendments to the criminal procedure legislation: to include the head of inquiry unit into the list of the subjects to verify a crime report, to allow him to take decisions to restore the lost materials to verify a crime report by an inquirer, to take decisions to initiate an inspection by a group of inquirers, to allow him to give written instructions to an inquirer while conducting a verification of a crime report.

Key words: a stage of initiating a criminal case, the head of inquiry unit, a procedural status, authorities.

Ведомственный процессуальный контроль при производстве предварительного расследования в форме дознания — эффективное средство, обеспечивающее законность деятельности подразделений дознания. Одним из субъектов, осуществляющих ведомственный процессуальный контроль за деятельностью дознавателя, выступает начальник подразделения дознания. Этот участник появился в уголовном судопроизводстве с введением в Уголовно-процессуальный кодекс Россий-

ской Федерации (далее — УПК РФ) Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ ст. 40.1 УПК РФ, посвященной правовому статусу начальника подразделения дознания [1]. За время действия указанной статьи в нее неоднократно вносились изменения.

Рассмотрим подробнее полномочия начальника подразделения дознания в стадии возбуждения уголовного дела. Вопрос о необходимости совершенствования правового регулирования ведомст-

венного процессуального контроля за деятельностью органов дознания на стадии возбуждения уголовного дела неоднократно поднимался в юридической литературе [2, с. 261—275]; [3, с. 84—85]. Однако до настоящего времени он не получил теоретического обоснования и должного нормативного закрепления.

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ) начальник подразделения дознания был вправе проверять материалы уголовного дела [1]. Следующей редакцией данного положения (в ред. Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ) указанные полномочия начальника подразделения дознания были расширены [4]. Так, в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ начальник подразделения дознания уполномочен проверять не только материалы уголовного дела, но и материалы проверки сообщения о преступлении. Как правило, проверка материалов уголовного дела так же, как и материалов проверки сообщения о преступлении, направлена на обеспечение законности, всесторонности, полноты и объективности проводимой деятельности. При несогласии начальника подразделения дознания с позицией дознавателя возникает вопрос о возможности дачи указаний начальником подразделения дознания дознавателю при производстве предварительной проверки. Законодатель не наделяет начальника подразделения дознания этим полномочием.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ начальник подразделения дознания вправе давать дознавателю письменные указания «о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения». Исходя из контекста закона, полномочие распространяется на стадию предварительного расследования. Это подтверждает и тот факт, что в ч. 4 ст. 40.1 УПК РФ законодатель, отмечая возможность обжалования указаний начальника подразделения дознания, определяет право дознавателя вместе со своими письменными возражениями представить начальнику органа дознания или прокурору материалы уголовного дела, т. е. речь идет именно о стадии предварительного расследования. При этом в рамках проведения проверки сообщения о преступлении могут возникнуть проблемы, связанные с установлением обстоятельств совершения преступления. К ним относятся событие преступления (время, место, способ) и другие обстоятельства, позволяющие установить достаточные данные, указывающие на признаки преступления. От их правильного определения и точности

может зависеть правильная квалификация совершенного преступления и, соответственно, соблюдение правил подследственности.

Дознавателем могут быть допущены нарушения требований уголовно-процессуального законодательства в ходе следственных действий, производимых в стадии возбуждения уголовного дела: осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, получения образцов для сравнительного исследования, назначения и производства судебной экспертизы. Компетенция начальника подразделения дознания при ведомственном контроле за качеством проводимых проверочных мероприятий законодателем не указана.

Особое внимание в ходе предварительной проверки следует уделять вопросам, связанным с квалификацией совершенного преступления, а также правильному определению подследственности. Так, оценивая законность и обоснованность принятого дознавателем решения, прокурор отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и вернул материалы для дополнительной проверки, аргументировав это тем, что при принятии процессуального решения дознавателем были допущены следующие нарушения: не указана конкретная часть статьи уголовного закона при квалификации инкриминируемого деяния, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [5].

Кроме того, в рамках предварительной проверки могут быть проведены не все мероприятия, направленные на установление обстоятельств совершения преступления. Например, 4 мая 2018 г. у гражданки Б. в помещении дома N по улице Семашко в г. Омске был похищен планшетный компьютер. В ходе проверки было установлено, что данный компьютер гражданка Б. забыла в гостях у своей знакомой, где он был обнаружен. Согласно материалу КУСП № 10130 от 4 мая 2018 г. дознавателем не был осмотрен планшетный компьютер и не составлена фототаблица [6]. Решение дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено прокурором в связи с неполнотой проведенной проверки.

Согласно другому материалу 11 декабря 2017 г. в отдел полиции № 1 УМВД России по г. Омску обратился гражданин П., который попросил зафиксировать факт перевода денежных средств в сумме 5 900 руб. с банковской карты на абонентский номер N, к которому у него ранее была подключена услуга «мобильный банк». Решение об отказе в возбуждении отменено прокурором по следующим основаниям: дознавателем не был опрошен владелец абонентского номера, на который перечислялись денежные средства, не уста-

новлено место получения денежных средств и их обналичивания [7].

Гражданин М. обратился 11 февраля 2018 г. в отдел полиции № 4 УМВД России по г. Омску с заявлением о том, что 17 октября 2017 г. он был задержан за административное правонарушение: управлял автомобилем, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в связи с чем был признан решением мирового судьи виновным. Позже М. обратился за оказанием юридической помощи к двум правозащитникам. За их услуги необходимо было заплатить 50 000 руб., М. заплатил только 25 000 руб. На второе заседание ни один из правозащитников не явился, свой отказ от дальнейшей защиты они мотивировали тем, что их трудовая деятельность оплачена не в полном объеме. В постановлении об отмене постановления дознателя об отказе возбуждении уголовного дела и о возвращении материалов для дополнительной проверки прокурор указал, что в целях полного и всестороннего рассмотрения материала и принятия по нему законного, обоснованного и мотивированного решения необходимо опросить правозащитников [8].

В другом случае прокурором отменено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела как незаконное, в силу того что имеются достаточные данные о совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации. Материал проверки направлен в орган дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела [9].

Указанные примеры свидетельствуют о выполнении прокурором полномочий, фактически необходимых начальнику подразделения дознания для своевременного реагирования и устранения нарушений, допущенных дознавателями в период производства предварительной проверки сообщений о преступлении, правильной оценки достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и вынесения законного решения.

Количество отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела постепенно снижается, но в целом остается высоким. Так, за январь—ноябрь 2018 г. прокуратурой Омской области отменено 44 487 постановлений, что на 11,4 % меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [10]. По всем регионам Российской Федерации отменено 2 034 479 постановлений, что на 6,4 % ниже предыдущего отчетного периода [11].

Реализуя надзорные полномочия в стадии возбуждения уголовного дела, прокурор должен незамедлительно реагировать на установленные в ходе проверок исполнения требований федерального законодательства при приеме, регистра-

ции и разрешении сообщений о преступлениях факты нарушения норм о подследственности органами дознания (п. 1.2 указания Генерального прокурора Российской Федерации от 19 декабря 2011 г. № 433/49 [12]). Речь идет о необоснованной квалификации совершенного преступления либо неправильной оценке органами дознания данных, полученных в ходе предварительной проверки. Законодателем определена компетенция прокурора относительно установления фактов нарушения норм о подследственности органами дознания и незамедлительного реагирования [13, с. 185—194]. На данное обстоятельство неоднократно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях по конкретным жалобам. Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной по результатам рассмотрения жалобы гражданина Лельчука А. М. на нарушение его конституционных прав, предусмотренных п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, «прокурор не вправе произвольно определять подследственность уголовного дела, а обязан руководствоваться статьями 150 и 151 УПК РФ, относящими к формам предварительного расследования как следствие, так и дознание, а также предусматривающими конкретные составы преступлений, расследование уголовных дел о которых осуществляется в форме дознания» [14].

Аналогичных позиций придерживаются и органы прокуратуры. Например, Генеральный прокурор Российской Федерации в приказе от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» обратил особое внимание на необходимость строгого соблюдения правил подследственности, установленных в ст. 151 УПК РФ, при рассмотрении, разрешении сообщений о преступлениях [15]. Полагаем, что данное положение обусловлено тем, что уже в первой стадии досудебного производства собираются доказательства, которые затем могут стать основой ключевых решений органов предварительного расследования — постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта, обвинительного постановления — а также будут предметом рассмотрения в рамках судебного разбирательства при разрешении уголовного дела по существу.

Полномочия начальника подразделения дознания и полномочия начальника органа дознания в стадии возбуждения уголовного дела ограничены лишь изучением материалов проверки, находящихся в производстве дознавателя. Считаем, что при реализации контрольных функций в ходе проведения предварительной проверки сообщения о преступлении полномочия давать указания должны быть предоставлены начальнику подраз-

деления дознания. В связи с этим представляется целесообразным дополнить ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ п. 1.1 следующего содержания: «... начальник подразделения дознания вправе: 1.1) давать дознавателю письменные указания при проведении проверки сообщения о преступлении».

Возникает вопрос относительно возможности начальника подразделения дознания самостоятельно проводить предварительную проверку сообщения о преступлении и принимать по нему соответствующее решение. Согласно ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ начальник подразделения дознания вправе возбудить уголовное дело, при этом законодатель не наделил его правом принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а также правом принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Часть 1 ст. 144 УПК РФ называет субъектами проведения проверки и принятия решения по ее результатам дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа. Таким образом, закон не наделяет начальника подразделения дознания правом проведения предварительной проверки сообщения о преступлении, а значит, правом производства следственных и иных процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела. В этом отношении представляется не совсем понятным право начальника подразделения дознания, сформулированное законодателем в ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ. В соответствии с данной нормой начальник подразделения дознания уполномочен принять решение о возбуждении уголовного дела, но не вправе провести проверку сообщения о преступлении. В таком случае производство начальником подразделения дознания любого следственного или иного процессуального действия в стадии возбуждения уголовного дела будет незаконным. Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 144 УПК РФ, он не вправе произвести осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, назначить судебную экспертизу, получить объяснение, образцы для сравнительного исследования и другие действия, допустимые в данной стадии для иных субъектов (следователя, дознавателя, органа дознания, руководителя следственного органа).

Таким образом, согласно положениям ч. 2 ст. 40.1 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ начальник подразделения дознания не является надлежащим субъектом проведения предварительной проверки сообщения о преступлении. Процессуальный статус дознавателя он приобретает только с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела и на период производства предварительного расследования в форме дознания.

Представляется целесообразным отнести начальника подразделения дознания к субъектам, уполномоченным проводить предварительную проверку сообщения о преступлении [16, с. 77]. В связи с чем предлагаем изложить ч. 1 ст. 144 УПК РФ в следующей редакции: «Дознаватель, *начальник подразделения дознания*, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, *начальник подразделения дознания*, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе...».

Статья 223.2 УПК РФ предусматривает возможность производства дознания группой дознавателей, однако законом не установлено создание группы дознавателей в стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем такие факторы, как правовая и фактическая сложность, а также большой объем материалов, могут иметь место и при проведении предварительной проверки сообщения о преступлении. В связи с этим представляется необходимым закрепить в законе возможность создания группы дознавателей и в стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, полагаем, что данное полномочие нужно передать от начальника органа дознания начальнику подразделения дознания.

Считаем целесообразным, во-первых, дополнить ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ п. 5 следующего содержания: «... начальник подразделения дознания вправе: 5) принимать решение о производстве проверки сообщения о преступлении, производстве дознания группой дознавателей и об изменении ее состава»; во-вторых, дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ предложением: «Производство проверки сообщения о преступлении в случае ее сложности или большого объема может быть поручено группе дознавателей, о чем начальником подразделения дознания выносится постановление»; в-третьих, первое предложение ч. 2 ст. 223.2 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Решение о производстве дознания группой дознавателей, об изменении ее состава принимает начальник подразделения дознания».

Кроме того, в контексте анализа полномочий начальника подразделения дознания на стадии возбуждения уголовного дела необходимо отметить, что регламентация процедуры восстановления утраченных материалов предварительной проверки отсутствует в тексте закона. Изучение нормативного регулирования и научной литературы пока-

зало, что этот вопрос в большей степени исследован применительно к восстановлению утраченного уголовного дела либо его материалов [17, с. 72—77]; [18, с. 335—353]. Законодатель регламентирует принятие данного решения в ходе досудебного производства только на стадии предварительного расследования, а также в судебном производстве. Согласно п. 8 ч. 1 ст. 40.2 и ч. 1 ст. 158.1 УПК РФ при производстве дознания правом восстановления утраченного уголовного дела наделен начальник органа дознания. При этом материалы могут быть утрачены и в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении. Однако эта ситуация законодателем оставлена без внимания. Представляется целесообразным наделить указанным правом начальника подразделения дознания, для чего дополнить ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ п. 6 следующего содержания: «... начальник подразделения дознания вправе: 6) выносить постановление о восстановлении дознавателем утраченных материалов проверки сообщения о преступлении».

Анализ полномочий начальника подразделения дознания в стадии возбуждения уголовного дела позволяет сделать следующие выводы.

1. Со времени появления начальника подразделения дознания как участника уголовного судопроизводства нормы, регулирующие его процессуальный статус, неоднократно менялись. Сегодня можно говорить о существенном расширении полномочий начальника подразделения дознания. Вместе с тем положения ст. 40.1 УПК РФ и другие нормы уголовно-процессуального закона требуют дальнейшего совершенствования.

2. В целях повышения эффективности ведомственного процессуального контроля, осуществляемого начальником подразделения дознания, а также оптимизации его процессуального статуса представляется целесообразным внести такие изменения в уголовно-процессуальное законодательство, как:

— дополнить ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ п. 5 следующего содержания: «... начальник подразделения дознания вправе: 5) принимать решение о производстве проверки сообщения о преступлении, производстве дознания группой дознавателей и об изменении ее состава»;

— дополнить ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ п. 6 следующего содержания: «... начальник подразделения дознания вправе: 6) выносить постановление о восстановлении дознавателем утраченных материалов проверки сообщения о преступлении»;

— дополнить ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ п. 1.1 следующего содержания: «... начальник подразделения дознания вправе: 1.1) давать дознавателю письменные указания при проведении проверки сообщения о преступлении»;

— изложить ч. 1 ст. 144 УПК РФ в следующей редакции: «Дознаватель, *начальник подразделения дознания*, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, *начальник подразделения дознания*, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе ...»;

— дополнить ч. 1 ст. 144 УПК РФ следующим предложением: «Производство проверки сообщения о преступлении в случае ее сложности или большого объема может быть поручено группе дознавателей, о чем начальником подразделения дознания выносится постановление»;

— первое предложение ч. 2 ст. 223.2 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Решение о производстве дознания группой дознавателей, об изменении ее состава принимает начальник подразделения дознания».

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Козловский П. В., Табаков С. А. Процессуальное положение начальника органа дознания, начальника подразделения дознания // Актуальные проблемы правоприменительной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. трудов. Омск, 2018. С. 261—275.

3. Крымов В. А. О роли процессуального контроля в деятельности органов предварительного следствия и дознания // Вестник Санкт-Петербур-

1. Federal Law No. 90-FZ of 6 June 6 2007. "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

2. Kozlovsky P. V., Tabakov S. A. The procedural position of the head of the body of inquiry, the head of the unit of inquiry. In: Actual problems of law enforcement activity of the internal affairs bodies: collection of scientific works. Omsk; 2018: 261—275.

3. Krymov V. A. On the role of procedural control in the activities of the bodies of preliminary investigation and inquiry. Bulletin of the Saint-Petersburg Law Academy. 2018; 3: 84—85.

бургской юридической академии. 2018. № 3. С. 84—85.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Материал КУСП № 8367/4622 от 15 июня 2012 г. // Архив отдела полиции № 10 УМВД России по г. Омску.

6. Материал КУСП № 10130 от 4 мая 2018 г. // Архив отдела полиции № 4 УМВД России по г. Омску.

7. Материал КУСП № 1579 от 24 марта 2018 г. // Архив отдела полиции № 1 УМВД России по г. Омску.

8. Материал КУСП № 3088 от 11 февраля 2018 г. // Архив отдела полиции № 4 УМВД России по г. Омску.

9. Материал КУСП № 7405 от 12 мая 2017 г. // Архив отдела полиции № 10 УМВД России по г. Омску.

10. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры за январь—ноябрь 2018 г. URL: <http://www.prokuratura.omsk.ru/statistic/2018.php#11> (дата обращения: 25.12.2018).

11. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь—ноябрь 2018 г. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1520450/> (дата обращения: 25.12.2018).

12. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел: указание Генерального прокурора Российской Федерации от 19 декабря 2011 г. № 433/49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Ситник В. В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 185—194.

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лельчука Александра Марковича на нарушение его конституционных прав пунктом 12 части 2 статьи 37 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 г. № 301-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генерального прокурора Российской Фе-

4. Federal law No. 440-FZ of 30 December 2015. "On amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of clarifying the powers of the head of the body of inquiry and the inquirer". Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

5. Material of crime report book No. 8367/4622 of 15 June 15 2012. Archive of the Police Department No. 10 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Omsk.

6. Material of crime report book No. 10130 4 of May 2018. Archive of the Police Department No. 4 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Omsk.

7. Material of crime report book No. 1579 of 24 March 2018. Archive of the Police Department No. 1 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Omsk.

8. Material of crime report book No. 3088 of 11 February 2018. Archive of the Police Department No. 4 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Omsk.

9. Material of crime report book No. 7405 of 12 May 2017. Archive of the Police Department No. 10 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Omsk.

10. Main statistics on the activities of the prosecution authorities for January—November 2018. Available from: <http://www.prokuratura.omsk.ru/statistic/2018.php#11> Accessed: 25 December 2018.

11. Statistical data on the main indicators of the activities of the prosecution authorities of the Russian Federation in January—November 2018 Available from: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1520450/>. Accessed: 25 December 2018.

12. Directive of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 433/49 of 19 December 2011. "On Strengthening the Prosecutor's Supervision of the Compliance with the Requirements of the Law on the Compliance with the Underling of the Criminal Cases". Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

13. Sitnik V. V. Theoretical aspects of prosecutor's supervision over the implementation of laws by the bodies carrying out the inquiry. Actual problems of Russian law. 2018; 4: 185—194.

14. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 301-O-O of 15 April 2008. "On refusal to accept for consideration of the complaint of citizen Leichuk Alexander Markovich about violation of his constitutional rights by clause 12 of part 2 of article 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

15. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 33 of 26 January 2017. "On

дерации от 26 января 2017 г. № 33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Федулова И. И. К вопросу о полномочиях начальника подразделения дознания // Право: история и современность. 2018. № 2. С. 77.

17. Бикмиев Р. Г. Как восстанавливать уголовные дела // Уголовный процесс 2018. № 3. С. 72—77.

18. Ефремова Н. П. Порядок восстановления утраченных уголовных дел // Актуальные проблемы правоприменительной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. трудов. Омск, 2018. С. 335—353.

© Карпова О. В., 2019

Карпова Олеся Владимировна,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: mir-lesya83@mail.ru

the organization of prosecutorial oversight of the procedural activities of the inquiry bodies". Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

16. Fedulova I. I. To the question of the powers of the head of the unit of inquiry. Law: history and modernity. 2018; 2: 77.

17. Bikmiev R. G. How to Recover Criminal Cases. Criminal Procedure. 2018; 3: 72—77.

18. Efremova N. P. Order of recovery of lost criminal cases. In: Actual problems of law enforcement activities of internal affairs bodies: collection of scientific works. Omsk; 2018: 335—353.

© Karpova O. V., 2019

Karpova Olesya Vladimirovna,
senior lecturer at the department
of the criminal process
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: mir-lesya83@mail.ru

* * *

С. В. Катков, О. И. Белокобыльская

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ПОЛИТИКИ:
ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Статья посвящена исследованию теоретических, правовых и нравственных закономерностей оперативно-разыскной политики с позиции практической значимости комплексного применения сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в целях обеспечения национальной безопасности России. Для этого с теоретических позиций нужно целостно осмыслить соотношение оперативно-разыскной и уголовной политики в России. Кроме того, имеют значение и нравственное содержание оперативно-разыскной деятельности правоохранительных органов, учет интересов конкретной личности, общества в целом. Соблюдение установленных в государстве норм и правил минимизирует вмешательство государства, в том числе в лице сотрудников полиции, в частную деятельность, допуская лишь обоснованные и понятные действия. Прозрачность работы государственных органов будет благотворно влиять на предпринимательский климат в стране, формировать позитивный имидж Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также способствовать развитию национальной экономики, повышению качества жизни граждан, укреплению политической стабильности в обществе, обеспечению обороны страны, государственной и общественной безопасности, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации.

Ключевые слова: система национальной безопасности, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскная политика, закономерности оперативно-разыскной деятельности.

S. V. Katkov, O. I. Belokobyl'skaya

**REGULARITIES OF OPERATIONAL-PERSONAL POLICY:
SELECTED QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE**

The article is devoted to the study of theoretical, legal and moral patterns of operational-search policy from the standpoint of the practical importance of the integrated use of forces, means and methods of operational-search activity in order to ensure national security of Russia. To do this, with the theoretical positions holistically comprehend the ratio of operational-investigative and criminal politician in Russia. The moral content of operational-investigative activity of law enforcement agencies, taking into account the interests of a particular individual and society as a whole is also significant. Compliance with the norms and rules established in the state minimizes state intervention, including in the face of police officers, in private activities, allowing only reasonable and understandable actions. The transparency of the work of state bodies will have a beneficial effect on the business climate in the country and will form a positive image of the Ministry of internal Affairs of Russia as a whole, as well as contribute to the development of the national economy, improving the quality of life of citizens, strengthening political stability in society, ensuring national defense, state and public security, increasing competitiveness and international prestige of the Russian Federation.

Key words: the system of national security, operational-search activity, operative-search policy, patterns of operational-search activity.

В последние десятилетия Россия демонстрирует способность к обеспечению своего суверенитета, государственной и территориальной целостности, защите прав соотечественников, в том числе за рубежом. Возросла роль нашего государства в решении важнейших международных проблем, урегулировании военных конфликтов, сохранении

стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях. В то же время укрепление позиций Российской Федерации происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер. В таких условиях пробелы в соблюдении принципа неотвра-

тимости ответственности, а также в реализации превентивных мер лишь способствуют возрастанию социальной напряженности в стране, снижению ее рейтинга на мировой арене и крайне негативно отражаются на состоянии защищенности национальных интересов России в целом.

Изменению существующей ситуации может помочь совокупное развитие системы обеспечения национальной безопасности. Этот термин («система обеспечения национальной безопасности») и его содержание раскрываются в п. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.): «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и имеющихся в их распоряжении инструментов». К числу инструментов, которыми обладает только законодательно определенный перечень федеральных органов исполнительной власти, следует отнести силы, средства и методы оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД). Путем их применения с филигранной точностью можно нейтрализовать как внешние угрозы, обусловленные состоянием современной международной политики, так и без лишних ограничений защитить, гарантированно обеспечить реализацию законных интересов не только государства, но и общества, граждан, их прав, свобод, в том числе экономических. В связи с этим необходимость повышения эффективности борьбы с преступностью обуславливают потребность в уточнении традиционных понятий и терминов, формирование интегрирующих научных теорий с учетом изменившихся социально-экономических условий. Одним из направлений такого реформирования выступает дальнейшее совершенствование теории ОРД как отрасли научных знаний, изучающей закономерности и механизмы данной специфической деятельности в системе государственно-правовых мер борьбы с преступностью.

Отличительной чертой ОРД является применение особого инструментария, имеющегося в распоряжении государства, — сил, средств и методов, реализуемых в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Использование этого инструментария можно интерпретировать как участие субъектов ОРД в делах государства, управление государством, определение форм, задач, содержания деятельности государства, что выступает в качестве средств реали-

зации политики. Ее специфика заключается в том, что она аккумулирует в себе отношения между значительными массами людей, интересы которых интегрируются в единое, всеобщее целое. Политика сводит индивидуальное, коллективное выражение воли в интегративно-целое системное качество.

Слово «политика» греческое, происходит от существительного *polis* (государство) и означает «наука и искусство государственного управления». В современном русском языке термин «политика» является полисемичным. Исходя из его этимологии, политика всегда носит властный характер, поскольку реализовать всеобщие интересы людей невозможно без принуждения, волевых усилий и воздействия на субъекты. Властный характер выражается в политико-государственных и политико-негосударственных отношениях, которые сложны и противоречивы, вертикально и горизонтально организованы и т. д. Для успешной нейтрализации угроз национальной безопасности консолидации в этих целях сил и возможностей общественности, органов государственной власти, на наш взгляд, требуется научно обоснованная оперативно-разыскная политика. Термин «оперативно-разыскная политика» не является новым и использован нами не случайно.

В числе первых понятие «оперативно-разыскная политика» предложили А. Н. Качур и Н. М. Якушин [7, с. 41—42]. Отдельные аспекты оперативно-разыскной политики в разное время рассматривали в своих работах К. К. Горяинов, С. В. Паталашко и др. [8, с. 178—181]; [9 с. 5—16]. Стоит также отметить огромный вклад в формировании новой научной теории — теории оперативно-разыскной политики, который внесли С. И. Захарцев и В. П. Сальников. Нельзя не согласиться с их мнением о том, что «...сущность оперативно-разыскной политики представляет собой одну из важнейших проблем не только науки ОРД, но даже и теории государства и права. К сожалению, российские ученые уделяли этой проблеме явно недостаточно внимания. Теоретики государства и права вопросы оперативно-разыскной политики игнорировали...» [5, с. 132].

В то же время любая теория есть система идей в определенной отрасли знаний, дающая целостное представление о ее закономерностях, которые и выступают в качестве предмета той или иной теории. Не является исключением и теория ОРД. Взяв за основу мнение В. Г. Самойлова, одного из основоположников этой науки, рассмотрим с позиции практической значимости предмет оперативно-разыскной политики, включающий в себя, на наш взгляд, так же, как и теория соответствующую

щей ей деятельности, «...четыре группы закономерностей, раскрывающих ее:

- познавательную сущность;
- систему практических мер, направленных на решение конкретных оперативно-розыскных задач;
- систему организационных мер;
- правовые и нравственные основы» [10, с. 3].

Вести открытую, незавуалированную борьбу с такими явлениями, как коррупция, и часто связанной с ней организованной транснациональной преступностью и терроризмом практически невозможно. С учетом высокой степени их латентности нельзя путем реализации лишь гласных уголовно-процессуальных процедур выявить и раскрыть, например факты подготовки террористического акта, контрабанды оружия или подкупа должностного лица — руководителя государственной или крупной коммерческой организации. На основе общих гносеологических методов познания в рамках оперативно-розыскной политики должны постоянно изучаться не только лица, в деяниях которых уже усматриваются признаки преступлений, способы их совершения и сокрытия, но и те, кто их замышляет, когда нормы уголовного права могут еще не действовать. Такая работа возможна в условиях постоянного подбора качественных, в том числе конфиденциальных, источников информации, соответствующих технических средств и т. д.

Сегодня уже, например, имеется положительная практика документирования фактов бесконтактного сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием систем «закладок», диспетчеров, а также оплаты и последующей легализации полученных доходов через банковские терминалы. При этом не вызывает значительных сложностей использование в рамках уголовного судопроизводства результатов ОРД. В то же время возникают трудности с документированием преступных действий и дальнейшим использованием полученных результатов в рамках производства по уголовным делам именно организаторов данного криминального бизнеса, принимающих в качестве оплаты за свои «услуги» новый вид платежных средств — криптовалюту (Bitcoin, Ethereum и др.). Соответственно, появляется необходимость подбора источников, способных получать информацию о посещаемых подозреваемыми лицами ресурсах (в первую очередь от провайдера), проведенных ими криптовалютных операциях (в том числе отраженных в блокчейне) и т. п., а также расширения возможностей подразделений специальных технических мероприятий.

Столь утрированный пример можно спроецировать на любой вид криминального бизнеса: незаконный оборот оружия, криминальные банкрот-

ства, взяточничество, контрабанду и т. д. При этом преступниками используются не только последние достижения научно-технического прогресса, но и, к сожалению, пробелы законодательства. Однако более наглядно практическая значимость определения оперативно-розыскной политики, ее предмета проявляется в закономерностях, относящихся к организации и правовому регулированию ОРД, а также ее нравственным основам.

В теории ОРД, как и во многих других видах социальной деятельности, термин «организация» традиционно отражает два аспекта:

а) организацию в «статике» — построение и состояние любой системы, предназначенной для решения конкретных задач;

б) организацию в «динамике» — управление и функционирование системы.

Каждый из этих аспектов состоит из нескольких взаимообусловленных элементов. В контексте рассматриваемой темы считаем необходимым первостепенно обратить внимание именно на организационное построение оперативных подразделений (организация в «статике»), включающее в себя следующие элементы: систему, структуру и компетенцию.

Сегодня перечень субъектов ОРД в России определен положениями ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и может быть дополнен только на основании федеральных законов. К числу субъектов ОРД отнесены оперативные подразделения органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, федерального органа исполнительной власти в области государственной охраны, таможенных органов, службы внешней разведки и федеральной службы исполнения наказаний. Все они решают предусмотренные данным федеральным законом задачи исключительно в пределах своих полномочий, установленных соответствующими законодательными актами. Среди них «добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации». На решение этой задачи нацелены не только федеральная служба безопасности и служба внешней разведки. Ведомственные нормативные правовые акты МВД России, в том числе имеющие ограничительный характер и раскрывающие вопросы организации и тактики ОРД органов внутренних дел, среди прочего относят данную задачу к числу тех, что стоят перед оперативными подразделениями полиции. В связи со сказанным мы согласны с мнением С. И. Захарцева и В. П. Сальникова о том, что эта задача «...сформулирована настолько ши-

роко, что позволяет уместить в нее практически любую информацию. Но о какой именно информации должна идти речь?» [6, с. 101]. Этот вопрос нуждается в законодательной проработке.

К числу обязанностей органов, осуществляющих ОРД, отнесена и такая, как «принятие в пределах своих полномочий всех необходимых мер по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, по обеспечению безопасности общества и государства, а также необходимость информировать другие органы, осуществляющие аналогичную деятельность на территории России, о ставших им известными фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов, и оказывать этим органам необходимую помощь». Отсюда возникает не только вопрос о пределах поиска информации сотрудниками оперативных подразделений различных субъектов ОРД, но и потребность в координации их оперативной работы на конкретной обслуживаемой ими территории, а также субординации этих субъектов. В их число мы преднамеренно не включали сотрудников прокуратуры, поскольку вопросы организации и тактики ОРД не входят в предмет их надзора.

С учетом сложности и многообразия вариантов разрешения обозначенной проблемы уместно обратить внимание на многовековую историю становления и развития системы оперативных подразделений на территории России. Так, Приказ тайных дел, Тайная экспедиция, Особый комитет при Сенате, сыскная полиция и т. д., существовавшие в Российской империи, вели деятельность, направленную на профилактику, пресечение наиболее тяжких преступлений против государства. В советский период аналогичные задачи решали специализированные оперативные подразделения ВЧК, ГПУ, РКМ, НКВД и т. д. При этом именно концентрация усилий в одном специализированном органе исполнительной власти, наделенном правом осуществления ОРД, результаты которой в настоящее время могут быть интегрированы в уголовно-процессуальное производство, позволяло поднять на качественно новый уровень борьбу с наиболее опасными видами преступности. Идея создания в России самостоятельной федеральной службы по борьбе с организованной преступностью и коррупцией давно зреет в среде научных и практических работников. Еще 29 августа 1990 г. на расширенном заседании Всесоюзного координационного бюро по криминологии в Ленинграде предлагалось образовать единый Федеральный государственный комитет при Верховном Совете СССР по борьбе с организованной преступностью и коррупцией со своими органами на

местах с возложением на этот комитет в полном объеме оперативно-разыскных и следственных функций [12, с. 192—206]. С учетом обозначенного нам импонирует точка зрения С. В. Степашина и В. М. Егоршина: «...Исторический опыт подсказывает, что законодатель еще неоднократно поменяет количество субъектов ОРД. Какие-то ведомства укрупнятся, какие-то перестанут существовать, а вполне возможно, что появятся и новые субъекты ОРД. В конечном счете, количество и полномочия субъектов ОРД — важнейшая составляющая оперативно-розыскной политики, которую всегда определяет первое лицо государства» [11, с. 122].

Таким образом, оперативно-разыскная политика, по сути, должна находить свое отражение не только в практическом применении гласных и негласных сил, средств и методов ОРД, осуществляемой специально уполномоченными на то субъектами, но и в совершенствовании их системно-структурного построения. Очевиден и тот факт, что сегодня оперативно-разыскная политика — самостоятельное направление правотворческой деятельности государства. В России уже приняты волевые государственные решения, которые действуют не только политически, но и юридически. Будучи нормативно закреплёнными, они представляют совокупность официально принятых взглядов, отражающих цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Ярким подтверждением тому служат как действующие Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», так и значительный перечень иных законодательных и подзаконных межведомственных, ведомственных нормативных правовых актов, в том числе содержащих сведения, отнесенные к государственной и служебной тайне. Однако бесспорен тот факт, что и они далеки от совершенства.

При рассмотрении закономерностей оперативно-разыскной политики, раскрывающих ее предмет, нельзя игнорировать значимость информационного воздействия на сознание населения страны. Эта проблема, в свою очередь, тесно связана с нравственным содержанием ОРД, представляющей собой единственный вид государственной деятельности, осуществление которой допустимо в негласной форме. При негласном проведении оперативно-разыскных мероприятий объективно приходится ограничивать такие конституционные права и свободы человека и гражданина, как неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны, неприкосновенность

жилища и тайну корреспонденции, поэтому концептуальную основу оперативно-разыскной политики в правовом государстве наряду с принципами законности, конспирации и сочетания гласных и негласных методов и средств должен составлять принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Он подразумевает под собой не только ограничение всевозможных репрессий, но и так называемое право «прайвеси» (англ. privacy — тайна, уединение, частная жизнь) [13, с. 5], которое пока, как и сам термин, не имеет аналогов в российском праве и русском языке. Прайвеси может означать в одних случаях саму частную жизнь, в других — право на частную жизнь, в-третьих — право на защиту неприкосновенности частной жизни и т. д. [4]. Полагаем, что внедрение и широкое использование этого права позволит более цивилизованно реализовывать оперативно-разыскную политику в России.

В завершение отметим, что на современном этапе развития нашего государства важно не только должное теоретическое осмысление содержания, соотношения оперативно-разыскной и уголовной политики в России, но и реализация конкретных мер по совершенствованию системно-структурного

построения специализированных федеральных органов исполнительной власти, наделенных правом осуществление ОРД, действий в целях социально-правовой защиты их сотрудников, которые должны найти свое документальное закрепление в источниках отечественного права. Кроме того, значимо и нравственное содержание этой деятельности и с позиции правоохранительных органов, и со стороны конкретной личности, общества в целом. Соблюдение установленных в государстве норм и правил минимизирует вмешательство государства, в том числе в лице сотрудников полиции, в частную деятельность, допуская лишь обоснованные и понятные действия. Прозрачность работы государственных органов будет благотворно влиять на предпринимательский климат в стране и формировать позитивный имидж МВД России в целом, а также способствовать развитию национальной экономики, повышению качества жизни граждан, укреплению политической стабильности в обществе, обеспечению обороны страны, государственной и общественной безопасности, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации.

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Сухарев А. Я., Крутских В. Е., Сухарева А. Я. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М., 2003.

5. Захарцев С. И., Сальников В. П. Размышления об оперативно-розыскной политике. Ученые записки юридического факультета. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2015. № 39 (49).

6. Захарцев С. И., Сальников В. П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Федеральный научно-практический журнал «Юридическая наука: история и современность». 2016. № 4.

7. Качур А. М., Якушин Н. М. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности. М., 1990. № 3.

8. Горяинов К. К. Оперативно-розыскная политика и развитие законодательства // Уголовно-исполнительная система на современном этапе:

1. Federal law No. 144-FZ of 12 August 1995. "About operatively-search activity". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

2. Federal law of the Russian Federation No. 3-FZ of 7 February 2011. "About Police". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

3. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31 December 2015. "About Strategy of national security of the Russian Federation". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

4. Sukharev A. Ya., Krutskikh V. E., Sukhareva A. Ya. Large legal dictionary. Moscow: Infra-M; 2003

5. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Reflections on operational-search policy. Scientific notes of the faculty of law. Saint Petersburg: Saint Petersburg state University of Economics. 2015; 39 (49).

6. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Operational search policy: concept and essence. Federal scientific and practical journal "Legal science: history and modernity". 2016; 4.

7. Kachur A. M., Yakushin N. M. Legal regulation of operational-investigative activity. Moscow; 1990; 3.

8. Goryainov K. K. Operational-search policy and development of legislation. In: Criminal-Executive system at the present stage: interaction of science and practice: materials of the Interna-

взаимодействие науки и практики: материалы междунар. науч.-практ. межведомст. конф. / под ред. А. А. Вотинова. Самара: Самарский юрид. ин-т ФСИН России, 2016.

9. Катков С. В., Паталашко С. В. Оперативно-розыскная политика как элемент системы национальной безопасности России // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. статей / под ред. Ю. С. Чичерина [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2016.

10. Самойлов В. Г. Предмет, задачи и система курса «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» как отрасли научного знания (материалы к лекции для слушателей и курсантов учебных заведений МВД СССР). М.: Управление учебных заведений и научно-исследовательских учреждений МВД СССР, 1984.

11. Степашин С. В., Егоршин В. М. Книга, опередившая время. Федеральный научно-практический журнал «Юридическая наука: история и современность». 2015. № 1.

12. Скобликов П. А. Самостоятельная Федеральная служба по борьбе с организованной преступностью: доводы «за» и «против» // Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 1999.

13. Николайчик В. М. США: Полицейский контроль над обществом. М., 1987.

© Катков С. В., Белокобыльская О. И., 2019

Катков Сергей Владимирович,
доцент кафедры
оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8-927-250-71-74

Белокобыльская Ольга Ивановна,
доцент кафедры
оперативно-розыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8-904-776-71-79

tional scientific-practical interdepartmental conference. Samara: Samara law Institute of the Federal penitentiary service; 2016.

9. Katkov S. V., Patalasko S. V. Investigative policy as part of the system of national security of Russia. In: Actual problems of operational-investigative activity: collection of scientific works. Edited by Yu. S. Chicherin (et al). Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2016.

10. Samoilov V. G. Subject, objectives and system of the course "Operational-search activity of internal Affairs" as a branch of scientific knowledge (materials for lectures for students and cadets of educational institutions of the Ministry of internal Affairs of the USSR). Moscow: Department of educational institutions and research institutions of the Ministry of internal Affairs of the USSR; 1984.

11. Stepashin S. V., Yegorshin V. M. the Book ahead of time. Federal scientific and practical journal "Legal science: history and modernity". 2015; 1.

12. Skoblikov P. A. Independent Federal service for combating organized crime: the arguments "for" and "against". Criminal situation at the turn of the century in Russia. Edited by professor A. I. Dolgova. Moscow; 1999.

13. Nikolaychik V. M. USA: Police control over the society. Moscow; 1987.

© Katkov S. V., Belokobylskaya O. I., 2019

Katkov Sergey Vladimirovich,
associate professor
at the department of operative-search activity
and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
8-927-250-71-74

Belokobylskaya Olga Ivanovna,
associate professor
at the department of operative-search activity
and special equipment
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
8-904-776-71-79

* * *

М. А. Лавнов

РЕШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ЕГО ПРАВОВЫЕ СВОЙСТВА

Реализация назначения уголовного судопроизводства непосредственно связана с принятием процессуальных решений, в которых находят отражение установленные фактические обстоятельства расследуемого события, примененные к конкретным ситуациям нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Решения, завершающие производство по уголовному делу, являются результатом всей предшествующей деятельности. Прекращение уголовного дела по своей правовой природе обеспечивает защиту прав личности, служит своеобразным правовым фильтром, ограждая невиновных от незаконного и необоснованного уголовного преследования. Рассматриваемое в настоящей работе процессуальное решение способно урегулировать социальный конфликт по поводу совершенного преступления с высокой степенью эффективности и процессуальной экономии. В статье ставится задача на основе общепризнанных в теории права представлений о требованиях, предъявляемых к процессуальным решениям, разработать непротиворечивую систему свойств решения о прекращении уголовного дела. Для этого исследуются действующее законодательство, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, ведомственные нормативные акты, а также современные взгляды ученых-правоведов. В результате проведенного исследования выявлены проблемы определения свойств процессуального решения о прекращении уголовного дела, сформулированы предложения по их решению.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела; процессуальное решение; свойства процессуального решения; законность процессуального решения; обоснованность процессуального решения; мотивированность процессуального решения; справедливость процессуального решения; обеспечение прав личности.

М. А. Lavnov

DECISION TO CLOSE A CRIMINAL CASE AND ITS LEGAL FEATURES

Implementation to start a criminal court proceeding is directly related to the adoption of procedural decisions, which contain the established factual circumstances of the event to be being investigated as well as the rules of criminal and criminal-procedural laws applied to certain situations. Decisions completing the criminal proceedings are the result of activity to have proceeded. In accordance with its legal nature closing a criminal case protects the rights of an individual as well as said to be a so-called legal filter preventing the innocent from unlawful and unreasonable criminal prosecution. Analyzed in the given article procedural decision is able to settle a social conflict related to the committed crime with a high degree of efficiency and procedural economy. The author of the article tries to develop a consistent system of features of the decision to close a criminal case taking into account generally accepted in the theory of law ideas related to the requirements for procedural decisions. For this purpose the author analyzes current legislation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, departmental normative acts as well as modern ideas of scientists – experts in law. The author concludes that the problems to determine features of a procedural decision to close a criminal case are identified and some offers for their solution (are) made.

Key words: closing a criminal case, procedural decision, features of a procedural decision, legality of a procedural decision, justification of a procedural decision, motivation of a procedural decision, validity of a procedural decision, ensuring rights of an individual.

Прекращение уголовного дела как уголовно-процессуальный акт представляет собой решение, которое завершает производство по уголовному делу, разрешая уголовно-правовой конфликт ме-

жду личностью, обществом и государством, с тем чтобы назначение уголовного процесса (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) было реализовано.

При этом существенным образом затрагиваются интересы личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство.

Являясь по своей природе правоприменительным актом, решение о прекращении уголовного дела обладает внутренними и внешними свойствами. Внутренние свойства процессуальных актов в юридической науке традиционно называются требованиями, которые к ним предъявляются (согласно ст. 7 УПК РФ это законность, обоснованность и мотивированность). Посредством внешних свойств решения о прекращении уголовного дела реализуются функции государства по укреплению законности и правопорядка, становлению правового государства, защиты личности и общества от преступных посягательств.

Требования, предъявляемые к процессуальным решениям, тесно связаны с такой категорией, как процессуальная форма, под которой подразумевается урегулированный уголовно-процессуальным законом порядок, процедура соответствующей деятельности. Результат этой деятельности всегда находит свое выражение в процессуальных решениях. Соблюдение процессуальной формы предполагает в конечном итоге реализацию назначения уголовного судопроизводства, а также поддержание режима законности, обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, вовлеченных в уголовный процесс. Процессуальные решения способствуют формированию уважительного отношения к органам предварительного расследования, прокуратуры, а также к судебной власти. Требования, кроме того, можно рассматривать в качестве критериев, с помощью которых можно оценивать правильность действий и решений компетентных должностных лиц и государственных органов.

Пересмотр и отмена решения о прекращении уголовного дела возможны только при наличии достаточных оснований — особых обстоятельств, свидетельствующих о том, что проверяемое решение не отвечает какому-либо из предъявляемых законом требований.

Решение о прекращении уголовного дела должно соответствовать определенным условиям, которые можно классифицировать по различным основаниям в зависимости от того, как рассматривается решение:

1. Если к нему предъявляются требования как к акту государственной власти, оно должно соответствовать идеологическим и этическим условиям.

2. Если как к акту, разрешающему уголовное дело по существу — категоричности, безусловности, исчерпывающему характер в разрешении уголовно-правового конфликта.

3. Как к официальному документу — современности и правильности стиля; логичности, ясности и четкости изложения, грамотности и культуры.

4. Как к юрисдикционному акту — законности, обоснованности, мотивированности, справедливости.

При рассмотрении решения о прекращении уголовного дела как акта государственной власти следует отметить его идеологическую и этическую стороны. Уголовное судопроизводство является в какой-то степени инструментом реализации уголовной политики государства и непосредственно зависит от государственной идеологии. Не вызывает сомнений тот факт, что уголовно-процессуальные акты должны оказывать воспитательное воздействие, поэтому должны быть убедительными. Такими можно считать законные, обоснованные и аргументированные решения. Указанное требование представляется исключительно важным, поскольку с наибольшим эффектом позволяет достичь воспитательного и предупредительного воздействия, а также сократить количество необоснованных жалоб и повысить тем самым авторитет органов предварительного расследования и правосудия.

Разрешить конкретное уголовное дело путем его прекращения необходимо политически правильно и убедительно, чтобы все заинтересованные участники процесса поняли и приняли его [1, с. 20].

Говоря о прекращении уголовного дела как об акте, разрешающем конфликт по существу, ученые выделяют требования категоричности, безусловности и полноты (исчерпывающий характер в разрешении спора). Категоричность означает, что решение должно ответить на заявленные требования так, чтобы исключить любую неопределенность во взаимоотношениях участников уголовного процесса или возможность его исполнения в зависимости от усмотрения сторон, различными способами. Выводы, сформулированные в резолютивной части решения, создают содержательное наполнение данного требования, они должны быть четкими и однозначными. Решение о прекращении уголовного дела в полной мере должно отвечать критерию безусловности. Так, не допускается, ставить возникновение у лица права на реабилитацию в зависимость от каких-либо обстоятельств (действий потерпевшего, наличия средств в бюджете государства, размера причиненного вреда, виновности должностных лиц и т. п.). Выводы, сформулированные в резолютивной части решения о прекращении уголовного дела по всем предусмотренным правовым вопросам, должны быть обязательны для лиц, которым оно адресовано, несмотря на волеизъявление заинтере-

ресованных участников процесса, а также уполномоченных государственных органов и должностных лиц. В то же время определенные законом дискреционные основания прекращения уголовного дела (ст. 25, 25.1, 28, 28.1 и 427 УПК РФ) прямо предусматривают необходимость активных действий со стороны участников процесса и ставят принятие итогового решения по делу в зависимость от их выполнения. Среди указанных оснований следует выделить прекращение уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 и глава 51.1 УПК РФ), которая является исключением из общего правила безусловности процессуальных решений. Статья 446.5 УПК РФ предусматривает последствия неуплаты лицом назначенного ему судебного штрафа в виде отмены соответствующего постановления о прекращении уголовного дела, возвращения материалов руководителю следственного органа или прокурору и проведения дальнейшего производства по уголовному делу в общем порядке. Полнота решения означает, что оно должно содержать полный, мотивированный и исчерпывающий ответ на все поставленные вопросы, обусловленные выбранным основанием прекращения уголовного дела. Так, в резолютивной части решения должны быть: вывод о возможности прекращения уголовного дела по конкретному основанию; решение вопроса об отмене меры пресечения, наложения ареста на имущество, корреспонденцию, временного отстранения от должности, контроля и записи переговоров; определение судьбы вещественных доказательств; уведомление заинтересованных участников процесса, а также прокурора; разъяснение права и порядка обжалования данного решения; разъяснение потерпевшему права на подачу иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, в порядке гражданского судопроизводства.

Следующую относительно самостоятельную группу составляют требования, предъявляемые к решению о прекращении уголовного дела как к официальному документу: логичность, грамотность, современность и правильность стиля изложения, ясность и четкость, культурность. Эти требования можно также назвать делопроизводственными. «Культура оформления любого правового документа, — отмечают Н. В. Матеров и Г. В. Судakov, — предполагает логичность и последовательность изложения материала, мотивированность выводов, соблюдение стиля, соответствующего жанру документа. Неточно употребленное слово в судебном акте вызывает неопределенность в толковании и может породить судебную ошибку,

влекущую за собой не только продолжение тяжбы, но иногда и драматические последствия» [2, с. 7].

Требованиями к процессуальному решению как к юрисдикционному акту являются законность, обоснованность, мотивированность, справедливость. Правовому государству свойственны высокий уровень гуманизма, нравственности и справедливости. В настоящее время процессуальная наука обращает все более пристальное внимание на справедливость, рассматривая ее и как принцип судопроизводства и как требование к процессуальной деятельности, и процессуальным решениям. С позиции целевых установок восстановление социальной справедливости — первостепенная задача любой процессуальной отрасли права. Научный поиск путей эффективного введения справедливости в процессуальный закон является одной из основных задач на современном этапе. Активность ученых-процессуалистов в этом направлении уже дала определенные результаты, причем не только в рамках уголовного процесса [3], [4], [5], [6], [7; с. 46—49], [8, с. 61—68], [9, с. 116—123], [10].

Требование справедливости, предъявляемое к процессуальным решениям, представляет собой совокупность международных стандартов правосудия по уголовным делам и результата развития российского правового менталитета. В отечественном уголовном процессе требование справедливости традиционно рассматривалось применительно к итоговому процессуальному решению, принимаемому по результатам судебного разбирательства, в первую очередь к приговору [11, с. 9—14]. Однако понимание идеи справедливости не должно сводиться лишь к установлению истины и наказанию виновного. Данный принцип в наибольшей мере выражает общесоциальную сущность права и поиск компромисса между участниками правоотношений, гражданином и государством [12, с. 168]. Прекращение уголовного дела нужно расценивать прежде всего как справедливую уголовно-процессуальную процедуру, где всегда должны учитываться тяжесть совершенного преступления, личность лица, в отношении которого принимается данное решение, его позитивное посткриминальное поведение (заглаживание им вреда, возмещение причиненного ущерба и др.).

Мотивировка решения призвана объяснить, почему следователь, дознаватель или суд принял его, почему отвергли те или иные доказательства. Она создает благоприятные условия для проверки законности и обоснованности процессуального решения, позволяет установить, соответствуют ли выводы обстоятельствам дела. Развернутая обстоятельная мотивировка необходима для пони-

мания логики того или иного решения всеми, а не только субъектом, вынесшим его. Мотивированность придает решению внутреннюю и внешнюю убедительность и представляет собой систему доводов, аргументов, ссылок на закон, что служит препятствием на пути вынесения произвольных и необоснованных процессуальных актов. Мотивировка решения должна четко отражать конкретные данные, свидетельствующие о том, что оно принимается законно и обоснованно, является справедливым [13, с. 74—79]. Мотивированность нужно отличать от обоснованности. Первая означает ссылки на доказательства, их оценку, толкование применяемой нормы права, а последняя, что выводы, к которым пришел субъект, принимающий решение, должны базироваться на исследованных доказательствах.

Среди всего многообразия требований к уголовно-процессуальным решениям, выделяемых наукой, теория и практика, связанная с их проверкой, в большинстве случаев указывают только на два взаимообусловленных из них: законность и обоснованность. Требование обоснованности содержится именно в законе. Необоснованное решение нельзя считать законным, так как необоснованность всегда является следствием нарушения (неправильного применения) норм материального или процессуального права.

Обоснование решения о прекращении уголовного дела — это мыслительная деятельность следователя, дознавателя, суда, основанная на использовании норм права, опыта и знаний. Обоснованность как правовая категория непосредственно сопряжена с познавательной деятельностью. Данное требование отвечает за то, чтобы обстоятельства дела были исследованы полно и всесторонне, выводы соответствовали объективной действительности и подтверждались доказательствами.

Обоснованным решением устанавливаются обстоятельства, с которыми закон связывает возможность и необходимость прекращения уголовного дела.

Обоснованность решения о прекращении уголовного дела как соответствие выводов установленным фактическим обстоятельствам проявляется в описательно-мотивировочной части, где излагаются суждения и убеждения относительно доказанности или недоказанности предусмотренных законом обстоятельств.

Как отмечалось выше, решение о прекращении уголовного дела должно быть полным и исчерпывающим, т. е. содержать окончательные ответы на все процессуальные вопросы, подлежащие разрешению, а также исключать какую-либо неопределенность.

В качестве критериев обоснованности можно выделить следующие: а) верное определение предмета доказывания с учетом выбранного основания прекращения уголовного дела; б) выводы должны опираться на исследованные доказательства, подвергнутые всесторонней проверке и оценке; в) доказательства, на основе которых принимается решение, должны быть допустимыми и достоверными; г) выводы, сформулированные в решении, должны быть правильными и логически вытекать из установленных фактических обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, решение о прекращении уголовного дела можно считать необоснованным и подлежащим отмене в случаях:

— когда установленные фактические обстоятельства уголовного дела противоречат выводам, отраженным в решении;

— обстоятельства, образующие предмет доказывания, а также другие, имеющие значение для дела обстоятельства исследованы недостаточно полно и всесторонне;

— без достаточных к тому доказательств признаются установленными определенные обстоятельства;

— при наличии достаточных доказательств обстоятельства признаются недоказанными;

— выводы основаны на недопустимых доказательствах.

Последний критерий прямо указывает на связь обоснованности с законностью. Сегодня их взаимообусловленность не вызывает сомнений. Представляется, что она может свидетельствовать о том, что нарушение требования обоснованности во всяком случае должно расцениваться как основание к отмене решения о прекращении уголовного дела. Однако не всегда решение о прекращении уголовного дела может быть проверено с такой точки зрения. Согласно ст. 389.15 УПК РФ необоснованность и несправедливость выступают в качестве оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке только применительно к приговору суда, поэтому действующая правовая регламентация обжалования постановления о прекращении уголовного дела, вынесенного в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, допускает его обжалование лишь на предмет законности и создает исключительно видимость обеспечения прав участников уголовного процесса, а по факту «загоняет их в процессуальный капкан» [14, с. 204—209].

Ключевым требованием, предъявляемым к процессуальным актам, является законность. Принимая во внимание тот факт, что деятельность органов предварительного расследования, прокурора

и суда должна быть законной во всех ее проявлениях, отметим особую значимость данного требования, объединяющего в себе все остальные, придающего им строгость и завершенность.

Законность решения о прекращении уголовного дела необходимо рассматривать с двух позиций: процессуальной и материальной. С точки зрения соответствия решения нормам процессуального права законность заключается в соблюдении процедуры вынесения и наличия необходимых реквизитов (по УПК РФ). С материальной точки зрения предполагается верное истолкование закона, применение закона, подлежащего применению, и запрет на применение закона, не подлежащего применению.

Традиционно считается, что внешними свойствами решения (общеобязательностью, стабильностью, исключительностью и преюдициальностью) обладает вступивший в законную силу приговор суда. Тем не менее решению о прекращении уголовного дела внешние свойства также присущи, но с определенной спецификой. Решения следователя, дознавателя и суда о прекращении уголовного дела имеют общеобязательный характер для всех граждан, должностных лиц, государственных органов в изложенных в них выводах по конкретному уголовному делу, подлежат безоговорочному исполнению на всей территории Российской Федерации и обеспечиваются в необходимых случаях мерами государственного принуждения. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению является основанием прекращения уголовного преследования, что исключает возможность повторного привлечения к уголовной ответственности за то же деяние. Преюдициальность представляет собой свойство вступивших в законную силу судебных решений, выражающееся в обязанности установленных ими обстоятельств для органов предварительного расследования, прокурора и суда, которые должны признавать их без дополнительной проверки [15]. Анализ отраслевого процессуального законодательства дает возможность сделать вывод о том, что решение о прекращении уголовного дела не обладает преюдициальностью, не имеет заранее установленной силы и подлежит проверке и оценке при производстве по уголовным, гражданским, арбитражным и административным делам.

Отдельного внимания заслуживает такое свойство процессуальных решений, как стабильность. В течение долгого времени с момента принятия

УПК РФ оно не было характерно для решений о прекращении уголовного дела, вынесенных следователем, дознавателем, прокурором. Изучение правоприменительной практики показало, что решение о прекращении уголовного дела может быть отменено компетентным должностным лицом спустя значительный промежуток времени после его вынесения. Так, по уголовному делу № 355278 решение дознавателя от 26 апреля 2012 г. о прекращении уголовного дела было отменено как незаконное и преждевременного в связи с отсутствием данных о судимости лица, в отношении которого оно принималось. Постановление прокурора об отмене постановления о прекращении уголовного дела было вынесено спустя 498 дней — 6 сентября 2013 г. Данный случай в практике досудебного производства, к сожалению, не единичный [16].

Кроме того, нужно учитывать, что решением прокурора об отмене постановления о прекращении уголовного дела не исчерпываются процессуальные механизмы его обжалования и проверки. Судьба уголовного дела, равно как и судьба человека, в отношении которого оно прекращено, может долгое время оставаться неопределенной. Этому способствуют различные факторы: внутриведомственные интересы следствия, дознания и прокуратуры, несовершенство правовой регламентации, сложившаяся правоприменительная практика. Серьезным шагом на пути решения данной проблемы стало принятие Федерального закона от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ, который дополнил ст. 214 ч. 1.1 следующего содержания: «Отмена постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьями 125, 125.1 и 214.1 УПК РФ. В случае если уголовное дело или уголовное преследование прекращалось неоднократно, установленный настоящей частью срок исчисляется со дня вынесения первого соответствующего постановления» — а также внес ст. 214.1, регламентирующую процедуру судебного порядка получения разрешения на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

С учетом рассмотренных в настоящей статье внутренних и внешних свойств решения о прекращении уголовного дела можно сделать вывод о том, что данный процессуальный акт стоит рассматривать как действенную и эффективную альтернативу приговору суда. Разрешение правового конфликта по поводу совершенного преступления путем прекращения уголовного дела имеет высо-

кую социальную ценность, поскольку за каждым таким решением стоит судьба отдельного человека. Прекращение уголовного дела в определенной степени способствует снижению социальной на-

пряженности, максимально быстрому восстановлению прав потерпевшего, а также экономии процессуальных средств.

1. Калинин М. А. О социалистической законности. М., 1959. 186 с.

2. Матеров Н. В., Судаков Г. В. О языке судебного решения. Практические рекомендации по оформлению судебных актов. СПб., 2003.

3. Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 593 с.

4. Барбакадзе Е. Т. Гарантии объективного и справедливого судебного разбирательства гражданских дел в судах общей юрисдикции. Саратов, 2014. 177 с.

5. Глушкова И. Б. Реализация права на справедливое судебное разбирательство в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 178 с.

6. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2009. 45 с.

7. Евстигнеева О. В. Справедливость как принцип уголовного судопроизводства // Вестник СГАП, 2010. № 6. С. 46—49.

8. Евстигнеева О. В. Справедливость как требование, предъявляемое к приговору // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1 (15). С. 61—68.

9. Зайцева Е. А. Справедливое судопроизводство и потерпевший // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: материалы всерос. науч.-прак. конф. (20—21 марта 2015 г.). Москва. 2016. С. 116—123.

10. Рудич В. В. Справедливость в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2013. 274 с.

11. Лупинская П. А. Справедливость решений в уголовном судопроизводстве // Социалистическая законность. 1972. № 3. С. 9—14.

12. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 541 с.

13. Володина Л. М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 74—79.

14. Лавнов М. А. Современная модель отказа прокурора от обвинения и перспективы ее совершенствования в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 204—209.

1. Kalinin M. A. On Socialist Legality. Moscow; 1959.

2. Materov N. V., Sudakov G. V. On Court Judgment Language. Practical Recommendations on Court Acts Design. Saint-Petersburg; 2003.

3. Afanasyev S. F. Right to True Trial: Theoretical and Practical Study of the Impact of the European Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the Russian Civil Proceeding. Saratov; 2010.

4. Barbakadze E. T. Guarantees of Objective and True Trial on Civil Cases in Courts of Law. Saratov; 2014.

5. Glushkova I. B. Implementation of Right to True Trial in the Arbitration Court Procedure. Saratov; 2011.

6. Gladysheva O. V. Justice and Legality in Criminal Proceeding of the Russian Federation. Krasnodar; 2009.

7. Evstigneeva O. V. Justice as a Principle of Criminal Proceeding. Vestnik of the Saratov State Law Academy, 2010; 6: 46—49.

8. Evstigneeva O. V. Justice as a Requirement for a Court Sentence. Siberian Criminal-Procedural and Criminalistics Reading. 2017; 1 (15): 61—68.

9. Zaitseva E. A. True Criminal Proceeding and a Victim. In: Justice and Equality in the Criminal Justice Proceedings: Works of All-Russian Scientific and Practical Conference (20—21 March 2015). Moscow; 2016: 116—123.

10. Rudich V. V. Justice in Criminal Procedure. Ufa; 2013.

11. Lupinskaya P. A. Justice Decisions in Criminal Proceeding. Socialist Legality. 1972; 3: 9—14.

12. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law. Moscow; 2005.

13. Volodina L. M. New Problems to Close Criminal Cases on Non-Rehabilitating Reasons. Judicial Power and Criminal Procedure. 2017; 1: 74—79.

14. Lavnov M. A. Modern Model of the Prosecutor's Refusal to Prosecute and Some Prospects to Improve It in the Russian Criminal Procedure. Vestnik of the Saratov State Law Academy. 2013; 6 (95): 204—209.

15. Dikaryev I. S. Principle of Legal Certainty and Legal Force of a Court Decision in Criminal Procedure. Volgograd: Publishing House VolGU; 2015.

15. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: моногр. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. 175 с.

16. Архив прокуратуры Заводского района г. Саратова за 2012—2013 гг.

© Лавнов М. А., 2019

16. Archive of the Prosecutor's Office of the Zavodskoy District of Saratov for 2012–2013 Time Periods.

© Lavnov M. A., 2019

Лавнов Михаил Александрович,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук;
e-mail: m-lavnov@rambler.ru

Lavnov Mikhail Alexandrovich,
associate professor
at the department of the criminal process
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences;
e-mail: m-lavnov@rambler.ru

* * *

Ф. Т. Муминджонов

**ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ТЕРРОРИЗМЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

В статье рассматриваются основные проблемы доказывания по уголовным делам об экстремизме и терроризме, возникающие в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан. Уделяется внимание такому вопросу, как отсутствие эффективности принимаемых правовых мер противодействия экстремизму и терроризму, носящих субъективный и объективный характер; выделяется проблематика дисбаланса полномочий субъектов досудебного доказывания со стороны обвинения и защиты, нарушение государством полномочий участников досудебного доказывания и т. д. Автор делает вывод о важности редакции статей о снятии запрета на использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве и необходимости считать материалы, полученные в процессе оперативно-разыскных, оперативно-боевых мероприятий, источниками доказательств так же, как и показания лиц, проводивших эти мероприятия.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, доказывание, доказательства, досудебное доказывание, субъекты доказывания, законодательство, результаты оперативно-разыскной деятельности, противодействие.

F. T. Muminjonov

**PROBLEMS OF PROOF IN CRIMINAL CASES OF EXTREMISM
AND TERRORISM IN CRIMINAL PROCEEDINGS
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

The article examines the main problems of proof in criminal cases of extremism and terrorism arising in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Pays attention to such problems as the lack of effectiveness of legal measures taken to counter extremism and terrorism, which are both subjective and objective, the problem of imbalance of powers of the subjects of pre-trial evidence by the prosecution and the defense, violation of the powers of the state of the participants of pre-trial evidence, etc. The author concludes that it is important to lift the ban on the use of the results of the operational-investigative activity in criminal proceedings, and the need to consider the materials obtained in the process of operational-search, operational-combat activities, sources of evidence, as well as the testimony of persons who conducted these activities.

Key words: extremism, terrorism, proof, evidence, pre-trial proof, the subjects of proof, the law, the results of the operational-investigative activity, the opposition.

Борьба с преступностью и в Российской Федерации, и в Республике Таджикистан представляет собой обширный комплекс целенаправленных мер, реализуемых государственными органами и гражданами. Выполнение государством программной задачи по искоренению преступности и ее детерминант обеспечиваются организационными усилиями всего общества. Эффективная реализация этой программы возможна только на основе отработанного механизма правоохранительной деятельности государственных органов, принимаю-

щих участие в таком социально важном процессе, как борьба с преступностью.

Органы предварительного расследования и суда занимают центральное место среди субъектов противодействия преступности. Главным инструментом их деятельности является действующее уголовно-процессуальное законодательство, на основании которого они осуществляют доказывание и реализуют конституционные и отраслевые (уголовно-процессуальные) принципы [1, с. 9].

На современном этапе противодействие организованной преступности, в том числе преступле-

ниям террористического характера и экстремистской направленности, имеет большое значение. Тенденция увеличения количества таких преступлений в Российской Федерации и Республике Таджикистан и рост числа уголовных дел, наблюдаемый сегодня, вынуждают органы предварительного следствия и суда принимать адекватные меры: повышать эффективность доказывания по преступлениям данной категории. Достижение этой цели возможно лишь при исследовании проблем доказывания по уголовным делам об экстремизме и терроризме и выработке на основе его результатов мер совершенствования уголовно-процессуальной деятельности.

Среди актуальных проблем, возникающих при доказывании по уголовным делам об экстремизме и терроризме в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Таджикистан, можно выделить недостаточность использования современных технологий досудебного доказывания. Она обусловлена тем, что правоохранительные органы слабо оснащены техническими средствами. Кроме того, нужно отметить низкий уровень знаний, умений и навыков их применения [2, с. 29].

Уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности и террористического характера свидетельствуют о том, что материалы, полученные в ходе оперативно-разыскной деятельности, имеют весомое доказательственное значение. «Успешное раскрытие данного вида преступлений (а также и иных преступлений) подразумевает под собой образование такой доказательной базы обвинения, которая дает возможность продуктивно поддерживать обвинение в суде и уверить суд в виновности обвиняемого по предъявленным ему обвинениям» [3, с. 107].

Сведения, полученные сотрудником оперативно-разыскного подразделения при проведении оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), могут быть использованы как доказательства после допроса конкретного лица в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, (обвиняемого). При возникновении потребности и возможности прямого восприятия лицом, ведущим производство по уголовному делу, обстоятельств дела, обнаруженных в результате ОРМ, эти обстоятельства фиксируются в протоколах следственного или судебного действия, проводимого в порядке, регламентированном уголовно-процессуальным кодексом.

Приобщение материалов оперативно-разыскной деятельности в качестве вещественных доказательств и документов осуществляется исключительно при наличии достоверных данных об их происхождении с соблюдением всех установленных законом требований.

Досудебное доказывание официальными субъектами, относящимися к стороне обвинения, заключается в получении исходной информации знаках преступления, ее проверке, сборе сведений, связанных с преступлением, следственными и иными законными способами, создании на их основе досудебных доказательств и подготовке их представления в суде [4, с. 173].

Принятое в законодательстве и правоприменении разграничение между такими видами доказательств, как процессуальное доказательство, предварительная проверка повода, оперативно-разыскная деятельность, расследование защиты, должно быть заменено разграничением между досудебными и судебными доказательствами. Первые, приводимые обеими сторонами, должны быть признаны деятельностью по получению источников доказательств, из которых могут быть сформированы доказательства в суде — факты, применяемые для обоснования окончательного решения по уголовному делу.

Досудебное доказывание, по мнению А. В. Михеева, следует разделить на две составляющие:

- процессуальное доказывание при участии суда (в формате судебного контроля, итогом деятельности которого выступит получение судебных доказательств);

- получение каждой из сторон источников фактических данных (доказательства могут быть извлечены на судебных этапах в состязательном процессе) [5, с. 87].

Конститутивным содержанием доказывания в ходе предварительного расследования преступлений экстремистской направленности и террористического характера выступает процессуальное обоснование и удостоверение юридической силы информации, полученной в ходе оперативно-разыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, и установление обстоятельств, сопутствующих совершению преступления.

При расследовании указанных преступлений большая проблема заключается в установлении их мотивов. Следственные органы вынуждены доказывать, что экстремистская и террористическая деятельность угрожают конституционному строю государства, его территориальной целостности, конституционным основам межличностных отношений. Для этого следователю необходимо назначать различные экспертизы: судебно-политологические, судебно-психологические и др. [6, с. 185].

Кроме того, следователь обязан иметь высокий уровень правовой подготовки (особенно при расследовании преступлений, по которым экспертиза не проводится). Все вопросы, возникающие во время расследования и судебного разбирательства,

должны решаться им, прокурором, судом. В следственной и судебной практике встречаются случаи назначения и производства экспертизы по иностранному праву и законодательству, но это исключение.

Особым правовым режимом получения доказательственной информации о преступлениях экстремистской направленности и террористического характера является правовой режим контртеррористической операции (далее — КТО). Она складывается из различных видов деятельности правоохранительных органов: оперативно-разыскной, оперативно-боевой, административно-правовой, уголовно-процессуальной и др.

Важнейшие задачи КТО состоят в пресечении, предупреждении, выявлении и раскрытии преступлений террористического характера, а также в изолировании террористов и их пособников. Таким образом, входящие в КТО разновидности предусмотренной законом деятельности правоохранительных органов можно считать особой формой уголовного преследования террористов и их изолирования посредством получения обвинительных доказательств [7, с. 105].

Создание доказательственной базы по обвинению террористов входит в назначение КТО. Основными информационными ресурсами при ее проведении располагают оперативно-разыскная деятельность и сопряженная с ней оперативно-боевая деятельность. Они дают возможность получить фактические материалы в виде предметов, документов, из которых в ходе дальнейшего уголовно-процессуального доказывания могут быть сформированы доказательства, а также поймать с поличным самих преступников [8, с. 438].

Таким образом, в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан необходимо предусмотреть специальные нормы, дающие возможность признания фактических материалов, обнаруженных в ходе КТО, доказательствами по уголовному делу.

Мы солидарны с мнением М. Я. Бутаева о том, что нужно изменить отношение к доказательственному значению результатов оперативно-разыскной деятельности и не останавливаться только на определенной категории изучаемых преступлений. Это положение должно носить доктринальный характер и быть закреплено на уровне Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других федеральных законов [1, с. 65]. Еще раз подчеркиваем важность внесения изменений и дополнений в норму о запрете на использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве и необходимость считать материалы, полученные в ходе оператив-

но-разыскных, оперативно-боевых мероприятий, источниками доказательств так же, как и показания лиц, проводивших эти мероприятия. Фактические материалы оперативно-разыскной деятельности — база для формирования судебных доказательств по уголовным делам, в том числе о преступлениях экстремистской направленности и террористического характера. «Доказательствами фактов, обладающих основополагающим значением по уголовному делу, могут признаваться судом представленные прокурором предметы, документы, иные материалы, полученные органами досудебного уголовного преследования, путем производства гласных или негласных следственных действий и мероприятий, предусмотренных федеральным законодательством, если сведения, содержащиеся в них, доступны верификации и их аутентичность подтверждается в судебном заседании» [7, с. 102].

Для любого уголовного процесса чрезвычайно важна диалектические парные категории — *неотвратимость ответственности* виновных и *безнаказанность*. Чем больше разрыв между ними в конкретном уголовном процессе, тем эффективнее борьба с преступностью (контроль над преступностью), и наоборот. В связи с этим в соответствии с научным диалектическим подходом в уголовном процессе непременно должна быть *общая цель*, которая бы ориентировала его на борьбу с преступностью, например, в таких формулировках, как: «достоверное раскрытие преступлений», «полное раскрытие преступлений», иными словами, объективно-истинное раскрытие преступлений. Представляется, что в этом плане Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан находится в более выигрышном положении, чем Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с его ярко выраженной состязательностью, «чистой состязательностью», где она самодостаточна, самоценна и исключает объективную истину как общую цель уголовного судопроизводства и цель доказывания по уголовным делам, поскольку все решается противоборством сторон обвинения и защиты.

Для состязательного процесса важна победа в правовом споре (конфликте) сторон. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации произошла, на наш взгляд, «подмена понятий»: не раскрыть достоверно преступление, а победить своего процессуального противника в поединке сторон. Стоит отметить, что в ч. 1 ст. 2. Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан закреплена задача «своевременного и полного раскрытия преступлений».

Для Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации характерен принцип релятивизма: все относительно, поскольку в действительности виновный (преступник) может выиграть процесс (дело), используя юридическую поддержку опытных защитников и остаться безнаказанным, а невиновный может потерпеть поражение. Особенно это актуально для преступлений экстремистской направленности и террористического характера: террористические формирования часто обладают огромными материальными средствами, что дает им возможность привлекать к своей защите квалифицированных адвокатов.

Эффективность противодействия экстремистским и террористическим преступлениям зависит от результатов досудебного доказывания, осуществляемого органами предварительного следствия. Данный аспект является наиболее актуальным с учетом опыта зарубежного антитеррористического законодательства, а также предложений по реформированию предварительного следствия. Важен вопрос создания специального правового режима досудебного уголовного судопроизводства при проведении КТО, что позволит повысить эффективность выявления и раскрытия преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

1. Бутаев М. Я. Доказывание по делам о преступлениях террористического характера на досудебных стадиях уголовного процесса (теоретико-прикладной аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016.

2. Мирзоахмедов Ф. А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016.

3. Хайдарзода М. П. Некоторые проблемы, связанные с преступлениями экстремистской направленности и их решение по уголовному законодательству Республики Таджикистан // Глобальные риски — локальные решения: сб. материалов ежегод. междунар. междисциплин. науч.-практ. конф. 2016. С. 103—107.

4. Зайцев О. А., Михеев А. В. Некоторые особенности предмета доказывания по делам о преступлениях экстремистской направленности // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Сосова. 2017. С. 173—177.

5. Михеев А. В. Доказывание по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

6. Ходжаева Н. Б. О совершенствовании правового регулирования института доказательства и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 1. С. 185—194.

7. Деметьева С. В. Преступления террористической направленности в уголовном законодательстве отдельных стран СНГ // Научный вестник Магистр. 2016. № 2. С. 101—107.

8. Христич А. Д. К вопросу доказывания по уголовным делам террористического характера //

1. Butaev M. Ya. Proving cases of crimes of a terrorist nature at the pretrial stages of the criminal process (theoretical and applied aspect). Moscow; 2016.

2. Mirzooakhmedov F. A. Criminal liability for terrorism under the laws of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation (comparative legal research). Moscow; 2016.

3. Haydarzoda M. P. Some problems related to extremist crimes and their solution under the criminal legislation of the Republic of Tajikistan. In: Global risks — local solutions: collection materials of international interdisciplinary scientific-practical conference. 2016: 103—107.

4. Zaitsev O. A., Mikheyev A. V. Some features of the subject of proof in cases of extremist crimes. In: Actual problems of law and law enforcement: proceedings of the International scientific-practical conference. Edited by V. A. Sosov. 2017: 173—177.

5. Mikheev A. V. Proving criminal cases of extremist crimes at the pre-trial stages of the criminal process. Moscow, 2015.

6. Khodzhaeva N. B. On the improvement of the legal regulation of the institution of evidence and proof in criminal proceedings. Bulletin of the Tajik National University. A series of socio-economic and social sciences. 2018; 1: 185—194.

7. Dementieva S. V. Crimes of a terrorist orientation in the criminal legislation of certain CIS countries. Scientific Herald of the Master. 2016; 2: 101—107.

8. Khristich A. D. To the question of evidence in criminal cases of a terrorist nature. In: The destructive influence of terror on the political system and legal environment of the Russian state: materials

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства: материалы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. О. И. Чердакова. 2017. С. 436—443.

© Муминджонов Ф. Т., 2019

Муминджонов Фахриддин Тахирович,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: faha_tj_90@mail.ru

All-Russian scientific-practical conference. Edited by O. I. Cherdakov. 2017: 436—443.

© Muminjonov F. T., 2019

Muminjonov Fahriddin Tahirovich,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: faha_tj_90@mail.ru

* * *

К. В. Проваторова

**СИСТЕМА НОРМАТИВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОБЩИЕ УСЛОВИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Содержание данной статьи посвящено изучению вопроса систематизации общих условий предварительного расследования, выделенных законодателем в главу 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основании проведенного анализа отдельных нормативных положений действующего законодательства, регламентирующих формы предварительного расследования (следствие, дознание и сокращенное дознание), а также некоторых аспектов истории становления, развития и нормативного закрепления правовых институтов дознания, следствия и общих условий предварительного расследования автор статьи приходит к выводу о нелогичности размещения законодателем в главе 22 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Предварительное следствие» ст. 164 «Общие правила производства следственных действий», 165 «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия», 166 «Протокол следственного действия», 167 «Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия», 168 «Участие специалиста», 169 «Участие переводчика», 170 «Участие понятых» и необходимости их отнесения к категории общих условий предварительного расследования.

Ключевые слова: общие условия предварительного расследования, следствие, дознание, формы расследования, кодификация, институт.

К. V. Provatorova

**SYSTEM OF REGULATORY PROVISIONS ON PRELIMINARY INVESTIGATION:
FORMATION AND REFORMING**

The contents of the article are about systemization of general conditions of preliminary investigation, set out by the lawmaker in chapter 21 of the Russian Penal Procedure Code. Based on the analysis of certain provisions of the effective legislation, regulating preliminary investigation forms (investigation, inquest and "abridged" inquest), as well as certain aspects of formation, development and regulatory consolidation of legal institutions of inquest, investigation and general conditions of preliminary investigation, the author of the article draws a conclusion about little logics behind placing by the lawmaker in chapter 22 of the Russian Penal Procedure Code "Preliminary investigation" articles 164 "General rules of investigation", 165 "Court procedure of obtaining a permit on investigative action", 166 "Protocol of investigative action", 167 "Certifying the fact of refusal form signing or impossibility of signing a protocol of investigative action", 168 "Participation of specialist", 169 "Participation of interpreter", 170 "Participation of attesting witnesses", and necessity in their incorporation to the general conditions category of preliminary investigation.

Key words: general conditions of preliminary investigation, investigation, inquest, forms of investigation, codification, institution.

Общие условия предварительного расследования играют важную роль в структурировании уголовно-процессуальной деятельности лидирующих субъектов стадии предварительного расследования, устанавливая для них стандарты и правила производства по уголовным делам.

Различные аспекты общих условий предварительного следствия и дознания освещались в тру-

дах плеяды ученых-процессуалистов, таких как В. Г. Даев, М. С. Дьяченко, Н. В. Жогин, К. Б. Калиновский, Ф. Н. Фаткуллин, В. В. Шимановский, М. А. Чельцов и др. Несмотря на это, в теории до настоящего времени не сложилось единого мнения по поводу понятия общих условий предварительного расследования, определения системы данных условий и выбора ее оптимального ком-

плектования. В связи с этим видится актуальным исследование истории становления и нормативно-го закрепления общих условий предварительного расследования, критериев отнесения отдельных правовых положений к категории общих условий, выделение признаков, характерных только для общих условий предварительного расследования, и исключение случайных свойств данного правового явления, так как результат их обобщения может послужить в дальнейшем основой для разработки единого в уголовно-процессуальной теории понятия общих условий как отдельной правовой категории и фундаментом в вопросах их оптимальной систематизации.

Однако отсутствие официального понятия общих доктрине и правоприменительной практике. Выделение законодателем определенных нормативных положений в качестве «общих условий» из числа других говорит об их доминировании над остальными нормами, входящими в систему правового регулирования стадии предварительного расследования, указывает на их исключительность и универсальность.

Л. В. Головкин считает, что «выделение в рамках кодифицированного законодательного акта неких автономных положений, обозначенных в качестве общих условий, является приемом кодификационной техники, позволяющей обобщить отдельные институты, являющиеся общими по отношению к другим институтам (специальным)» [1, с. 450].

При кодификации норм о предварительном расследовании одним из критериев, по которому «общее» разделяется законодателем со «специальным», выступает форма расследования, в связи с чем общими условиями предварительного расследования являются нормы права, призванные разграничить сами формы расследования и определить подследственность (ст. 150, 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)).

Наиболее значимым критерием для придания специальной норме статуса общего положения (условия) принято считать ее применимость на всех или большинстве этапах, составляющих стадию предварительного расследования, независимо от той формы, в которой осуществляется досудебное производство. В свою очередь, положения, которые регулируют только какой-либо отдельный этап расследования, частную правоприменительную ситуацию, например нормативные положения глав 23, 32 и 32.1 УПК РФ, относят к категории специальных. Мы придерживаемся данной позиции и считаем, что любые общие положения возникают путем выделения таких нормативных установлений и правовых институтов,

которые являются «всеобщими» по отношению к остальным нормам уголовного процесса и, распространяя свое воздействие, должны охватывать каждую из них или их совокупность. Основой обобщения прежде всего, на наш взгляд, выступает сравнение. Сравнивая уголовно-процессуальные нормы между собой, раскрывая их отличия либо схожесть с другими, исследователь может установить существенные связи между отдельными из них. Эти связи способны обозначить новые, более оптимальные пути обобщения и классификации уголовно-процессуальных норм в отдельные группы (возможно, таксономические единицы в виде «класса», «таксона») в соответствии с занимаемым ими рангом в общей системе норм уголовно-процессуального права. Так, сравнительный анализ нормативных положений ст. 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170 УПК РФ, включенных в главу 22 «Предварительное следствие», указывает на то, что данные нормативные установления определяют порядок действий и требования к участникам уголовного судопроизводства, которые применимы не только в ходе предварительного следствия, но и при производстве дознания, в том числе сокращенного. Эта идея находит свое выражение в ч. 1 ст. 223 УПК РФ «Порядок и сроки дознания», где законодатель указал, что «предварительное расследование в форме дознания производится в порядке, установленном главами 21, 22 и 24—29 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей главой» [2, с. 311].

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ «Осуществление и порядок производства дознания в сокращенной форме» «дознание в сокращенной форме производится в порядке, установленном главой 32 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей главой» [2, с. 317]. Так, законодатель в ст. 223 и 226.1 УПК РФ, указывая на возможность применения в ходе дознания, а также сокращенного дознания нормативных положений главы 22 УПК РФ, регулирующих порядок расследования в форме предварительного следствия, тем самым исключает эти нормы из категории специальных, использование которых не должно выходить за рамки отдельной формы — предварительного следствия, и придает им характер общих положений (условий), чье регулятивное воздействие распространяется и на другие формы расследования (дознание и сокращенное дознание).

Нужно также отметить, что закрепленные в главе 22 УПК РФ «Предварительное следствие» правовые положения, предусмотренные ст. 164—167, устанавливающие правила проведения следственных действий и оформления их результатов, касаются не только расследования в форме пред-

варительного следствия, а определяют общие требования для всех возможных следственных действий, что больше соответствует «рангу» общих условий, а не специальных нормативных положений.

Дальнейший анализ указанных статей УПК РФ позволяет нам выделить общее в указанных нормативных положениях, используя простую арифметическую операцию вынесения за скобки по принципу $XL + XM + XN = X(L + M + N)$, где общим по отношению к институтам предварительного следствия, дознания и сокращенного дознания, на наш взгляд, выступают нормативные положения ст. 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170 УПК РФ, которые применимы для каждого указанного правового института в отдельности и выступают таким образом общими правилами по отношению к ним и всей стадии предварительного расследования. Мы считаем, что современная конструкция общих условий предварительного расследования не идеальна, она не отражает объективных закономерностей уголовно-процессуальной деятельности, в связи с чем требует доработки. Полагаем, что в нее должны быть обязательно включены следующие уголовно-процессуальные нормы: «Общие правила производства следственных действий» (ст. 164 УПК РФ), «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» (ст. 165 УПК РФ), «Протокол следственного действия» (ст. 166 УПК РФ), «Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия» (ст. 167 УПК РФ), «Участие специалиста» (ст. 168 УПК РФ), «Участие переводчика» (ст. 169 УПК РФ), «Участие понятых» (ст. 170 УПК РФ). При этом нам представляется спорным мнение некоторых авторов о том, что «глава 21 УПК дает перечень и раскрывает те общие условия производства, которые характерны для производства предварительного расследования, как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания... Наряду с общими условиями производства предварительного расследования, которые характерны и для дознания, и для следствия, в УПК выделены правовые нормы, которые свойственны именно предварительному следствию как наиболее развернутой форме проведения расследования. Эти нормы закреплены в гл. 22 „Предварительное следствие“ (ст. 162—170 УПК)» [3, с. 377, 388].

Систематизация нормативного материала по главам в структуре действующего УПК РФ, где наряду с общими условиями предварительного расследования, закрепленными в главе 21, общими условиями законодателем признаны отдельные нормативные положения главы 22 УПК РФ, на наш

взгляд, выглядит неполноценной. Считаем, что общие условия предварительного расследования для своего эффективного функционирования должны быть четко отграничены от иных нормативных положений, составляющих правовую основу форм расследования на данной стадии уголовного процесса (предварительного следствия, дознания и сокращенного дознания). Нужно учитывать, что надлежащее применение норм действующего законодательства в практической деятельности непосредственно зависит от его качественной теоретической обоснованности и корректной, грамотной систематизации нормативного материала, ведь «неполнота законов в исчислении всевозможных случаев и условий так же, как и общих законодательных определений, могут подать повод к разным недоумениям и толкованиям, весьма вредным на практике» [5, с. 18].

По мнению Л. В. Головки, «чтобы понять суть общих условий, общих положений и т. п., необходимо четко представлять себе специальные положения, т. е. знать, в отношении чего соответствующие условия (положения) являются общими, поскольку общего без специального не бывает» [1, с. 450].

С точки зрения хронологии «специальное» всегда предшествует «общему», поэтому, на наш взгляд, при обосновании своей позиции о необходимости выделения ряда правовых положений в категорию «общие условия» из нормативных положений главы 22 «Предварительное следствие» имеет смысл обратиться к некоторым аспектам исторического развития форм предварительного расследования — следствия и дознания, поскольку без их становления и нормативного закрепления нормами уголовно-процессуального права не существовало бы и самих общих условий предварительного расследования.

Структура, содержание и представление об общих условиях предварительного расследования видоизменялись в отечественном уголовно-процессуальном праве в соответствии с вариативностью правоотношений, складывающихся в рамках уголовного судопроизводства по вопросам установления лица, виновного в совершении преступления, и рассмотрении уголовного дела в случае установления такого, а также в смене субъектов и объектов данных правоотношений, что находило отражение в структурном виде и правовом аспекте нормативных актов и предписаний: Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., уголовных кодексах РСФСР 1922, 1923, 1960 гг. и действующем УПК РФ 2001 г.

Выделение предварительной стадии уголовного процесса происходило в континентальной Ев-

ропе с середины XVI в. В отечественном праве, нашедшем отражение в Своде законов 1832 г., первоначально следствие подразделялось на предварительное и формальное, первое (при наличии поводов к его началу) представляло собой раскрытие преступлений по «горячим следам», розыску и установлению виновного лица, второе проводилось в отношении конкретного лица, обвиняемого в совершении данного преступления, для установления всех обстоятельств его совершения, после чего уголовное дело направлялось в суд. Контроль за надлежащим производством следствия входил в компетенцию начальников губерний, губернских правлений, прокуроров, но как формальное, так и предварительное следствие проводилось полицией и не носило судебного характера. В 1860 г. на основании Указа Императора Александра II в губерниях были введены должности судебных следователей, входящих в состав судебных ведомств, и следствие было отделено от полиции. Приложением к данному указу был издан Наказ судебным следователям, в котором был определен порядок взаимодействия полиции (ей отводились функции дознания) и судебных следователей (они наделялись правом проверять деятельность органов дознания). Полиция должна была раскрывать преступления, следователь, в свою очередь, из материалов, представленных ему полицией, собирал и оценивал доказательства виновности подозреваемых лиц.

С принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства произошла окончательная передача следственных функций в руки судебной власти и отделение друг от друга дознания в качестве полицейской и предварительного следствия в качестве следственно-судебной деятельности. Так, в разделе II «О предварительном следствии» книги II «Порядок производства в общих судебных местах» Устава уголовного судопроизводства была предусмотрена глава I «О лицах, участвующих в производстве предварительного следствия», в соответствии с которой в нее включены разделы, содержащие правовые нормы и об «участии полиции в производстве предварительного следствия» (ст. 250—261), и о «существовании обязанностей и степени власти судебных следователей» (ст. 262—277). Именно в указанный период, связанный с появлением новых субъектов уголовно-процессуальных отношений в виде судебного следователя и полиции, осуществлявшей дознание, зарождается и находит свое законодательное закрепление первое упоминание общих условий предварительного расследования, которым отведена целая глава II «Об условиях производства предварительного следствия» данного раздела

Устава уголовного судопроизводства и содержание которых раскрывалось в ст. 288—296 и определяло место и время производства предварительного следствия [6].

Таким образом, мы видим, что появление, выделение и первое нормативное закрепление общих условий предварительного следствия в отечественном законодательстве во второй половине XIX в. обусловлено исторической необходимостью — «законом, диктующим ход, направление значимого исторического процесса» [7], так как призвано обобщить определенные общие правила судопроизводства для двух отдельных сформировавшихся институтов: полиции (дознания) и судебных следователей.

Вопрос разграничения дознания (несудебной деятельности полиции) и предварительного следствия в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. решался неоднозначно. Например, в УПК РСФСР 1922 г. роль дознания заключалась в сохранении полицией следов преступления, розыске лица, подлежащего уголовному преследованию, и уведомлении следователя о том, что в производстве органа дознания имеется дело, требующее предварительного расследования. При этом отечественный законодатель стремился в концепции данного кодекса продолжить одну из ключевых идей судебной реформы 1864 г. — дифференциацию форм досудебного производства, разграничение функции полиции (дознания) и следствия и попытку переноса розыскных обязанностей со следователя исключительно на орган дознания. Уже в новой редакции УПК РСФСР от 15 февраля 1923 г. наблюдаются тенденции, отличающиеся от положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: обязанность в обнаружении виновного лица возлагается на следователя (ст. 106); в компетенцию органа дознания входит более широкий круг проведения следственных действий (ст. 102), которыми ранее он наделен не был; органу дознания делегируется полномочие подменять следователя, которое нашло выражение в возможности руководствоваться правилами следствия при осуществлении своей деятельности без предварительного следствия.

Таким образом, анализ приведенных правовых положений указывает на то, что, несмотря на признание дознания и следствия совершенно разными институтами уголовного процесса с различными процессуальными ролями, четкие границы между ними постепенно исчезали, следователь из органа судебной власти превратился в орган уголовного преследования.

В дальнейшем в советский период главенствующей мировоззренческой идеей развития пред-

варительного расследования стала следующая: «... с точки зрения единства работы следственно-розыскных органов необходима такая организационная связь их между собой, чтобы они являлись в своей деятельности частями единого следственно-розыскного аппарата, построенного по принципу строгого и реального подчинения в своей деятельности одной части другой (агент розыска — следователь — прокурор)» [8, с. 298]. Данный концепт реализовался в отдельных положениях резолюций V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, состоявшегося в 1924 г., где указывалось на необходимость «...упростить каждую стадию процесса, в том числе предварительное расследование; усилить деловую связь следственных органов с прокуратурой, еще более подчинив деятельность следственных органов прямому и непосредственному руководству прокуратуры; по многим категориям дел признать достаточным производство расследования органами дознания полностью; подчинить следователей прокурорскому надзору в той же мере, что и органы дознания» [1, с. 440].

По словам М. А. Чельцова, «прокурор стал одинаково руководить действиями, как следователя, так и органов дознания. Кроме того, постепенно расширялся круг дел, по которым расследование проводили от начала до конца органы дознания. А вместе с тем на дознание были перенесены все те процессуальные формы, которые установлены законом для предварительного следствия. В итоге основная масса уголовных дел перешла фактически в органы дознания, заменявшие собой следователей» [9, с. 367—368].

В соответствии с принятым 1934 г. Циркуляром Прокурора СССР возбуждение уголовного дела должно было оформляться мотивированным постановлением следователя, в связи с чем возникла необходимость в доследственной проверке, т. е. в проведении предварительных мероприятий в целях установления обстоятельств, достаточных для возбуждения уголовного дела, которую впоследствии заменило дознание.

Изменения объекта уголовно-процессуальных правоотношений, выразившееся в перераспределении полномочий и функций между следствием и дознанием, привело к их объединению в единое понятие «расследование» и формированию советской концепции единой стадии предварительного расследования несудебного типа, нашедшей свое воплощение уже в нормативных положениях УПК РСФСР 1960 г. Выделим главные характеристики данной концепции: предварительное расследование как единая стадия осуществляется в двух формах (следствие и дознание), следова-

тель наделяется процессуальной самостоятельностью, однако лица, осуществляющие дознание, такой не имеют, дознание также осуществляется в двух формах (дознание «с окончанием дела» и дознание в виде неотложных следственных действий). Так, идея разделения предварительного следствия (судебной деятельности) и дознания оказалась утраченной, разграничения между следствием и дознанием стали не столь принципиальными и значительными, и концепция единого предварительного расследования, включающая в себя две формы — дознание и следствие, легла в основу действующего УПК РФ, принятого в 2001 г.

Момент объединения дознания и следствия как двух форм единой стадии предварительного расследования нашел свое отражение и в современной систематизации действующего российского уголовно-процессуального законодательства: во-первых, их нормативные положения входят в одну главу УПК РФ «Предварительное расследование», что отсутствовало в УПК РСФСР 1960 г.; во-вторых, законодателем выделена отдельная глава для закрепления общих правил предварительного расследования (ст. 21 «Общие правила предварительного расследования»); в-третьих, в указанную главу законодателем включены нормативные положения, которые, согласно УПК РСФСР 1960 г., признавались общими условиями исключительно предварительного следствия: «Обязательность предварительного следствия и подследственность» (ст. 126), «Начало производства предварительного следствия» (ст. 129), «Обязательность удовлетворения ходатайств, имеющих значение для дела» (ст. 131), «Место производства предварительного следствия» (ст. 132), «Недопустимость разглашения данных предварительного следствия» (ст. 139), «Протокол следственного действия» (ст. 141), «Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия» (ст. 142).

По нашему мнению, аналогичным преобразованиям при структурировании действующего УПК РФ должны были быть подвергнуты еще несколько нормативных положений, отнесенных в УПК РСФСР 1960 г. к общим условиям предварительного следствия, которые установлены ст. 133.1, 134, 135, 141 («Участие специалиста», «Участие переводчика», «Участие понятых», «Протокол следственного действия»).

Анализ пути становления и развития таких институтов, как дознание и следствие, говорит об отсутствии случайного характера формирования группы общих условий предварительного расследования, обособленных в самостоятельную главу 21 УПК РФ, раскрывает объективную закономер-

ность их появления как отдельной правовой категории и обоснованность выделения из числа других норм, регламентирующих стадию предварительного расследования, в целях единения сближившихся между собой в настоящее время, но ранее противопоставляемых друг другу следствия и дознания ввиду необходимости признания ряда нормативных положений в качестве общих требований (условий), имеющих по отношению к обоим институтам равнозначный регулятивный характер.

Хочется обратиться к словам В. К. Случевского, который считал, что «уголовный процесс испытывает на себе полностью влияние закона эволюции, проявляющего свое действие во всех областях жизни. Нельзя найти ни одного процессуального института, который не хранил бы на себе следа своего происхождения и который бы определился в законодательных постановлениях во вполне законченных формах, не пережив перед этим многих моментов своего развития и не отразив на них следов борьбы с замененными им формами и осиленными им традициями. В этой не знающей перемирия борьбе нового со старым ме-

няются как содержание, так и формы процессуальных институтов» [10, с. 36].

С учетом изучения исторически сложившейся тенденции законодателя к единению дознания и следствия, а также результатов проведенного анализа отдельных нормативных положений современного уголовно-процессуального законодательства нам представляется актуальным рассмотрение проблемы систематизации нормативных положений предварительного расследования действующего УПК РФ, решение которой мы видим в реформировании института общих условий предварительного расследования через расширение его границ путем внесения изменений в ранжирование нормативных положений, регламентирующих основную форму предварительного расследования — предварительное следствие, исключения из состава главы 22 УПК РФ «Предварительное следствие» ст. 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170 и повышение их статуса в системе уголовно-процессуальных норм до ранга общих условий предварительного расследования.

Примечание

* Аналогичную точку зрения высказывает и С.А. Тумашов [4, с. 175].

1. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Безлепкина Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017.

3. Уголовно-процессуальное право: учебник / под ред. проф. П. А. Лупинской. М., 2004.

4. Тумашов С. А. Общие условия предварительного расследования / Уголовный процесс: учебник / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. М.: ЦОКР МВД России, 2006

5. Соколов А. А. Практическое руководство для судебных следователей, СПб.: типография А. Г. Сыркина. 1893. Т. II. Вып. I.

6. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 18.11.2018).

7. Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/termin/istoricheskaja-neobhodimost.html> (дата обращения 18.11.2018).

8. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12—13.

9. Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948.

1. Golovko L. V. Criminal process course. Available from: reference legal system "Consultant Plus".

2. Bezlepkin B. T. Comments on Russian Penal Procedure Code (article by article). Moscow: Prospekt; 2017.

3. Criminal procedure law. Edited by professor P. A. Lupinskaya. Moscow; 2004.

4. Tumashov S. A. General conditions of preliminary investigation. In: Criminal process. Edited by V. G. Glebov, E. A. Zaitseva. Moscow: Personnel centre at the Russia Ministry of Interior; 2006

5. Sokolov A. A. Practical guidelines for court investigators. Saint-Petersburg: A. G. Syrkin's typography; 1893; volume II; issue I.

6. Rules of criminal proceedings November 20, 1864. Available from: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137>. Accessed: 18 November 2018.

7. National philosophic encyclopedia. Available from: <http://terme.ru/termin/istoricheskaja-neobhodimost.html> Accessed: 18 November 2018.

8. Weekly of Soviet justice. 1924; 12—13.

9. Cheltsov M. A. Criminal process. Moscow; 1948.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

10. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство—Судопроизводство. СПб., 1910.

© Проваторова К. В., 2019-03-20

Проваторова Ксения Васильевна,
оперуполномоченный отделения № 5
отдела уголовного розыска
Управления МВД России
по городу Волгограду;
e-mail: knesenska-d@mail.ru

10. Sluchevskiy V. K. Textbook on Russian criminal process. Court organization—Court procedure. Saint-Petersburg; 1910.

© Provatorova K. V., 2019

Provatorova Ksenia Vasilevna,
security officer of department No. 5
of the Criminal Investigation Department
of the Department of the Ministry
of Interior of Russia in the city of Volgograd;
e-mail: knesenska-d@mail.ru

* * *

А. В. Пупцева

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
С СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ И ЭКСПЕРТНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

В статье на основе научных исследований и результатов анализа эмпирического материала рассмотрены ключевые аспекты различных форм взаимодействия при расследовании преступлений, *совершенных несовершеннолетними*. На первоначальном этапе — использование оперативной информации, ориентирующей следователя. В ходе расследования — планирование совместных действий, являющееся организационной основой для объединения усилий различных служб и подразделений, комплексного использования оперативно-разыскных, процессуальных и иных возможностей при расследовании преступлений рассматриваемой категории, где центральное место занимают построение и проверка версий.

Ключевые слова: преступления, совершенные несовершеннолетними; взаимодействие; следователи; сотрудники оперативно-разыскных подразделений; экспертно-криминалистические подразделения; осмотр места происшествия; допрос несовершеннолетнего потерпевшего; допрос несовершеннолетнего подозреваемого; тактические особенности производства очной ставки.

A. V. Puptseva

**FEATURES OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR
WITH EMPLOYEES OF OPERATIONAL AND EXPERT UNITS
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES, MADE IN MINORS**

In the article, on the basis of scientific research and analysis of the empirical material, the key aspects of various forms of interaction in the investigation of crimes committed by minors are considered. At the initial stage — the use of operational information, orienting the investigator. During the investigation — planning joint actions, which is the organizational basis for combining the efforts of various services and divisions, the integrated use of operational investigative, procedural and other capabilities in investigating crimes of the category in question, where building and checking versions are central.

Key words: crimes committed by minors; interaction; investigators; staff of operational and investigative units; forensic units; inspection of the scene; interrogation of a minor victim; interrogation of a minor suspect; tactical features of the confrontation.

Развитие российского общества на современном этапе сопровождается нарастанием социальных и экономических проблем, ослаблением института семьи, увеличением количества разводов и неполных семей, насилием в семьях и т. д., оказывающими большое негативное воздействие на воспитание детей. В результате растет число безнадзорных и беспризорных детей, в детской и подростковой среде распространяется употребление наркотиков и различных психотропных препаратов, алкоголя, следовательно, увеличивается количество правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних.

Термин «несовершеннолетний», несмотря на частое использование в различных отраслях пра-

ва и специальной литературе, до настоящего времени не имеет универсального законодательного определения. В доктрине российского права несовершеннолетним признается лицо, не достигшее определенного возраста, с достижением которого закон связывает его полную дееспособность, т. е. возможность реализации в полном объеме субъективных прав и юридических обязанностей, провозглашенных Конституцией Российской Федерации и другими законами страны.

Взаимодействие следователей с сотрудниками оперативных и иных подразделений органов внутренних играет ключевую роль на всех этапах расследования уголовного дела. Получив материалы с признаками преступления, совершенного несо-

вершеннолетним, следователь определяет направления расследования, планирует, обсуждает, выдвигает версии на совместных совещаниях, согласовывает работу оперативных сотрудников, инспекторов по делам несовершеннолетних, получает от оперативных сотрудников информацию и намечает тактику ее использования, контролирует ход выполнения плана.

Совместное планирование расследования позволяет устранить дублирование, обеспечить согласованность и четкое разграничение функций, прав и обязанностей следователя и сотрудников других подразделений. При таком планировании большое значение имеет выбор действий по реализации оперативных данных на стадии возбуждения уголовного дела.

Основная цель планирования расследования на первоначальном этапе состоит в установлении методов, способов, места и времени совершения преступления, выяснении и установлении причин и условий его совершения. На данном этапе используются, как правило, два вида ориентирующей следователя оперативной информации:

- о действиях и поведении лиц, причастных к преступлению, действиях по сокрытию преступления и противодействию расследованию;
- местонахождении объектов, имеющих значение для дела (используется при решении вопроса о проведении следственного осмотра, проверки показаний на месте, обыска, выемки).

Непосредственное ознакомление следователя с оперативными материалами или информацией на первоначальном этапе расследования позволяет ему выбрать именно ту информацию, которая поможет раскрыть преступление. Как показывает следственная практика, ни следователь, ни оперативный сотрудник не должны быть ограничены в ознакомлении с информацией на всех этапах совместной работы. При этом не имеется в виду вмешательство следователя в оперативно-разыскную деятельность. Налицо различие средств и методов деятельности рассматриваемых субъектов взаимодействия [1, с. 110]. Здесь подойдут иные формы взаимодействия следователя и оперативного сотрудника:

- взаимные консультации;
- взаимопомощь в фиксации результатов следственных действий, оценке доказательственной и ориентирующей информации;
- совместная информационно-аналитическая работа;
- совместное принятие тактических решений, направленных на определение содержания расследования [2].

С согласия своего начальника сотрудник оперативного подразделения на любой стадии документирования преступной деятельности разрабатываемых им лиц вправе обратиться к руководителю следственного подразделения за помощью в правовой оценке имеющейся оперативной информации. Руководитель в свою очередь с учетом специализации и наличия допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, определяет следователя, который оказывает необходимую помощь, либо самостоятельно дает оперативнику соответствующие рекомендации. Задача следователя состоит в анализе имеющихся материалов, консультировании сотрудника органа дознания, совместном планировании дальнейшей деятельности и т. д.

Помимо объективных факторов, обуславливающих необходимость взаимодействия следователя и сотрудников оперативно-разыскных подразделений, большое значение имеют субъективные факторы, среди которых: незнание оперативниками сущности формирования доказательств по уголовным делам, что приводит к бессистемному подбору материалов; неумение оперативных сотрудников дать правильную правовую оценку оперативной информации, что связано с отсутствием у них достаточных знаний положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства и навыков применения их на практике; отсутствие у значительного количества следователей и оперативных сотрудников необходимого опыта работы по данному направлению и др.

Только комплексное использование уголовно-процессуальных возможностей следователя и оперативных средств и методов, находящихся в распоряжении оперативно-разыскных подразделений, позволяет успешно расследовать и раскрывать преступления. Участие следователя в определении возможностей использования оперативных данных и путей их процессуального закрепления повысило бы эффективность деятельности оперативно-разыскных подразделений.

В рамках непроцессуальных форм взаимодействия следователя с экспертами-криминалистами на стадии возбуждения уголовного дела их знания могут существенно помочь ему при: подготовке к производству следственных действий; выдвижении следственных версий; производстве предварительных исследований следов и объектов; необходимости получения консультаций и справочных материалов; использовании учетно-регистрационных систем экспертных подразделений; совместной согласованной деятельности в составе следственно-оперативной группы; составлении розыскных таблиц по результатам исследования веще-

ственных доказательств; изготовлении субъективных портретов и т. д.

Консультационная помощь специалиста следователю может быть оказана в устной и письменной форме (в виде справки), способствует подготовке качественных материалов для экспертизы, включая формулирование вопросов эксперту и подбор образцов для сравнительного исследования; подготовке к проведению следственных действий и оценке их результатов, а также выводов эксперта и т. д.

Эксперт-криминалист также может оказать существенную помощь следователю при подготовке к допросу несовершеннолетнего подозреваемого с использованием следов и иных вещественных доказательств, обыску, предъявлению для опознания и т. п. Столь же важной может оказаться его помощь и при оценке результатов некоторых следственных действий, например следственного эксперимента, когда от сходства обстановки экспериментального и проверяемого событий зависит достоверность результатов проведенных опытов.

При взаимодействии в форме получения консультации сотрудник экспертно-криминалистического подразделения помогает следователю правильно оценить те или иные факты или явления, признаки и свойства материальных объектов; получить актуальную информацию о личности несовершеннолетнего, способе совершения и сокрытия преступления, похищенных предметах.

Без взаимодействия следователя с указанными выше подразделениями невозможно и проведение следственных и иных процессуальных действий в ходе расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Одним из условий успешного расследования дел рассматриваемой категории является взаимодействие с подразделениями (отделами, отделениями) по делам несовершеннолетних (ПДН). Необходимо использовать следующие основные формы взаимодействия: получение из ПДН сведений о подростках, склонных к совершению преступлений, в ходе проверки версии о совершении неочевидного преступления несовершеннолетними; сообщение в ПДН полученных при расследовании преступлений данных о неблагополучных семьях, подростках, другой информации, представляющей интерес, а также направление справок-характеристик на несовершеннолетних обвиняемых; истребование из ПДН справок о личности несовершеннолетнего обвиняемого, условиях его жизни и воспитания; изучение следователем материалов профилактического дела на несовершеннолетнего, состоящего на учете в ПДН; поручение ПДН обследовать условия жизни и воспита-

ния несовершеннолетнего, если соответствующие материалы отсутствуют в профилактическом деле (о результатах обследования следователю представляется справка); направление следователей в ПДН копий представлений и ответов на них; подготовка и внесение совместных представлений; оказание ПДН помощи следователю в организации выступлений в коллективах по материалам расследованных уголовных дел, а также подготовка совместных выступлений; совместные сообщения в средствах массовой информации.

При выборе тактики производства следственных действий при расследовании преступлений несовершеннолетних необходимо учитывать характеристику личности подростка: недостаток жизненного опыта, незавершенность формирования принципов, правил, понятий, критериев самооценки и оценки окружающих и, как следствие, неумение (неспособность) осознать истинный смысл происходящих событий, доверчивость, повышенная эмоциональность, возбудимость и внушаемость, податливость уговорам и угрозам, неуравновешенность, импульсивность, стремление подражать старшим, переоценка своих возможностей. Учет этих факторов накладывает на следователя дополнительные обязанности, во многом определяет особенности методики расследования, формирует тактику действий. Его взаимоотношения с несовершеннолетними не только должны строиться в соответствии с процессуальными нормами, но и охватывать широкий спектр нравственных и психологических начал. Подросток должен видеть, что следователь уделяет его делу необходимое внимание, стремится установить истину, относится объективно, реагирует на просьбы, жалобы, ходатайства. По таким делам очень важно, чтобы следователь стал авторитетом, примером для подражания.

Важным моментом расследования, как с тактической, так и с воспитательной позиции, является установление психологического контакта. Для этого, прежде всего, нужно тщательно изучить личные качества, которые способствуют установлению контакта (общительность, откровенность и т. д.) или, наоборот, затрудняют его (замкнутость, скрытность, озлобленность, лживость, вспыльчивость и др.). Немалую роль при этом способно сыграть знание увлечений, свойственных подростковым группам: спорт, музыка, компьютерные игры и т. п. Следователь совместно с оперативником и инспектором отделения ПДН должен собрать подобную информацию в кратчайшие сроки. На подростка оказывают значительное влияние не только слова и поступки, но и внешний вид следователя, его внимательность, сосредоточенность,

безупречное знание материалов дела. Для преодоления скрытности, замкнутости, упрямства подростка неприемлемы развязность, грубость, вспыльчивость и т. п.; должны быть максимально использованы убеждение, корректность, вежливость в сочетании с твердостью и терпением.

Необходимо рассмотреть особенности таких следственных и процессуальных действий, как осмотр места происшествия, задержание, допрос несовершеннолетнего подозреваемого, очную ставку с участием несовершеннолетнего.

У следователя уже при выезде на осмотр места происшествия может сложиться образ возможной личности преступника (несовершеннолетнего). Иногда и само место преступления указывает на причастность подростка к совершению преступления: это газетные и коммерческие киоски, трамвайно-троллейбусные кассы, школьные буфеты или столовые, учебные кабинеты и т. д.

Об участии в преступлении подростков могут свидетельствовать и особенности способа его совершения: отсутствие целеустремленной, продуманной подготовки к преступлению; несложные пути проникновения в помещение; выбор способов взлома, не требующих большой физической силы; использование для проникновения узких проемов; малый вес похищенного; отсутствие профессиональных и преступных навыков; использование в качестве орудий преступления предметов повседневного обихода; непоследовательность действий на месте преступления, разбрасывание предметов окружающей обстановки и не вызываемое необходимостью их уничтожение; совершение на месте преступления озорных и циничных действий; причинение множественных повреждений потерпевшему; непринятие мер к сокрытию преступления.

Совершение преступления подростком могут подтверждать и особенности отдельных следов: малый размер следов зубов, пальцев, ладони, ног, обуви; головной убор, одежда, обувь преступника или их следы, указывающие на подростковый возраст владельца этих вещей; предметы, которые чаще всего носят с собой подростки, и т. д.

В уголовно-процессуальном законодательстве основание и порядок задержания несовершеннолетнего подозреваемого регламентирует ст. 423. Ее положения в полной мере соответствуют требованиям международных стандартов в сфере охраны прав несовершеннолетних. Как известно, молодежь особенно болезненно реагирует на нанесение ущерба репутации. Результаты следственно-судебной практики по вопросу о нанесении ущерба репутации свидетельствуют о различного рода отрицательных последствиях, связанных

с постоянным применением по отношению к молодым людям таких определений, как правонарушитель или преступник.

Когда мы говорим о процессуальном задержании несовершеннолетнего подозреваемого, то имеем в виду, что в данный момент уголовное дело уже возбуждено. Задержание несовершеннолетнего лица по подозрению в совершении преступления может иметь место лишь при наличии реальных оснований, указанных в ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

УПК РФ подробно регламентирует участие законного представителя несовершеннолетнего в ходе досудебного производства. Он допускается к участию в уголовном деле в отношении несовершеннолетнего с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого и наделен широкими правами для защиты прав и интересов несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (ч. 2 ст. 426 УПК РФ, правило 15.2 Пекинских правил).

Законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого может быть отстранен от участия в уголовном деле, если выяснятся конкретные доказательства того, что он своими действиями может нанести ущерб интересам несовершеннолетнего. Отстранение законного представителя также происходит через постановление следователя.

Особо отметим, что, как уже было сказано, в соответствии с УПК РФ законный представитель несовершеннолетнего допускается к участию в деле с момента первого допроса подозреваемого. Однако согласно следственной практике, например, родители, которые пока еще не являются законными представителями, неофициально присутствуют в отделе полиции со своим ребенком с момента не только процессуального, но и фактического задержания, если данное процессуальное действие происходит по месту жительства несовершеннолетнего подозреваемого. В связи с этим хотелось бы обратить внимание законодателя на необходимость внесения изменений в действующий УПК РФ и регламентации участия законных представителей не с момента первого допроса подозреваемого (обвиняемого), а раньше — с момента фактического либо процессуального задержания.

Доказательства, подтверждающие обоснованность задержания, должны быть отражены в материалах уголовного дела. Но это не всегда достижимо, так как лицо может быть задержано в момент или после совершения преступления. В подобных ситуациях, на наш взгляд, задержание возможно и без предыдущего производства следственных действий. После процессуального

оформления задержания такие действия незамедлительно должны быть произведены, и результате в уголовном деле будут закреплены конкретные фактические основания для применения данной меры процессуального принуждения.

Особую сложность при расследовании анализируемой категории дел представляет допрос несовершеннолетних подозреваемых. Это обусловлено не только особенностями психики несовершеннолетнего, но и своеобразным порядком допроса в плане гарантии его объективности: участием педагога, врача, родителей, защитника [3, с. 228].

Характер и тактика допроса зависят от отношения подростка к обвинению. Если подросток признает себя виновным, следователь обязан тщательно проверить достоверность такого признания, поскольку его в основе может лежать самооговор из чувства ложного товарищества, «геройства», желания скрыть взрослых организаторов. При оценке показаний несовершеннолетнего нужно иметь в виду, что, если подросток дает правдивые показания, а следователь в результате ненадлежащей их оценки применяет меры для преодоления лжи, это может привести к нарушению психологического контакта между ними, допрашиваемый может замкнуться, что осложнит проведение данного следственного действия. Видя, что несовершеннолетний дает ложные показания, следователь должен выяснить, что стоит за ними: избранная «легенда», отрицательное отношение к следствию, угроза, чувство неправильно понимаемого товарищества, солидарности. Любая нестыковка с обстоятельствами совершения преступления должны быть перепроверена.

Очную ставку с участием несовершеннолетних необходимо проводить в исключительных случаях и с большой осмотрительностью. На участие в ней подростки идут крайне неохотно. Основные мотивы при этом: боязнь прослыть предателем и опасение возмездия. Проведение очной ставки обычно полностью нарушает психологический контакт, установившийся между следователем и подростком. Главное же заключается в опасности того, что он изменит свои показания под влиянием другого участника, в особенности если тот — взрослый соучастник преступления. Подростку иногда трудно разобраться в сложной ситуации, и если взрослый даже после очной ставки продолжает отрицать свою вину, это может серьезно поколебать позицию несовершеннолетнего, привести к изменению им своих показаний, даже без каких-либо видимых угроз со стороны взрослого.

Не менее трудным является производство очной ставки и между самими несовершеннолетни-

ми. Изобличающие показания другой участник обычно объясняет существующими между ними плохими взаимоотношениями.

Если есть возможность устранить противоречия иным путем, не прибегая к очной ставке, то следователь должен ею воспользоваться. Противоречия могут быть устранены путем анализа собранных доказательств, истребования необходимых документов, проведения следственных экспериментов, проверки показаний на месте и т. д.

При подготовке к очной ставке изучаются данные ранее показания допрошенных лиц, составляется подробный план, заранее формулируются вопросы и определяются их последовательность и последовательность допроса участников. Педагог, родители, законные представители и психолог присутствуют на очной ставке в соответствии с порядком, установленным для их участия в проведении допроса.

Таким образом, организация взаимодействия следователя с сотрудниками указанных выше подразделений предполагает согласованность действий по целям, месту и времени, как самостоятельных, в рамках своей компетенции, так и совместных — с другими службами органов внутренних дел.

В широком смысле — это организация постоянных деловых контактов между подразделениями уголовного розыска, инспекцией ПДН и криминалистическими службами в борьбе с преступностью несовершеннолетних, обеспечивающих:

- взаимодействие по выработке стратегии борьбы с преступностью подростков;

- проведение совместных совещаний на разных уровнях, направленных на повышение оперативности взаимного информирования; использование сил субъектов взаимодействия в мероприятиях по оперативной проверке материалов и разработке несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступлений; проведение оперативно-профилактических операций;

- регулярный обмен опытом борьбы с преступностью несовершеннолетних;

- использование в борьбе с преступностью несовершеннолетних возможностей иных государственных органов и негосударственных учреждений и организаций;

- совместное принятие мер, направленных на устранение обстоятельств, способствующих преступности несовершеннолетних.

В узком смысле — это отношения следователя, сотрудника оперативного подразделения, эксперта-криминалиста и инспектора подразделения ПДН, возникающие в связи с проведением конкретных следственных (процессуальных) действий

и мероприятий: от получения и оценки исходной информации до материального, оперативно-

технического и следственного обеспечения реализации собранных данных.

1. Пупцева А. В., Скориков Д. Г. Процессуальные формы взаимодействия следователя с оперативными службами при расследовании преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 109—113.

2. Пупцева А. В. Основные факторы взаимодействия следователя и органа дознания в ходе расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования: свидетельство. Эл. № ФС77-34132. 2015. № 2. Ч. 1.

3. Пупцева А. В. Психологические и тактические особенности допроса несовершеннолетних // Проблемы современной юриспруденции: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. (15 февраля 2016 г.) / сост. Д. В. Васильев, ред. кол. Д. В. Кайргалиев. Волгоград: Изд-во Поликарпов И. Л., 2016. С. 227—229.

© Пупцева А. В., 2019

Пупцева Анна Викторовна,
начальник кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

1. Puptseva A. B., Skorikov D. G. Procedural forms of interaction between an investigator and operational services in the investigation of crimes of an extremist nature. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2016; 3 (3): 109—113.

2. Puptseva A. B. The main factors of interaction between the investigator and the body of inquiry during the investigation of crimes. Modern problems of science and education: evidence. Al. No. FS77-34132. 2015; 2; part 1.

3. Puptseva A. B. Psychological and tactical features of interrogation of minors. In: Problems of modern jurisprudence: collection of articles of the International scientific-practical conference, 15 February 2016). Compiler D. V. Vasilyev. Edited by D. V. Kairgaliev. Volgograd: Polikarpov I. L.; 2016: 227—229.

© Puptseva A. V. 2019

Puptseva Anna Viktorovna,
head of the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical science, docent;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

* * *

Е. И. Свежинцев

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПОЛУЧЕНИЯ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ,
СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ЭЛЕКТРОННЫХ СИСТЕМАХ ОБМЕНА СООБЩЕНИЯМИ (ДАННЫМИ)**

Статья посвящена дискуссионным вопросам реализации правоприменителями процессуальных средств получения доступа к информации, находящейся на серверах различных электронных систем обмена сообщениями (данными). Автором дается оценка введенных Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374 изменений в федеральные законы «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части хранения до шести месяцев различного вида сообщений и данных пользователей на серверах организаций, предоставляющих услуги связи, а также серверах организаторов распространения информации в сети «Интернет», с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. В результате проведенного анализа предлагается ввести оптимальный объем общей хранимой на серверах информации, а в случае необходимости получения правоприменителями сведений о совершаемой лицом преступной деятельности, последние могут запросить сбор всей необходимой информации. Кроме того, рассматриваются вопросы получения правоприменителем информации путем ее копирования непосредственно с сайта социальной сети с последующим ее процессуальным оформлением.

Ключевые слова: мессенджеры, электронная почта, доступ к информации, выемка, копирование, изъятие, электронные сообщения, социальные сети.

Е. I. Svezhintsev

**CRIMINAL-PROCEDURAL MEANS OF OBTAINING ACCESS TO INFORMATION CONTAINED
IN ELECTRONIC EXCHANGE MESSAGES (DATA) SYSTEMS**

The article deals with the issues to implement procedural means to obtain access to information by law enforcers. This information is contained on servers of various electronic exchange messages (data) systems. The author assesses the amendments to Federal Law «On Communication» and Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» to be introduced by Federal Law № 374 dated 6 July 2016 in terms of storing various types of messages and users data up to 6 months on organization communication and connection servers as well as on servers of organizers spreading information in Internet since they have received, transmitted and delivered and (or) processed information. Having analyzed the situation the author suggests determining an optimal amount of general information stored on servers and if it is necessary for law enforcers to obtain information related to criminal activity committed by a person. Law enforcers may inquire collecting all necessary information. The author also considers issues to obtain information by a law enforcer by copying it directly from social network site and its subsequent procedural processing.

Key words: messengers, e-mail, access to information, seizing, copying, confiscation, e-mail messages, social networks.

В современном технологически развитом обществе невозможно себе представить процесс передачи информации без использования мобильных электронных устройств и ресурсов сети «Интернет». К сожалению, указанные информационные и коммуникационные технологии используют не только законопослушные граждане и организации, но и преступные «элементы» в целях осуществления своих противоправных дей-

ствий. Данный факт вызывает у правоприменителей большой интерес в контексте документирования преступной деятельности и доказывания обстоятельств совершенного деяния, что обуславливает их желание в оптимальном режиме получать доступ к информации, содержащейся в электронной почте, SMS и MMS, мгновенных сообщениях Skype, Viber и WhatsApp, а также сообщениях, содержащихся в приложениях популярных социаль-

ных сетей и, в общем, в сети «Интернет» [1, с. 321]. Однако до сих пор в этой сфере не урегулирован ряд вопросов: 1) не выработан единый алгоритм получения указанной информации при помощи имеющегося арсенала уголовно-процессуальных средств, используемого следователем при сборе доказательственной базы, как в ходе процессуальной проверки, так и при производстве по уголовному делу; 2) нет четкого разграничения статуса данной информации, что затрудняет процедуру получения и оперирования ею.

При анализе первого блока проблем необходимо исходить из общих положений учения о средствах доказывания в уголовном судопроизводстве в целом, интерпретируя эти концепты применительно к процедурам получения информации на стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. Так, для стадии возбуждения уголовного дела характерно ограниченное количество познавательных инструментов, предоставленных правоприменителю в целях установления наличия или отсутствия признаков преступления, необходимых для принятия процессуального решения. Это обусловлено ограниченностью задач, решаемых на первоначальном этапе уголовного судопроизводства: указанная стадия, в отличие от предварительного расследования, не направлена на установление всех обстоятельств преступления, предусмотренных ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Кроме того, ввиду ярко выраженного принудительного характера большей части следственных действий, выступающих самым распространенным способом получения доказательственной информации, законодатель предоставляет возможность использования на стадии возбуждения уголовного дела ограниченного арсенала средств доказывания [2]. Данная особенность доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, а также то обстоятельство, что на основании действующего законодательства [3] многие виды сведений относятся к категории ограниченного доступа, делает для правоприменителя невозможным получение большей части информации. Самые доступные на первоначальном этапе досудебного производства познавательные инструменты (истребование предметов и документов, осмотр предметов и документов, добровольное их предоставление) не способны в полной мере обеспечить правоприменителю возможности по собиранию того объема сведений, который становится доступным в рамках возбужденного уголовного дела по запросу следователя (дознателя) или на основании судебного решения.

По нашему мнению, одним из путей оптимизации получения информации в ходе проверки является разработка четкой нормативной регламентации такого проверочного мероприятия, как истребование. В правоприменительной практике сложилась такая процедура, когда при необходимости истребовать материалы от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц составляется письменный запрос со ссылкой на ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Но в то же время в самой норме порядок составления такого запроса и сроки ответа на него не закреплены.

Полагаем, есть необходимость в дополнении УПК РФ новыми нормами, закрепляющими порядок направления данного запроса, содержание самого запроса и установление конкретных сроков ответа на запрос лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. При этом в случае нереальности выполнения организацией или гражданином требования о предоставлении ответа в обозначенный срок, следует законодательно установить возможность продления такого срока путем направления официального уведомления.

Кроме того, стоит уделить внимание такому процессуальному действию, как добровольное предоставление информации самими участниками процессуальной проверки. Особый акцент при этом хотелось бы сделать на возможности получения ими из организаций сотовой связи и организаций, являющихся распространителями информации в сети «Интернет», тех сведений, которые возникли в ходе информационных процессов, проходящих в период осуществления преступной деятельности. При этом логичным упрощением такого процессуального действия будет получение письменного согласия от участников проверки на доступ к указанной информации, направленное правоприменителем вместе с официальным запросом в соответствующую организацию с соблюдением требования ст. 7 Федерального закона «О персональных данных», ст. 63 Федерального закона «О связи».

Следующей стадией досудебного производства является предварительное расследование. Данная стадия играет особую роль в уголовном судопроизводстве, так как именно на ней органы уголовного преследования собирают комплекс доказательств, на основании которых принимается решение о совершении лицом преступления и необходимости направления уголовного дела в суд.

Можно заключить, что в контексте информационного обмена в уголовном судопроизводстве в основе деятельности, осуществляемой правоприменителем на указанном этапе, лежат процессы получения, исследования, оценки и использо-

вания юридически значимой информации. Полученная по различным каналам такая информация имеет либо непосредственное доказательственное значение по уголовному делу либо способствует получению других сведений, необходимых для принятия правоприменителем итогового решения в рамках досудебного производства.

Всю информацию, относящуюся к расследуемому преступному деянию, **в частности содержащуюся в электронных системах обмена сообщениями и данными, в соответствии с категориями доступа** можно разделить на *общедоступную и ограниченного доступа*, причем **информацию ограниченного доступа по способу получения** можно разделить на *предоставляемую по запросу или по судебному решению*. Если с общедоступной информацией вопросов у правоприменителя не возникает, то работа с видами информации ограниченного пользования нередко связана с рядом проблем ввиду того, что по каждому виду тайн уровни ограничения устанавливаются законодателем самостоятельно.

В пункте 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ устанавливается лишь одно положение о том, что суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях. К информации ограниченного доступа можно отнести личную и семейную тайну, которые могут быть затронуты при производстве следственных действий, предусмотренных ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ, которые также проводятся по судебному решению. Иными словами, можно констатировать, что в уголовно-процессуальном законодательстве лишь фрагментарно регламентируется общая процедура получения сведений ограниченного доступа.

Хотелось бы сделать особый акцент на анализе имеющихся средств получения правоприменителем информации из мобильных электронных устройств и сети «Интернет», так как часто именно указанная информация имеет решающее значение для продуктивного расследования преступления. Кроме того, регулирование в уголовно-процессуальном законодательстве обращения с данным видом информации содержит множество пробелов и противоречий.

С середины 2016 г. законодательно закреплена процедура получения сведений, содержащихся в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, путем их осмотра и выемки. Это стало возможным благодаря введению в ст. 185 УПК РФ новой части 7 [4],

согласно которой при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка. Теперь правоприменитель имеет возможность получить информацию, находящуюся у провайдеров электронной почты, мгновенных сообщений Skype, Viber, WhatsApp и Telegram, а также в социальных сетях и иных сервисах. При этом ряд ученых [5, с. 194] и сам законодатель [6] акцентируют особое внимание на обязательном участии специалистов в области компьютерных технологий при производстве указанных видов следственных действий в целях осуществления ее копирования либо изъятия вместе с электронным носителем. В то же время выявляются некоторые неточности в законодательных формулировках ст. 185 УПК РФ, из-за которых у правоприменителей могут возникнуть трудности при реализации доступа к значимой для уголовного дела информации. Так, если мы обратимся к ч. 1 этой же статьи, согласно которой может быть наложен арест только на предметы, документы или сведения, имеющие значение для уголовного дела, содержащиеся соответственно в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях, можно заметить отсутствие в этом перечне понятия «электронное сообщение». По данному поводу В. Ф. Васюковым был проведен анализ понятий «другие почтово-телеграфные отправления» и «электронное сообщение», которые, по его мнению, отличаются по своей правовой природе. Используемая формулировка «изъятие», не применима для «электронного сообщения», так как оно не может быть полностью технически изъято из одного места и перемещено в другое. В. Ф. Васюков правильно подчеркивает, что корректнее говорить о его копировании, в связи с чем необходимо внесение в ч. 7 ст. 185 УПК РФ изменения: «...следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и копирование» [7, с. 18]. Полностью согласны с необходимостью указанных изменений и хотели бы еще дополнить, что необходимо внести изменения в название самой статьи, а именно: «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, *электронные сообщения*, их осмотр, выемка и копирование», причем вопрос о времени хранения указанными сервисами данной информации решен законодателем путем принятия Федерального закона № 374-ФЗ от 6 июля 2016 г., согласно ст. 13 которого в Федеральный закон № 126 «О связи», внесено изменение, обязывающее операторов связи на территории Российской

Федерации хранить информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи — в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий, а также о том, что текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи — хранить до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. Кроме того, ст. 15 этого федерального закона в Федеральный закон № 149 «Об информации» были внесены аналогичные изменения, которые регулируют сроки хранения сведений организатором распространения информации в сети «Интернет» [8].

Указанный закон, прозванный в различных источниках «пакетом Яровой и Озерова», был весьма негативно встречен различными общественными организациями, правозащитниками, в том числе Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Последний отметил, что ряд положений закона противоречит Конституции Российской Федерации и Уголовному кодексу Российской Федерации, а «антитеррористический пакет» нельзя признать «серьезно проработанной мерой» для борьбы с терроризмом [9]. Кроме того, против его принятия высказывались представители мобильных операторов, интернет провайдеров, ряд авторитетных политологов и экспертов в области IT-индустрии, таких как Павел Дуров (основатель сети «ВКонтакте»), Эдвард Сноуден, Аркадий Волож (один из основателей компании Яндекс), Герман Клименко (советник Президента по вопросам Интернета) и др. При этом, осознавая тот факт, что основным предназначением «пакета Яровой и Озерова» является эффективная борьба с терроризмом, хотелось бы выделить ряд тезисов.

Во-первых, даже если учесть положения ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которым права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны и безопасности государства, то получается, что этот «антитеррористический пакет» является вынужденной мерой для защиты граждан и государства от одноименной угрозы. Озвученные выше изменения закона (в части сохранения информации операторами связи и организаторами распространения информации в сети Интернет в целях защиты от террористической угрозы), по нашему

мнению, являются не совсем эффективными, так как террористы и экстремисты давно применяют одноразовые телефоны с сим-картами, шифрование диалогов при помощи условных выражений и кодовых слов, в связи с чем выборка по ключевым словам теряет свою актуальность. Кроме того, для обработки такого количества информации потребуется дополнительный штат сотрудников и введение новых «цифровых мощностей».

Во-вторых, сегодня и в ближайшем будущем, как правильно подмечено множеством ученых [10] и общественных деятелей [11], то гигантское количество информации (текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовая информация, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи), которое необходимо будет хранить в течение шести месяцев, нет возможности где-либо разместить физически, а мероприятия по созданию и настройке соответствующих хранилищ данных по примерным подсчетам обойдутся в 22,7 миллиарда долларов [12]. В бюджете указанные затраты не предусмотрены, и маловероятно, что государство сможет изыскать указанные средства. Интернет-компании и сотовые операторы для покрытия этих непредвиденных расходов будут вынуждены поднять тарифы на все виды услуг в 3—5 раз.

По нашему мнению, выходом из ситуации было бы обязать операторов связи и организаторов распространения информации в сети «Интернет» хранить **информацию о фактах** приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных как электронных, так и простых сообщений пользователей услугами связи и пользователей сети «Интернет», а в случаях когда имеются основания полагать, что лицо осуществляет преступную деятельность, в том числе террористическую, сотрудники оперативных подразделений, а также следователь (дознатель) в рамках расследования уголовного дела могут потребовать осуществление сбора текстовых сообщений пользователей услуг связи и сети «Интернет», голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иных как электронных, так и простых сообщений пользователей услугами связи и сети «Интернет» в пределах сроков и объемов, необходимых для пресечения противоправной деятельности и полноценного расследования уголовного дела.

Кроме того, необходимо уделить особое внимание подписанию международных договоров по сотрудничеству отечественных правоохранительных органов с международными организациями, являющимися организаторами распространения информации в сети «Интернет». В настоящий пе-

риод с ними сложно наладить контакт в части предоставления последними информации, необходимой для производства расследования уголовного дела. Причем ряд таких организаций имеют в России головные офисы только в Москве, а некоторые только за рубежом.

Хотелось бы отметить, что под «антитеррористический пакет» Яровой и Озерова также попадает весь банковский сектор и, по сути, вся финансовая сфера государства. Под угрозой может оказаться охраняемая государством банковская тайна, ведь, к примеру, такие финансовые системы, как SWIFT, будут дискредитированы, если их заставят выдавать ключи шифрования на основании положений «антитеррористического пакета».

Продолжая анализ различных видов информации, которые находятся в сети «Интернет», необходимо отметить тот факт, что любая информация, содержащаяся на серверах и доменах сети «Интернет», также может подразделяться на общедоступную информацию и информацию ограниченного доступа, что находит свое подтверждение в ст. 9 Федерального закона № 149 «Об информации». Это влияет на возможности правоприменителей по получению доступа к соответствующей категории сведений.

Согласно результатам проведенного нами в 2017—2018 г. анкетирования правоприменителей (опросом было охвачено 250 практических работников органов предварительного расследования в Волгоградской, Астраханской, Тверской, Саратовской, Воронежской, Тамбовской областях, Республике Крым), около 66 % респондентов при направлении запроса сталкиваются с проблемой получения официальной информации о гражданах, зарегистрированных в социальных сетях, от представителей интернет-организаций, так как последние их игнорируют. Как говорилось выше, очень часто офисы указанных организаций находятся либо за границей, либо в одном регионе России. Нередко по указанному юридическому адресу фактически находится один представитель для принятия корреспонденции, который не исполняет запрос органов предварительного расследования. Это, безусловно, затрудняет доступ к информации и создает сложности в расследовании, так как, во-первых, затягивает срок расследования, а во-вторых, утрачивается внезапность в проведении отдельных следственных действий. Между тем из указанной информации можно получить сведения, характеризующие личность, и другие ориентирующие данные: психологический портрет, круг общения, имеющаяся собственность, материальное состояние, место пребывания, информация о возможных участниках организован-

ной преступной группы, сведения, необходимые для подготовки к отдельным следственным действиям (допрос, очная ставка) или в целом для планирования расследования отдельных видов преступлений. Значимость информации из социальных сетей подчеркивают и другие авторы [13, с. 141].

Представляется, что режим обращения с такими сведениями сотрудники правоохранительных органов должны выстраивать по правилам 4 ст. 7 Федерального закона № 149 «Об информации», согласно которой информация, размещаемая ее обладателями в сети «Интернет» в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования, **является общедоступной информацией, размещаемой в форме открытых данных**. Это служит основанием для вывода, что информация о личности, которая хранится в социальных сетях, может быть беспрепятственно использована правоприменителем при расследовании преступлений, так как на указанную информацию не распространяются требования Федерального закона № 152 «О персональных данных» ввиду того, что доступ к этим данным разрешают сами владельцы информации по своему желанию, размещая ее в «сетях».

Соответственно, кроме направления запросов администрации социальных сетей, хотелось бы предложить такой способ решения проблемы быстрого получения информации из указанных сетей, как непосредственное ее копирование с сайта социальной сети с последующим ее процессуальным оформлением самим следователем.

Непосредственный алгоритм для сбора информации о личности из социальных сетей, а также официальных порталов с открытым видом информации разработан Е. А. Гамбаровой [13, с. 139—140]. Полагаем, он может в полной мере использоваться в правоприменительной деятельности.

В части обеспечения гарантий допустимости данной информации в качестве доказательства полагаем необходимым проводить ее осмотр по правилам осмотра предметов, вещей и документов с составлением соответствующего протокола. После чего те сведения, которые исходят от официальных онлайн-сервисов, при их копировании на электронный носитель можно приобщать в качестве вещественного доказательства к материалам уголовного дела. Остальную же информацию можно использовать как ориентирующую для направления расследования уголовного дела и подготовки к следственным действиям (контролю и записи переговоров, осмотру и выемке электронных сообщений или иных передаваемых по сетям

электросвязи сообщениям и получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами).

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что законодателю необходимо уделять особое внимание выработке оптимальных процедур и регулированию видов уголовно-процессуальных средств для получения правопримени-

телем информации, содержащейся в электронных системах обмена сообщениями (данными), так как она с каждым годом приобретает все большее значение для эффективного противодействия преступности, раскрытия и расследования преступлений, изобличения виновных и обоснования итоговых решений по уголовным делам.

1. Першин А. Н., Сидорова К. С. Использование ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет в розыскной деятельности следователя // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 4 (33). С. 320—325.

2. Зайцева Е. А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: материалы V междунар. науч.-практ. конф. (11—13 апреля 2013 г. Курск, 2013. С. 73—79.

3. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

5. Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 292 с.

6. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Васюков В. Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. 2016. № 23. С. 15—18.

1. Pershin A. N., Sidorova K. S. Usage of Internet Information and Telecommunication Resources in Search Activity of an Investigator. Library of an Expert. Scientific Journal. 2017; 4 (33): 320—325.

2. Zaitseva E. A. Set of Means of Proving at the Stage of Initiating a Criminal Case in accordance with the Federal Law № 23-FZ dated 4 March 2013. In: Problems of Administering Justice on Criminal Cases in Modern Russia: Theory and Practice: Materials of the V International Scientific and Practical Conference. 11—13 April 2013. Kursk, Russia. Kursk; 2013: 73—79.

3. Federal Law No. 152-FZ of 27 July 2006 (amended dated 31 December 2017). "On Personal Data". Available from: reference legal system "Consultant Plus"; Federal Law No. 126-FZ of 7 July 2003 (amended dated 27 December 2018). "On Communication". Available from: reference legal system "Consultant Plus"; Federal Law No. 149-FZ of 27 July 2006 (amended dated 18 December 2017). "On Information, Information Technologies and Information Protection". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

4. Federal Law No. 375-FZ of 06 July 2016. "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation with Regard to Establishing Additional Measures to Counteract Terrorism and Ensuring Public Safety". SZ RF. 2016. No. 28. Art. 4559.

5. Zaitseva E. A., Sadovsky A. I. Developing Evidence by an Investigator Using Special Knowledge and Scientific-Technical Means. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2013.

6. Federal Law No. 533-FZ of 27 December 2018. "On Amendments to Articles 76.1 and 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

7. Vasyukov V. F. Some Issues of Investigative Actions Aimed at Detecting, Recording and Confiscating Electronic Messages to Be Transmitted by Mobile Subscriber Cellular Communication Devices. Russian Investigator. 2016; 23: 15—18.

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Обращение к Президенту России по поводу одобренного парламентариями антитеррористического пакета Озерова и Яровой. URL: <http://www.president-socket.ru/presscenter/news/read/3299> (дата обращения 16.06.2018); «Пакет Яровой» может дискредитировать мировые платежные системы. URL: http://arb.ru/b2b/news/paket_yarovoy_mozhet_diskreditirovat_mirovye_platezhnye_sistemy10025572 (дата обращения 17.07.2018).

10. Батыршин Р. Р. Пакет Яровой: негативные стороны // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: материалы XIV всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 15 декабря 2016 г.): Уфа, 2016. С. 57—60; Подольный Н. А., Бурова Ю. В., Коваль Е. А. Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.07.2018).

11. Операторы связи попросили Совфед отклонить «пакет Яровой». URL: <http://tass.ru/ekonomika/3409163> (дата обращения: 17.07.2018).

12. Бареев М. Ю. «Антитеррористический пакет» Яровой и Озерова как мера противодействия терроризму и экстремизму в российской федерации // Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 20—21 октября 2016 г.): в 2 т. Саранск, 2016. Т. 1. С. 163—170.

13. Гамбарова Е. А. К вопросу о методике использования социальных сетей в работе следователя // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2017. № 3. С. 137—141.

8. Federal Law № 374-FZ of 6 July 2016. "On Amendments to the Federal Law «On Counteracting Terrorism» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation with Regard to Establishing Additional Measures to Counteract Terrorism and Ensuring Public Safety". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

9. Appeal to the President of Russia Related to Anti-Terrorism Package by Ozerov and Yarovaya to Have Been Approved by Parliamentarians. Available from: URL: <http://www.president-socket.ru/presscenter/news/read/3299>. Accessed: 16 June 2018; «Yarovaya Legislative Package» May Compromise the World Payment Systems. Available from: http://arb.ru/b2b/news/paket_yarovoy_mozhet_diskreditirovat_mirovye_platezhnye_sistemy10025572. Accessed: 17 July 2018.

10. Batyrshin R. R. Yarovaya Legislative Package: Negative Aspects // Human Rights in terms of the State Power and Civil Society Dialogue: Materials of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference. 15 December 2016, Ufa, Russia. Ufa; 2016: 57—60; Podolny N. A., Burova Yu. V., Koval E. A. National Security in Modern Russia: Strategy to Counteract Terrorism and Extremism and Prospects to Overcome Available from: <https://cyberleninka.ru>. Accessed: 4 July 2018.

11. Communication Operators Asked Sovfed (Federal Council) to Reject «Yarovaya Legislative Package». Available from: <http://tass.ru/ekonomika/3409163>. – Title from the screen. Accessed: 17 July 2018.

12. Bareyev M. Yu. «Anti-Terrorism Legislative Package» by Yarovaya and Ozerov as a Measure to Counteract Terrorism and Extremism in the Russian Federation. In: National Security in Modern Russia: Strategy to Counteract Terrorism and Extremism and Prospects to Overcome Global Problems: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 20—21 October 2016, Saransk, Russia: in 2 Volumes. Saransk; 2016; 1: 163—170.

13. Gambarova E. A. On the Issue of the Methods of the Usage of Social Networks in Investigator's Activity. Legal Vestnik of the Samara State University. 2017; 3: 137—141.

© Свежинцев Е. И., 2019

© Svezhintsev E. I., 2019

Свежинцев Евгений Иванович,
преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: a400oc@gmail.com

Svezhintsev Eugeny Ivanovich,
lecturer at the department
of tactical and special training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
e-mail: a400oc@gmail.com

А. В. Трубчанинов

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПЛАНИРОВАНИЯ
НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С СОЗДАНИЕМ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
ВРЕДНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ**

В статье рассмотрены вопросы сбора материалов доследственной проверки по фактам создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, а также субъекты и некоторые особенности взаимодействия компетентных органов по сбору криминалистически значимой информации, которая будет использована в качестве оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Определены обстоятельства, подлежащие установлению в ходе процессуальной проверки по указанным фактам преступной деятельности, перечень и примерное содержание документов такой проверки. В достаточной мере показан алгоритм действий уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов по проверке факта создания, распространения, использования вредоносных компьютерных программ, установления вредных последствий и определения причиненного имущественного ущерба. Статья содержит отдельные аспекты планирования расследования создания, распространения, использования вредоносных компьютерных программ. Даны общее направление выдвижения версий о лице, причастном к совершению рассматриваемых преступлений, а также алгоритм действий лица, производящего расследование на первоначальном его этапе.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, вредоносные компьютерные программы, орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность.

A.V. Trubchaninov

**SPECIFIC FEATURES OF INITIATING CRIMINAL CASE
AND PLANNING INITIAL STAGE OF INVESTIGATING CRIMES,
RELATING TO CREATION, USE AND SPREADING OF HARMFUL SOFTWARE**

The article dwells on issues of collecting materials before investigation regarding creation, use and spreading of harmful software. Reviewed are subjects and some specific features of cooperation of competent bodies on collection of important criminological information, to be used as a basis for taking a decision on initiating a criminal case. Identified are circumstances to be clarified during procedural check regarding the facts of criminal activity, as well as a list and approximate contents of documents for such check. Presented sufficiently is algorithm of actions to be taken by law enforcement officials in verifying the fact of creation, spreading, use of harmful software, identifying harmful consequences and the material losses incurred. The article also contains separate planning aspects of investigating the creation, spreading, use of harmful software. Elaborated is the general approach to offering versions about a person implicated in crimes, as well as algorithm of actions of a person, conducting investigation at its early stage.

Key words: initiation of criminal case, pre-investigation check, harmful software, tracking body.

Возбуждение уголовного дела — основополагающая стадия уголовного процесса: своевременность и грамотность действий уполномоченных лиц компетентных органов на этой стадии детерминируют результативность и эффективность решения всего комплекса задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

В соответствии с действующим УПК РФ, следователь (дознатель) в любом случае выявления признаков общественно опасного деяния обязан принять исчерпывающие меры, направленные на установление события деяния, установление и избличение лиц, причастных к его совершению. Поступающие в правоохранительные органы сообще-

ния о готовящихся либо совершенных преступлениях подлежат обязательной проверке (ч. 1 ст. 144).

Уполномоченные должностные лица правоохранительных органов, перечень которых дан в ст. 146 УПК РФ, в пределах установленной уголовно-процессуальным законом компетенции при наличии определенного в законе повода и при достаточности оснований принимают решение о возбуждении уголовного дела, оформляя данное решение соответствующим постановлением. В любом случае для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела необходимы два взаимосвязанных элемента: повод и основание.

Главная задача процессуальной проверки — определение наличия или отсутствия в имевшем место деянии признаков какого-либо состава преступления [1, с. 12].

По уголовным делам о преступлениях по фактам создания, распространения или использования вредоносных компьютерных программ типичными поводами выступают заявления физических и юридических лиц, пострадавших от преступления, либо рапорт об обнаружении признаков преступления, который готовится на основании результатов оперативно-разыскных мероприятий. Основанием же по фактам создания, распространения или использования вредоносных компьютерных программ выступают данные, указывающие на наличие необходимых признаков данного преступления. Чаще всего в их качестве выступают признаки, относящиеся к объективной стороне и объекту преступления. Наличие признаков остальных элементов состава преступления на данной стадии, как правило, преждевременно в связи с отсутствием на стадии возбуждения уголовного дела информации о лице, причастном к его совершению.

Обобщение практики расследования преступлений по фактам создания, распространения или использования вредоносных компьютерных программ свидетельствует, что в содержание рассматриваемой стадии уголовного процесса входят действия, направленные на установление факта совершения одного либо нескольких действий, которые предусмотрены диспозицией ст. 273 УК РФ (создание, распространение, использование вредоносной компьютерной программы с целью несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации), требующие грамотного тактического решения, а также факта несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информа-

ции или нейтрализации средств защиты компьютерной информации в результате воздействия вредоносной компьютерной программы. Кроме того, сюда относится установление обстоятельств копирования, активации данной компьютерной программы и т. д., а также принятие мер к пресечению данной преступной деятельности, проведение необходимых следственных и иных действий с целью сохранения следов преступления и др.

Таким образом, в материалах процессуальной проверки должны найти свое отражение следующие обстоятельства:

— предмет преступного посягательства — вид (например, коммерческая, личная информация), значимость (научная или иная ценность) и правовой статус уничтоженной, блокированной, модифицированной или скопированной компьютерной информации, а также размер причиненного имущественного вреда.

— место совершения преступления — место нахождения физических носителей уничтоженной, блокированной, модифицированной или скопированной компьютерной информации, а также средств ее защиты, подвергшихся нейтрализации. По фактам создания, распространения и использования вредоносной компьютерной программы — место ее создания, распространения и использования, т. е. то место, где находится соответствующее компьютерное устройство, посредством которого были осуществлены указанные выше действия;

— время совершения преступления — период, в течение которого осуществлялись создание (время написания соответствующей программы), распространение (время предоставления доступа к ней третьих лиц для дальнейшего ее использования), использование вредоносной компьютерной программы (время активации и действия указанной программы), а также время наступления негативных последствий (период, в течение которого произошло уничтожение, блокировка, модификация, копирование компьютерной информации; время наступления негативных последствий);

— средство совершения преступления — способность созданного, распространенного или использованного программного продукта несанкционированно удалять, модифицировать, блокировать, копировать компьютерную информацию, выводить из строя средства защиты компьютерной информации;

— последствия совершения преступления (например, уничтожение, блокировка, модификация, копирование компьютерной информации, нейтрализация средств ее защиты, что приводит к причинению вреда их владельцу и интересам третьих лиц);

— характер и размер вреда, причиненного преступлением, — материальный и (или) физический вред. Размер имущественного ущерба определяется с учетом обстоятельств расследуемого факта.

На стадии возбуждения уголовных дел по фактам создания, распространения или использования вредоносных компьютерных программ установление вышеназванных данных представляет собой достаточно сложный и кропотливый процесс, требующий серьезных профессиональных навыков от должностных лиц правоохранительных органов; с другой стороны факт их неустановления с большой долей вероятности может повлечь принятие решения судом о незаконности решения о возбуждении уголовного дела или прекращение его по реабилитирующим основаниям.

Для доследственной проверки по фактам создания, распространения или использования вредоносных компьютерных программ характерны отдельные неотложные следственные и процессуальные действия:

— осмотр места происшествия. Как правило, осмотр проводят в месте проявления последствий рассматриваемого деяния. Целью данного следственного действия является фиксация обстановки в месте осмотра, а также обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления (в данном случае в виде электронной информации), предметов — носителей компьютерной информации и иных предметов (документов), имеющих значение для уголовного дела. В связи с этим в производстве осмотра необходимо обеспечить участие, помимо специалиста-криминалиста, специалиста в сфере ИТ. Осмотру должны быть подвергнуты сам компьютер, так называемые периферийные устройства, места нахождения соответствующих компьютерных коммуникаций. Кроме того, необходимо обратить внимание на правильные названия и идентификационные данные компьютерных устройств, их состояние, порядок соединения между собой;

— истребование объяснений от пострадавшего (его представителя), а также лиц, непосредственно пользовавшихся конкретной компьютерной техникой (пользователей, администраторов и т. п.), обеспечивавших ее работоспособность. В объяснениях указанных лиц необходимо по возможности отразить, когда, кем, каким образом, при каких обстоятельствах были обнаружены негативные последствия, в чем именно они выразились, кто еще может располагать информацией об обстоятельствах совершения, наступления и обнаружения негативных последствий;

— истребование документов, подтверждающих наличие у пострадавшего соответствующей компьютерной техники, права пользования им услу-

гами связи, а также, в случае если пострадавший — юридическое лицо, — копий учредительных документов и должностных инструкций вышеуказанных сотрудников;

— проведение экспертного исследования по изъятим компьютерным устройствам и компьютерной информации, позволяющего решить вопрос о наличии вредоносных компьютерных программ;

— истребование от провайдера сведений о сетевых соединениях, произведенных с использованием конкретной компьютерной техники;

— истребование информации о результатах осуществления оперативно-разыскной деятельности, направленной на выявление лиц, которые причастны к совершению рассматриваемого общественно опасного деяния.

В случае если поводом к возбуждению уголовного дела является рапорт об обнаружении признаков преступления, в материалах процессуальной проверки должны, как правило, содержаться следующие материалы, оформленные в соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) и Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г.:

— постановление о предоставлении результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд;

— постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей;

— постановление о проведении оперативно-разыскного мероприятия. В рассматриваемом случае это могут быть «Обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «Наведение справок» и др. Здесь необходимо оговориться, что в случае осуществления оперативно-разыскной деятельности, напрямую связанной с существенным ограничением конституционных прав человека и гражданина, субъект оперативно-разыскной деятельности обязан, кроме указанного, предоставить копии соответствующих решений судебных инстанций о производстве конкретного оперативно-разыскного мероприятия;

— акт оперативно-разыскного мероприятия и результаты его проведения в виде конкретных документов, содержащих криминалистически значимую информацию;

— объяснения: пострадавшего (его представителя), а также лиц, непосредственно пользовавшихся конкретной компьютерной техникой (пользователей, администраторов и т. п.), обеспечивавших ее работоспособность.

С учетом обстоятельств совершенного преступления в материалах процессуальной проверки могут содержаться и иные документы. Поступившие к следователю материалы процессуальной проверки для принятия решения в порядке ст. 144—145 УПК РФ подлежат тщательному изучению на предмет полноты и достаточности данных для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос планирования расследования рассматриваемого нами преступления.

В ходе расследования любого преступления основополагающее значение имеют правильно расставленные приоритеты в направлении расследования. При расследовании фактов создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ первостепенным направлением расследования должно стать установление лиц, причастных к совершению данного преступления, так как на стадии возбуждения уголовного дела, а также на первоначальном этапе расследования имеет место либо полное отсутствие, либо значительный дефицит криминалистически значимой информации о таких лицах. Это обстоятельство детерминирует планирование тех следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, которые направлены именно на решение данной проблемы — получение криминалистически значимой информации о преступнике (преступниках). Для установления лиц, причастных к совершению рассматриваемых преступлений, в первую очередь проводят следственные действия: допрос потерпевшего; выемку у потерпевшего информации из компьютерных устройств; допрос свидетелей; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и последующую выемку; контроль и запись переговоров; назначение и производство судебных экспертиз по изъятой компьютерной технике и компьютерной информации; обыск. Оперативно-разыскными мероприятиями, проводимыми в указанных целях, являются: наведение справок о пользователях, имевших доступ к компьютерным устройствам; наблюдение; обследование зданий, сооружений и участков местности; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Важное значение в установлении лиц, причастных к созданию, использованию и распространению

вредоносных компьютерных программ, имеет грамотное применение возможностей операторов сотовой связи идентифицировать пользователей средств мобильной связи и определять местонахождение мобильного телефонного аппарата. Кроме того, в соответствии со ст. 64 Федерального закона «О связи» от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 05.12.2017) операторы связи обязаны хранить на территории Российской Федерации: 1) информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео или иных сообщений пользователей услуг связи — в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий; 2) текстовые сообщения пользователей услуг связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео, иные сообщения пользователей услуг связи — до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки. Операторы связи обязаны предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, указанную информацию, информацию о пользователях услуг связи и об оказанных им услугах связи и иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач в случаях, установленных федеральными законами.

Данная информация может быть получена посредством направления соответствующих запросов либо выемок у оператора сотовой связи или через направление поручений органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, о получении у операторов сотовой связи необходимых сведений о пользователях услуг сотовой связи, а также их действиях в сети.

Мы говорили, что планирование расследования преступлений рассматриваемой категории предполагает определение перечня мероприятий, направленных на установление лиц, которые причастны к их совершению. В этой связи очевидно, что наиболее целесообразно выдвигать версии относительно личности преступника исходя из уровня его квалификации в области компьютерной информации и компьютерных технологий. Анализ следственной практики показывает эффективность такого подхода к выдвижению следственных версий.

В случае установления личности лица, причастного к созданию, распространению, использованию вредоносной компьютерной программы, планируются и осуществляются как следственные действия, так и оперативно-разыскные мероприятия, направленные на задержание данного лица

и изобличение его в совершении преступления. Здесь уместно вспомнить о таком часто проводимом комплексном следственно-оперативном мероприятии, как тактическая операция [2, с. 140]. Ее осуществление в процессе расследования преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ, наиболее целесообразно, поскольку способствует задержанию создавших и распространяющих вредоносную компьютерную программу лиц, которое со всей очевидностью носит определяющий для дальнейших этапов предварительного расследования характер.

В криминалистической литературе и различных комментариях к действующему УПК РФ, учебниках данный вопрос освещен достаточно подробно [3; 4; 5]. Однако расследование преступной деятельности лиц, связанной с созданием, распространением или использованием вредоносных компьютерных программ, как и оперативно-разыскное сопровождение, осуществляемое по уголовным делам рассматриваемой категории, обречено на провал без хорошо организованного и налаженного взаимодействия лица, производящего расследование, с сотрудниками оперативных и иных подразделений. Лица, занимающиеся созданием, распространением, использованием вредоносных компьютерных программ, как правило, совершают и иные, часто неоднотипные преступления, что предопределяет неизбежность грамотно спланированных совместных усилий следственных и оперативных подразделений по их задержанию и обусловливается самой природой рассматриваемых преступлений.

Выявление и документирование преступной деятельности лиц, занимающихся созданием, распространением, использованием вредоносных компьютерных программ, очевидно, требует от должностных лиц различных правоохранительных органов использования всех своих профессиональных знаний и навыков. Проведение в ходе как доследственной проверки, так и самого расследо-

вания комплекса необходимых оперативно-разыскных мероприятий способствует установлению в полном объеме сведений, относящихся к подготовке и созданию вредоносных компьютерных программ, их распространению и (или) использованию. Безусловно, примером одной из наиболее успешных реализаций информации, полученной в результате оперативно-разыскных мероприятий, по фактам создания вредоносных компьютерных программ, их распространения и (или) использования по достоинству считается тактическая операция по захвату лиц, причастных к вышеуказанной преступной деятельности, с поличным. От степени результативности операции по захвату и грамотности последующего процессуального задержания всех интересующих следствие лиц во многом зависит дальнейшая перспектива расследования по делу.

После задержания необходимо произвести личный обыск подозреваемого, обыск по месту его жительства, а затем осмотр изъятых предметов и документов, к которым относятся компьютерные устройства (органам предварительного следствия будет важна криминалистически значимая информация о контактах задержанного в социальных сетях, о фактах, содержании и времени переписки с адресатами), мобильные телефоны (здесь криминалистически значимая информация может быть получена в результате изучения содержимого журнала входящих и исходящих соединений, содержания и времени осуществления переписки с другими абонентами, а также характера и содержания хранящихся на физическом носителе телефона различного рода файлов: графических, видео и др.).

На первоначальном этапе расследования также необходимо осуществить выемку банковской документации по счетам в кредитных организациях задержанных лиц, после чего начать производство допросов и назначение судебных экспертиз.

1. Степанов В., Хомич В. Предварительная проверка материалов, послуживших поводом к возбуждению уголовного дела // Законность. 1995. № 12.

2. Карагодин В. Н. Тактические операции в теории криминалистики и следственной практике // Вопросы совершенствования социального правового регулирования. Свердловск, 1981.

3. Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилев А. А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М., 1975.

1. Stepanov V., Khomich V. Preliminary Check of Materials, Serving as Basis for Initiating a Criminal Case. Zakonnost. 1995; 12.

2. Karagodin V. N. Tactical Operations in the Theory of Criminology and Investigation Practice. In: Optimizational Issues of Social Legal Regulation. Sverdlovsk; 1981.

3. Berezin M. E., Gutkin I. M., Chuvilev A. A. Arrests in the Soviet Penal Court Procedure. Moscow; 1975.

4. Григорьев В. М. Задержание подозреваемого органами внутренних дел. Ташкент, 1989.

5. Смирнов В. В. Арест как мера пресечения, применяемая следователем органов внутренних дел. Хабаровск, 1987.

© Трубчанинов А. В., 2019

4. Grigoriev V. M. Arrest of Suspect by Interior Bodies. Tashkent; 1989.

5. Smirnov V. V. Arrest as Pre-Trial Restriction, Used by Interior Body Investigator. Khabarovsk; 1987.

© Trubchaninov A. V., 2019

Трубчанинов Алексей Викторович,
преподаватель кафедры п
редварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: TRAV34RUS@mail.ru

Trubchaninov Alexey Viktorovich,
lecturer at the department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
e-mail: TRAV34RUS@mail.ru

* * *

Д. С. Устинов

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ОБВИНЯЕМОГО (ПОДСУДИМОГО) С СУДЕБНЫМИ РЕШЕНИЯМИ**

В статье анализируется правовая природа взаимосвязи поведенческой характеристики обвиняемого с судебными решениями, выявляются сущностные аспекты этой связи. Утверждается, что поведение обвиняемого для суда выступает и источником сведений по уголовному делу, и предметом правового обеспечения его интересов. Эти два аспекта, познавательный и правообеспечительный, проявляются при принятии любого решения, по уголовному делу судом (судьей). В зависимости от этапа судебной деятельности, целей и направленности преобладает либо познавательный, либо правообеспечительный аспект. На основании превалирования того или иного аспекта при принятии решения по уголовному делу судом автор условно подразделяет решения на три группы. Делается утверждение о том, что связь с решениями суда нелинейна, последовательна и избирательна. На основании указанной позиции исследуются отдельные стороны взаимосвязи поведения обвиняемого с принимаемыми судом (судьей) решениями в ходе судебного разбирательства.

Ключевые слова: обвиняемый, поведенческая характеристика обвиняемого, уголовно-процессуальное поведение обвиняемого, показания обвиняемого, объяснения обвиняемого, прения сторон, судебные решения.

D. S. Ustinov

**CORRELATION BETWEEN A BEHAVIORAL FEATURE
OF AN ACCUSED (DEFENDANT) AND COURT DECISIONS**

The author of the given article analyzes the legal nature of correlation between a behavioral feature of an accused and court decisions as well as determines the essential aspects of this correlation. The author considers behavior of the accused for the court to be both the source of information on the given criminal case and the subject of a legal support of his rights. These two aspects – informative and provided by law ones – manifest while taking any decision on a criminal case by the judge. Depending on the stage of judicial activity, goals and orientation either an informative aspect or a provided by law one predominates. On the basis of the predominance of one or another aspect while taking a decision on any criminal case by the court the author of the article separates them into three groups relatively. The author also considers such correlation to be not linear, consistent and selective. Taking into account this position the author examines certain aspects of correlation between the behavior of the accused and the decisions taken by the judge during the court session.

Key words: an accused, a behavioral feature of an accused, criminal and procedural behavior of an accused, testimony of an accused, explanations of an accused, arguments of the parties, court decisions.

Поведенческая характеристика обвиняемого не складывается в момент появления его в уголовном судопроизводстве, а формируется в течение всего производства по уголовному делу. Она включает поведенческие элементы, проявляющиеся сначала в вовлечении лица в уголовное дело в качестве подозреваемого, затем после трансформации в обвиняемого меняются и его поведенческие акты. После направления уголовного дела в суд названная характеристика охватывает поведение этого участника уголовного су-

допроизводства, который уже именуется подсудимым. Превращение в подсудимого означает для обвиняемого предоставление значительно больших возможностей по оказанию влияния на решения, которые суд в судебном разбирательстве принимает, и на всю деятельность, протекающую на данной стадии уголовного процесса.

Судья в судебном разбирательстве должен стремиться получить полное знание об обстоятельствах рассматриваемого им уголовного дела и личности подсудимого, что находит отражение

в актах правосудия [1, с. 8]. «В процессе осуществления своей деятельности и при принятии требуемого законом решения он использует все возможные источники сведений об исследуемых обстоятельствах, в том числе связанные с поведением и действиями обвиняемого (подсудимого) как до, так и в ходе производства по уголовному делу» [2, с. 67]. «Объективность внутреннего судебного убеждения во многом зависит от возможности учесть аргументы обеих сторон, для чего им и обеспечивается равное право на участие в доказывании и на обжалование принятого судом решения» [3, с. 67]. Оно также обусловлено достаточной степенью всесторонности и полноты исследования доказательств, собранных и представленных по уголовному делу. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что основа связи поведения обвиняемого и судебных решений носит познавательный характер и образует содержание деятельности познавательного плана.

Вместе с тем познавательный аспект не отражает всех сущностных моментов правовой природы связи поведения обвиняемого с судебными решениями, принимаемыми по уголовному делу. Они призваны обеспечить соблюдение требований Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуального закона, наделяющих обвиняемого широким кругом прав и гарантирующих ему осуществление активной защиты своих законных интересов. Следовательно, поведение обвиняемого обуславливает для суда его правообеспечительную деятельность. Суд одновременно выступает и органом правосудия по уголовным делам, и гарантом соблюдения прав личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности (в том числе обвиняемого). И этот правообеспечительный аспект связи поведенческой характеристики обвиняемого с деятельностью суда и его решениями обязывает суд принимать свои решения по уголовному делу при неукоснительном соблюдении и обеспечении прав обвиняемого и с максимально возможным учетом его уголовно-процессуальной характеристики.

И правообеспечительный, и познавательный аспекты в той или иной мере проявляются при принятии любого решения по уголовному делу судом (судьей). Однако их выраженность в процессе принятия решения различна. В зависимости от этапа, целей и направленности судебной деятельности преобладает либо познавательный, либо правообеспечительный аспект. Например, в стадии подготовки и назначения судебного заседания судья прежде всего обязан уточнить, разъяснены ли обвиняемому при ознакомлении с ма-

териалами уголовного дела его права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ, вручены ли копии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Если копии итоговых актов предварительного расследования не вручены обвиняемому без обоснования причины этого, судья принимает решение о возвращении уголовного дела прокурору. При наличии в материалах уголовного дела отметки прокурора о такой форме поведения обвиняемого, как отказ от получения копии одного из указанных актов, неявка обвиняемого по вызову или уклонение от получения копии (ч. 4 ст. 222, ч. 3 ст. 226 УПК РФ), зафиксированные таким образом в деле поведенческие акты обвиняемого становятся основанием для признания судом отсутствия нарушения закона, влекущего возвращение уголовного дела прокурору в порядке п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Познавательный аспект здесь выражается в виде деятельности по выяснению модели поведения обвиняемого на завершающем этапе досудебного производства, по изучению достаточности и эффективности деятельности прокурора по вручению соответствующих итоговых актов предварительного расследования обвиняемому. Правообеспечительный аспект проявляет себя в принятии судьей решений, направленных на восстановление нарушенных прав обвиняемого, если модель поведения последнего «вписывалась» в установленный законом алгоритм, однако представители органов уголовного преследования не выполнили до конца свои обязанности по созданию условий реализации его прав.

В стадии судебного разбирательства преобладание правообеспечительного аспекта проявляется в такой судебной процедуре, как особый порядок принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), где судья, прежде чем разрешить уголовное дело по существу, должен выяснить у подсудимого, добровольно ли им заявлено ходатайство о применении указанной процедуры, предшествовала ли этому консультация с защитником, действительно ли подсудимый согласен с предъявленным обвинением и осознает характер и последствия заявленного им ходатайства.

На основании изложенного выше можно условно подразделить судебные решения на три группы.

Первую группу образуют судебные акты, в которых разрешаются вопросы факта (наличия или отсутствия) преступления, вменяемого в вину обвиняемому (подсудимому), и, соответственно, его квалификации и наказания, а также все иные акты, принятие которых связано с установлением определенных обстоятельств, исследованием и оценкой

данных фактического характера (доказательств). К ним относятся: все итоговые решения суда: приговор, постановление (определение) о прекращении уголовного дела; постановления (определения) о приостановлении производства по уголовному делу; об избрании, изменении, отмене меры пресечения, продлении срока ее действия, о производстве экспертизы, об исключении доказательств и некоторые другие судебные акты.

Вторая группа состоит из судебных решений организационно-процессуального плана, основным назначением которых является обеспечение проведения судебного разбирательства и прав его участников. К ним относятся постановления (определения) о назначении судебного заседания, возвращении уголовного дела прокурору, о допуске к участию и замене в процессе государственного обвинителя, переводчика, защитника и т. д.

Третья группа объединяет судебные акты, подчиненные исключительно обеспечению реализации прав обвиняемого, разрешению заявляемых им ходатайств и приносимых жалоб. В нее входят постановления (определения), опосредующие рассмотрение всех ходатайств и заявлений обвиняемого, а также его жалоб на уже принятые судами решения (приговоры, постановления, определения).

С учетом того, что знания судей при разрешении вопросов по существу складываются за счет получения их не только из показаний или объяснений обвиняемого, но и других источников, связь решений, принимаемых в судебном разбирательстве, с поведенческой характеристикой обвиняемого не прямолинейна, а опосредованно избирательна. И с точки зрения обязательности связь не может быть определена однозначно, поскольку суд может одни сведения полностью или частично отвергнуть, а другие использовать в качестве фактической основы для принимаемых по уголовному делу решений.

С позиции процедуры восприятия сведения, которые сообщает обвиняемый, и его поведенческие акты представляют собой особое направление деятельности суда. Во всех случаях суд должен выразить свое отношение к проявлениям уголовно-процессуального поведения обвиняемого (подсудимого) в принимаемом решении либо в отдельном процессуальном решении.

Выявление всех качеств и свойств связи поведенческой характеристики подсудимого (обвиняемого) с решениями, принимаемыми в судебном разбирательстве и по его итогам, дает нам возможность перейти к исследованию отдельных сторон этой взаимосвязи. Безусловно, необходимо начать с познавательного аспекта уголовно-

процессуальной деятельности суда. Согласно нормам уголовно-процессуального закона, все решения суда должны быть основаны на доказательствах, которые были исследованы в судебном разбирательстве. В их числе могут находиться сведения, полученные от обвиняемого, и здесь есть ряд моментов, которые нуждаются в правовом регулировании.

Во-первых, в ст. 74, 77 УПК РФ указано, что показания обвиняемого и те сведения, которые в них закреплены, являются соответственно источником доказательств и доказательством, однако законодатель непоследователен в изложении закона и в ряде норм совершает отступления от этого правила. Например, в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, посвященной обвиняемому и его правовому положению, ему предоставляется право «возражать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению...», а далее указывается на последствия согласия обвиняемого на дачу показаний: «...могут быть использованы в качестве доказательств...». Возникают разумные вопросы: а разве может быть иначе? Или могут использоваться по усмотрению должностного лица полностью или частично? Как представляется, эта формулировка вносит правовую неопределенность в указанную норму. Дефект законодательной техники может быть использован недобросовестным правоприменителем, что способно привести к нарушению прав обвиняемого. На основе вышеизложенного предлагаем скорректировать формулировку второго предложения п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ (новая редакция будет представлена далее).

Во-вторых, «обвиняемый — один из наиболее активных, с точки зрения частоты и продолжительности участия, субъект уголовно-процессуальных отношений» [2, с. 55]. Практически все судебные решения принимаются с его участием, однако порядок его «участия» законодательно не урегулирован. Примером такого участия выступает рассмотрение судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, где обвиняемый «заслушивается» (ч. 6 ст. 108 УПК РФ). Точно так же определен порядок детальности обвиняемого при обжаловании действий (бездействия) и решений должностных лиц в суд (ст. 125 УПК РФ), на предварительном слушании (где у него только право возражать), в кассационном, надзорном производствах. Значение такого возражения практически «нулевое», поскольку в протоколе заседания делается запись: «Обвиняемый возражал против ареста (избрания меры пресечения в виде заключения под стражу)». И суд в своем постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обосновывает свое реше-

ние словами: «Доводы обвиняемого (защитника) о невозможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу ничем не аргументированы» [5, с. 216].

На наш взгляд, эти «заслушивания», «возражения» и другие выступления подсудимого должны иметь законодательно закрепленную форму и правовое значение источника доказательств. В этом качестве выступать должно объяснение обвиняемого, как это было ранее в УПК РСФСР 1960 г. Там оно употреблялось в виде официального средства общения подозреваемого и обвиняемого с должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство наряду с показаниями (ст. 46, 52 УПК РСФСР)¹, а в настоящее время употребляется только применительно к правам подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) [3, с. 246]; [7, с. 414]. Тем не менее, участвуя в следственных и иных процессуальных действиях, обвиняемый, демонстрируя активную модель поведения, может давать свои объяснения, используя их в качестве способа защиты своих интересов.

Считаем, что термину «объяснения» следует придать ранее предложенное значение (к тому же сам законодатель его уже восстановил в ст. 144 УПК РФ, а также нормах, посвященных специфике доказывания при производстве дознания в сокращенной форме – п. 2 ч. 3 ст. 225.6 УПК РФ). С учетом всех высказанных ранее аргументов целесообразно изложить п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ в следующей редакции:

«3) вправе возражать против обвинения, давать объяснения и показания. При согласии обвиняемого дать объяснения и показания он должен быть предупрежден о том, что его объяснения и показания выступают в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса».

Далее, для обеспечения системности правового воздействия вносимых предложений по совершенствованию закона, необходимо изменить название ст. 77 на «Показания и объяснения обвиняемого» и внести в нее ч. 1.1 следующего содержания: «Объяснения обвиняемого — сведения, сообщаемые им при осуществлении в ходе досудебного производства и в суде следственных и иных процессуальных действий, за исключением предусмотренных статьями 173, 192—194 настоящего Кодекса».

Следует отметить, что обвиняемый может оказывать влияние на деятельность должностных лиц и принимаемые ими решения не только различного рода ходатайствами, жалобами, дачей

показаний и объяснений, но и заявлением. Заявление как самостоятельный поведенческий акт обвиняемого иногда встречается в тексте УПК РФ, например ст. 23, 65, 120, 141, 271 и т. д. Однако указание на заявление закреплено в этих нормах в общем порядке, без необходимой должной правовой определенности его смысла, назначения и порядка использования этого инструмента обвиняемым. Исходя из изложенного выше о связи поведенческой характеристики обвиняемого с судебными решениями можно сделать вывод о крайней необходимости законодательного регулирования этого вопроса.

Взаимосвязь поведения подсудимого с решениями суда с позиции познавательного аспекта не заключается лишь в даче подсудимым показаний и объяснений и не характеризует все его возможности по активному воздействию на эти решения. Сюда можно отнести право подсудимого на допрос свидетелей, потерпевших, других подсудимых (соучастников), эксперта, специалиста, переводчика, а также на представление доказательств и участие в их исследовании. В данных правах подсудимого заложены возможности (естественно, при создании соответствующих условий со стороны суда, рассматривающего уголовное дело) активно влиять на формирование знаний судей об обстоятельствах уголовного дела и иных обстоятельствах, образующих предмет судебного заседания. Однако эта возможность недостаточно реализована при принятии в отношении обвиняемого решений, ограничивающих конституционное право на неприкосновенность личности. В. А. Лазарева, указывая на те же недостатки, отмечает: «В российских условиях, где приоритет прав личности все еще существует только на бумаге, требуется иная процедура, дающая самому обвиняемому возможность участвовать в принятии решения и заставляющая суд учитывать приводимые им доводы» [5, с. 208]. Вполне возможно, например, в судебном заседании, разрешающем ходатайство следователя об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, предоставить обвиняемому право допроса лиц, указывающих на наличие оснований для его ареста, или попытаться убедить в этом судью путем настаивания на обстоятельном исследовании других предоставленных следователем доказательств этого. Подобная модель поведения, нашедшая нормативное воплощение в конкретных новеллах, позволит свести к минимуму безосновательное избрание обвиняемому в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Затронутый вопрос следует также рассмотреть с позиции не только содержания, но и формы.

В уголовно-процессуальном законе закреплено разделение участников уголовного судопроизводства на стороны, а также то, что они пользуются «...равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании...» (ст. 244 УПК РФ). Одновременно с этим существенно ущемлены права обвиняемого (подсудимого), так как в ст. 47 УПК РФ обозначено только право обвиняемого на «участие в судебном разбирательстве уголовных дел в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также в рассмотрении судом вопросов, предусмотренных пп. 1 и 10 ч. 2 ст. 29 УПК». О порядке и способах реализации его права ничего не говорится, что, по сути, превращает его в декларацию. Вместе с тем согласно ст. 267 УПК РФ суд обязан в начале судебного разбирательства установить личность подсудимого и разъяснить его права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ и ст. 82.1 УК РФ. В статье 247 УПК РФ, где говорится об «участии подсудимого» в судебном разбирательстве, о его правах тоже не упоминается. Какие же права подсудимому разъясняет суд при открытии судебного заседания? Только его право на «участие» в судебном заседании? Может быть, отсюда отношение к подсудимому на практике как к «безмолвствующему субъекту»?

Бывает, что судья довольно подробно перечисляет все, в том числе предполагаемые права подсудимого на предоставление доказательств и участие в их исследовании, право задавать вопросы допрашиваемым лицам. «Но делается это, — как верно замечает адвокат А. А. Васяев, — очень быстрым и бубнящим голосом, путем зачитывания в основном содержания ст. 47 УПК» [8, с. 11]. Эпизодически у подсудимого выясняют, желает ли он задать вопрос допрашиваемому лицу. Такая практика встречается повсеместно и основана на разрозненных нормах, которые регулируют судебное следствие. Так, в случаях, указанных ч. 4 ст. 275, ч. 6 ст. 280 УПК РФ, закреплено, что после возвращения в судебное заседание удаленного ранее подсудимого ему предоставляется возможность задать вопросы другому допрошенному в его отсутствие подсудимому или несовершеннолетнему. Подобная форма закрепления нашла свое отражение и в ч. 2 ст. 274, ч. 1 ст. 275, ч. 3 ст. 278, ч. 2 ст. 282 УПК РФ.

Неопределенное урегулирование одного из основных прав обвиняемого недопустимо, поскольку оно реально предоставляет ему возможность влиять на решения, принимаемые в отношении него судом. В законе необходимо четко и однозначно записать, что подсудимый пользуется правом на допрос свидетелей, потерпевших и всех других

лиц, допрашиваемых в процессе судебного разбирательства. Именно на допрос, а не на постановку вопросов. Как и в каком объеме его проводить, должен решать сам подсудимый, потому что он — сторона в уголовном процессе и субъект доказательственной деятельности. Данное правило, по нашему мнению, следует распространить на все судебные процедуры, в которых принятие судебного решения обусловлено установлением наличия определенных законом оснований путем исследования имеющихся в материалах уголовного дела либо в ином производстве, а также дополнительно представляемых сведений.

Правообеспечительный аспект связи поведенческой характеристики обвиняемого с решениями, принимаемыми судом, проявляется также в правовом урегулировании порядка участия подсудимого в прениях сторон и возможности представить в письменном виде свои варианты формулировок по вопросам, указанным в пп. 1—6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ (ч. 7 ст. 292 УПК РФ).

Прения сторон представляют собой системное изложение сторонами всех обстоятельств уголовного дела, исследованных в судебном разбирательстве с позиции обвинения и защиты [9, с. 17—19; 10, с. 98—108; 11, с. 126—130]. Во время судебных прений судья соотносит свои выводы с обоснованностью и правомерностью утверждений представителей обвинения и защиты [12, с. 30]. И с этой позиции они, безусловно, являются значимым инструментом вербального воздействия на знания судей об исследуемых обстоятельствах дела и содержание принимаемых ими решений.

Выступления участников судебных прений дают судьям (судье) возможность: а) расширить свои представления об исследуемых обстоятельствах; б) сопоставить их с позициями сторон и скорректировать таким образом предварительные выводы по делу либо убедиться в их правильности. Поэтому прения сторон для суда прежде всего профессиональное восприятие анализа обстоятельств уголовного дела, который базируется на доказательствах, исследованных совместно с участниками судебного разбирательства. Восприятие судьями этих доводов может происходить даже на подсознательном уровне, и здесь очень важны ораторские и эмоциональные свойства речей выступающих сторон. При определенной подготовке с помощью защитника и при соответствующих условиях мнение подсудимого может оказать существенное влияние на суд и процесс принятия им решений.

На основании вышеизложенного считаем, что разрешительный порядок участия подсудимого в прениях сторон следует изменить на обычный.

Подсудимый — главный субъект стороны защиты, являющийся равноправным участником судебного разбирательства. К тому же подсудимый — это лицо, в отношении которого будет вынесено решение суда, и он, как и потерпевший, вправе высказать свою позицию по всем обстоятельствам, исследованным в судебном разбирательстве. Предлагаем ч. 1 и ч. 2 ст. 292 УПК РФ объединить и изложить в следующей редакции: «Прения сторон состоят из речей обвинителя и защитника. В прениях сторон также вправе участвовать потерпевший и его представитель, подсудимый, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители».

В заключение необходимо подумать о повышении значения формулировок, предлагаемых участниками судебного разбирательства суду по вопросам, разрешаемым в приговоре. На данный

момент они не обязательны для суда, но опытные и добросовестные судьи при постановлении приговора и других решений обосновывают в приговоре свое несогласие с основными выводами, содержащимися в них, что существенно повышает обоснованность принятого процессуального решения и позволяет снизить будущие претензии сторон к содержанию приговора. Кстати, в ч. 5 ст. 308 УПК Республики Беларусь указано, что речи участников судебного разбирательства, а также предлагаемые формулировки решений по вопросам, разрешаемым судом в приговоре, могут прилагаться к протоколу судебного разбирательства. Не лишним было бы указать в российском уголовно-процессуальном законе то, что данные формулировки могут прилагаться к протоколу судебного заседания, и обязать суд обосновывать в своем решении несогласие с ними.

Примечания:

* Более детально о деятельности прокурора в этой части на завершающем этапе см. [4].

** Следует отметить, что некоторые авторы все же различали показания обвиняемого как сведения о фактах и его объяснения этих фактов как средство защиты. Разделяя точку зрения ученых, возражающих против такого деления информации, исходящей от обвиняемого, ввиду его условности, представляется возможным ее разграничение по процессуальному происхождению [6, с. 599].

1. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 8.

2. Устинов Д. С. Поведенческая характеристика обвиняемого и ее влияние на решения, принимаемые по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 171.

3. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. 3-е изд. М., 2012. С. 67.

4. Климова Я. А. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства по уголовным делам: моногр. Волгоград, 2018. 220 с.

5. Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России. М., 2011. С. 216.

6. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 599.

7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 414.

8. Васяев А. А. Исследование доказательств при производстве по уголовным делам. М., 2009. С. 11.

9. Пашин С. А. Судебные прения в механизме установления истины по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 17–19.

10. Данилевич А. А. Судебные прения и их место в системе судебного разбирательства уголовных дел // Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой реформы. Калининград, 1991. С. 98–108.

1. Groshevoy Yu. M. Essence of Court Decisions in the Soviet Criminal Procedure. Kharkov; 1979.

2. Ustinov D. S. Behavioral Feature of an Accused and its Influence on the Decisions Taken in a Criminal Case. Saratov; 2015.

3. Lazareva V. A. Proving in Criminal Procedure. Moscow; 2012.

4. Klimova Ya. A. Powers of a Prosecutor at the Final Stages of Pre-Trial Criminal Proceeding. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018.

5. Lazareva V. A., Ivanov V. V., Utarbaev A. K. Defending the Rights of the Individual in the Criminal Procedure in Russia. Moscow; 2011.

6. Theory of Evidence in the Soviet Criminal Procedure. Moscow; 1973.

7. Strogovich M. S. Course of the Soviet Criminal Procedure. Moscow; 1968; 1.

8. Vasyaev A. A. Examination of Evidence in Criminal Proceedings. Moscow; 2009.

9. Pashin S. A. Judicial Debate in Mechanism to Establish the Truth in a Criminal Case. Moscow; 1988.

10. Danilevich A. A. Judicial Debate and Its Place in the System of Criminal Proceedings. In: Issues of Criminal Law and Procedure in Terms of Legal Reform. Kaliningrad; 1991: 98–108.

11. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2008. С. 126–130.

12. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судебного убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 30.

© Устинов Д. С., 2019

Устинов Дмитрий Сергеевич,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук;
e-mail: ustinov681@yahoo.com

11. Scientific and Practical Commentary of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Edited by V. M. Lebedev; V. P. Bozhyev. Moscow; 2008: 126—130.

12. Groshevoy Yu. M. Problems to Form Judicial Conviction in Criminal Proceedings. Kharkov; 1975.

© Ustinov D. S., 2019

Ustinov Dmitry Sergeevich,
associate professor at the department
of the criminal process
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences;
e-mail: ustinov681@yahoo.com

* * *

В. С. Хоршева

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ДОЗНАВАТЕЛЯ
С ОПЕРАТИВНЫМИ СЛУЖБАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В статье раскрываются принципы и задачи взаимодействия следователя (дознавателя) с сотрудниками оперативных подразделений в ходе расследования преступлений. Дана классификация современных форм взаимодействия по различным признакам. Рассматриваются такие формы организации взаимодействия, как создание следственно-оперативных групп и деятельность в их составе, совместное производство следственных и иных процессуальных действий, использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании и т. д. Проанализированы правовые основы взаимодействия следователя (дознавателя) с оперативными службами. Освещены вопросы эффективности взаимодействия следователя (дознавателя) с оперативными подразделениями на современном этапе. Рассмотрены этапы взаимодействия подразделений органов внутренних дел в ходе расследования преступлений. Обоснована необходимость совершенствования ст. 38 УПК РФ в части установления срока исполнения поручений следователя, аналогичные изменения нужно внести в ст. 41 УПК РФ, регламентирующую полномочия дознавателя.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, орган дознания, предварительное расследование, формы взаимодействия, оперативно-разыскная деятельность, следственно-оперативная группа, планирование, следственные действия.

V. S. Khorsheva

**ON SOME ASPECTS OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR,
RESEARCHER WITH OPERATIONAL SERVICES
OF THE INTERIOR BODIES DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES**

The article describes the principles and tasks of the interaction of the investigator (inquirer) with the staff of operational units during the investigation of crimes. The classification of modern forms of interaction according to various criteria is given. Such forms of organizing interaction are considered, such as the creation and action as part of investigative-operational groups, the joint production of investigative and other procedural actions, the use of the results of operational-search activity in proving, etc. Analyzed the legal basis for the interaction of the investigator (investigator) with operational services. The issues of the effectiveness of the interaction of the investigator (investigator) with the operational units at the present stage are highlighted. The stages of interaction between the units of internal affairs bodies in the course of crime investigation are considered. The necessity of the improvement of art. 38 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in terms of establishing the time limit for the execution of the investigator's instructions, make the same changes in art. 41 of the Code of Criminal Procedure regulating the powers of the inquirer.

Key words: investigator, investigator, agency in charge of preliminary investigation, preliminary investigation, interaction forms, operational-search activity, investigative-operational group, planning, investigative actions.

Эффективность раскрытия и расследования преступлений невозможна без взаимодействия различных подразделений правоохранительных органов. Под взаимодействием понимается основанная на законе и подзаконных нормативных правовых актах, согласованная по целям, задачам, месту и времени совместная служебная деятельность следователя и органа дознания, на-

правленная на всестороннее раскрытие и расследование преступлений.

Правовой основой взаимодействия следователя (дознавателя) с другими службами органов внутренних дел являются Конституция РФ, международные договоры РФ по вопросам борьбы с преступностью, положения УК и УПК РФ, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О поли-

ции», Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») и ведомственные нормативные правовые акты.

Цели взаимодействия включают в себя не только совместное проведение следственных действий, составление согласованных планов, но и постоянный контакт при производстве предварительного расследования по уголовным делам.

К задачам взаимодействия можно отнести предупреждение, раскрытие и расследование преступлений; изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших; возмещение потерпевшим причиненного преступлением ущерба; розыск скрывшихся подозреваемых (обвиняемых).

К числу основных принципов, на основе которых осуществляется взаимодействие следователя (дознавателя) с органами дознания, относятся следующие:

1. *Законность.* Взаимодействие должно основываться на строгом соблюдении норм уголовно-процессуального закона, требований ведомственных нормативных правовых актов и инструкций, регламентирующих основания, порядок взаимодействия. Контроль над всеми участниками взаимодействия, осуществляемый руководителями следственных органов и органов дознания, а также прокурорский надзор обеспечивают неукоснительное соблюдение законности.

2. *Соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина.* Соблюдение прав и свобод человека и гражданина, защита их законных интересов в первую очередь закреплены положениями Конституции РФ (глава 2). В ходе производства предварительного расследования запрещается применение действий и принятие решений, создающих опасность для жизни и здоровья, а также унижающих честь и достоинство участников уголовного судопроизводства. При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их родственникам или близким лицам угрожают противоправными деяниями, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности [1].

3. *Оптимальное и наиболее рациональное использование сил и средств.* Данный принцип обусловлен необходимостью быстрого и полного раскрытия преступления, а также установления и изобличения лиц, причастных к его совершению. При получении новой информации или доказательств по уголовному делу как следователю (дознавателю), так и сотрудникам оперативных подразделе-

ний нужно постоянно обмениваться ей для решения вопроса об использовании тех или иных возможностей на данном этапе.

4. *Согласованное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и непрерывность совместной деятельности на всех этапах расследования по уголовному делу.* Раскрытие и расследование преступлений строится на непрерывном взаимодействии следователя (дознавателя) и оперативных работников. Осуществляя взаимодействие по уголовному делу, следователь (дознаватель) и сотрудники оперативного подразделения составляют план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, который должен быть согласован с руководителями следственного органа (начальником подразделения дознания), оперативного подразделения и утвержден начальником отдела полиции. В ходе производства расследования по уголовному делу план может быть скорректирован (изменен, дополнен). Согласованный план должен содержать: следственные и розыскные версии; обстоятельства, подлежащие установлению; необходимые к производству следственные и процессуальные действия; обстоятельства, подлежащие установлению оперативно-розыскным путем; сроки исполнения; исполнителей.

5. *Независимость сотрудников органа дознания в выборе применяемых ими средств и методов оперативно-розыскной деятельности.* Выполняя поручения следователя (дознавателя), сотрудники оперативных подразделений свободны в выборе средств, методов и тактических приемов. В поручении следователь (дознаватель) указывает только конкретные задачи, необходимые для исполнения.

6. *Процессуальная самостоятельность следователя (дознавателя) в принятии решений, руководящая роль и ответственность за своевременное и качественное расследование преступления.* В соответствии с данным принципом, закрепленным в п. 3 ч. 2 ст. 38 и п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, следователь (дознаватель) несет персональную ответственность за производство расследования, своевременность проведения следственных и иных процессуальных действий, решения о направлении хода расследования.

Взаимодействие следователей (дознавателей) с оперативными работниками в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и ФЗ «Об ОРД» осуществляется непосредственно в процессе предварительного расследования по уголовному делу, а также до возбуждения уголовного дела и после приостановления предварительного следствия. На стадии возбуждения уголовного дела взаимодействие направлено на проверку

информации и сбор достаточных материалов и их анализ для возбуждения уголовного дела. По приостановленным уголовным делам взаимодействие связано с решением задач по розыску скрывшегося от следствия и дознания подозреваемого, обвиняемого.

Необходимость во взаимодействии возникает в различных ситуациях, наиболее типичными из которых являются:

- совершение неочевидного преступления, когда неизвестно лицо, его совершившее;
- решение вопроса о возбуждении уголовного дела по материалам оперативно-разыскной деятельности;
- расследование сложных, многоэпизодных уголовных дел.

Производство предварительного расследования по сложному уголовному делу или делу, имеющему большой объем, может быть поручено группе следователей (дознавателей), о чем выносится отдельное постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела. В данную группу могут быть привлечены сотрудники оперативных подразделений [2, с. 10].

Условно взаимодействие подразделений органов внутренних дел при расследовании преступлений можно разделить на несколько этапов.

Первый этап совпадает с предварительной (процессуальной) проверкой сообщения о преступлении и со стадией возбуждения уголовного дела. Проверка сообщения о преступлении, как правило, проводится следственно-оперативной группой (далее — СОГ). Чаще всего проверка начинается с осмотра места происшествия, в ходе нее помощь следователю оказывают оперативные работники, специалисты-криминалисты. Оперативные работники оказывают помощь в обследовании территории, прилегающей к месту происшествия, выявлении очевидцев и др.; специалисты-криминалисты — в обнаружении, изъятии следов преступления. Ошибки, допущенные на первоначальном этапе расследования, не могут, как правило, быть восполнены впоследствии, что отрицательно отражается на дальнейшем ходе расследования.

Второй этап относится к первоначальной стадии производства предварительного расследования. Непосредственно на этом этапе реализуются все основные формы взаимодействия (разработка и проверка следственных версий, составление плана совместных следственных и оперативно-разыскных мероприятий, выполнение по поручению следователя оперативно-разыскных мероприятий, совместное обсуждение полученных результатов и т. д.).

Третий этап производства расследования по уголовному делу связан с предъявлением обвинения, допросом обвиняемого, сбором дополнительных доказательств и решением иных задач расследования. На этой стадии при взаимодействии осуществляются деятельность по проверке показаний обвиняемого, розыск скрывшихся подозреваемых, обвиняемых, деятельность по установлению возможных новых источников доказательств, анализ проделанной работы.

Четвертый этап является заключительным и связан с завершением расследования по уголовному делу. Следователь подводит итоги расследования, проверяет, все ли обстоятельства, подлежащие установлению, установлены, достаточно ли убедительно доказана вина обвиняемого. Как правило, именно в этот период совместно разрабатываются и реализуются профилактические меры противодействия преступности.

С содержанием взаимодействия тесно связано понятие его форм.

Формы взаимодействия определены объемом и содержанием следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, которые предстоит реализовать по расследуемому уголовному делу.

Классифицируя формы взаимодействия по различным признакам, их можно разделить на процессуальные и непроцессуальные.

Процессуальное взаимодействие осуществляется на основе положений уголовно-процессуального закона. Его формами являются:

- 1) поручения следователя, дознавателя о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- 2) совместное производство следственных и иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 7 ст. 164 УПК РФ);

- 3) привлечение специалистов к участию в производстве следственных действий (ст. 168 УПК РФ);

Наиболее распространенной процессуальной формой взаимодействия между следователем (дознавателем) и сотрудниками оперативных подразделений является исполнение оперативными работниками отдельных поручений следователя (дознавателя) о проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Данная форма регламентируется п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ.

В поручении следователь (дознаватель) должен указать обстоятельства совершенного преступления, приметы похищенного имущества, приметы возможных причастных к совершению преступления лиц, обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. При необхо-

димости к поручению прилагают копии соответствующих постановлений, решений суда и других документов, фотографии, фотороботы. Сотрудники оперативных подразделений с учетом конкретных условий и своих возможностей сами определяют виды оперативно-разыскных мероприятий, силы и технические средства, необходимые для решения поставленных задач. Поручение не должно носить формальный характер. Результаты оперативно-разыскных мероприятий должны быть представлены в виде рапортов, справок, объяснений. Поручения следователя (дознателя) приобщают к материалам уголовного дела.

Кроме оперативно-разыскных и розыскных мероприятий, следователь (дознатель) вправе поручать органу дознания производство следственных действий (обыск, допрос, освидетельствование и т. п.). Это обусловлено, например, большим объемом работы по уголовному делу; необходимостью проведения комплекса следственных действий одновременно в разных местах (например, серии обысков у подозреваемых лиц); невозможностью проведения следственного действия лично в другом районе, области, городе.

В УПК РФ отсутствует четкая регламентация того, какие именно следственные и процессуальные действия следователь (дознатель) может поручить органу дознания, однако не стоит поручать производство следственных действий, требующих детального знания материалов уголовного дела (следственный эксперимент, очная ставка, допрос подозреваемого (обвиняемого), предъявление обвинения и т. д.).

Уголовно-процессуальный закон также не регламентирует срок исполнения поручения следователя (дознателя), что приводит к длительному исполнению органом дознания поручений следователя (дознателя), а это отрицательно сказывается на сроках предварительного следствия. В соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами срок исполнения поручения следователя (дознателя) составляет 10 суток. В связи с тем, что в следственной практике возможны ошибки толкования данной нормы, представляется необходимым внести изменения в ст. 38, 41 УПК РФ, дополнив п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ нормой о том, что поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

Не менее важным видом взаимодействия является розыскная деятельность в целях установления местонахождения подозреваемых (обвиняемых) лиц, похищенного имущества, возможных свидетелей. Розыск осуществляется совместными усилиями следователя (дознателя) и оперативных работников. Розыск может быть объявлен как

во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением (ч. 2 ст. 210 УПК РФ). Сам следователь должен поддерживать непосредственную связь с оперативными работниками, периодически уточнять, появилась ли новая информация о разыскиваемом лице, и при получении новых сведений принимать меры по их проверке.

Совместное производство следственных и иных процессуальных действий, регламентированное п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 7 ст. 164 УПК РФ, является следующей процессуальной формой взаимодействия следователя (дознателя) с органами дознания. Необходимость привлечения оперативных сотрудников к производству следственных действий возникает при невозможности эффективного производства следственного действия единолично следователем.

Привлечение оперативных работников к производству следственных и иных процессуальных действий обусловлено: сложностью производства следственного действия; большим объемом работы при производстве следственного действия (осмотр места происшествия на обширной территории, обыск больших помещений, следственный эксперимент), что затрудняет его выполнение единолично следователем; необходимостью принятия различных мер организационно-тактического характера (например, обеспечение понятыми, статистами); обеспечением безопасности участников следственного действия [3, с. 59].

Как правило, содействие оперативных работников при производстве следственных действий начинается с осмотра места происшествия. Сотрудники оперативных подразделений осуществляют мероприятия по установлению очевидцев происшествия, по проверке мест хранения и сбыта похищенного имущества, проверке по криминалистическим учетам похищенного имущества, установлению, обнаружению и задержанию лиц, причастных к совершению преступления, а также сообщают в дежурную часть данные, имеющие значение для поиска и задержания причастных к совершению преступления лиц по горячим следам (приметы подозреваемых лиц, особенности похищенного имущества).

При производстве допроса взаимодействие осуществляется на стадии подготовки к данному следственному действию путем обмена взаимной информацией, а также в ходе допроса (например, при проверке информации, полученной при допросе об алиби, о других участниках преступления).

Что касается взаимодействия в ходе обыска, то оно начинается на стадии подготовки к следственному действию. При этом следователь (дозна-

ватель) выносит мотивированное постановление; совместно с оперативными работниками определяет время проведения, конкретные задачи обыска, участников следственного действия, тактические приемы; проводит сбор информации об обыскиваемом лице (наличие недвижимого имущества: квартиры, дома, гаража, дачи; образ его жизни, состав семьи и т. п.). Во время обыска оперативные работники помогают следователю (дознавателю) обследовать обыскиваемое помещение с целью отыскания искомых объектов, при необходимости обыскивают дворовые постройки, гаражи, участки, прилегающую территорию. При обнаружении искомых предметов, документов они ставят в известность следователя. Оперативные работники также помогают следователю обеспечивать порядок и безопасность участников при производстве следственного действия, ведут наблюдение за поведением обыскиваемого и членов его семьи.

Непроцессуальные формы взаимодействия не закреплены уголовно-процессуальным законом, а осуществляются на основании нормативных правовых актов, приказов, инструкций, указаний. К ним относятся:

- 1) создание СОГ и деятельность в ее составе;
- 2) совместное планирование следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий по уголовному делу;
- 3) использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании.

К непроцессуальным формам взаимодействия можно отнести оперативное сопровождение уголовного дела; взаимный обмен информацией о результатах расследования и оперативно-разыскных мероприятий, ее обсуждение; взаимодействие с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при назначении судебных экспертиз. Перечень непроцессуальных форм взаимодействия не является исчерпывающим.

Наиболее эффективная форма взаимодействия следователя (дознавателя) с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, — создание СОГ. По объему задач СОГ подразделяются на дежурную и специализированную.

Дежурная СОГ создается для обеспечения производства неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий непосредственно после поступления сообщения о преступлении. Она формируется из числа сотрудников, осуществляющих суточное дежурство по органу внутренних дел, и состоит из следователя или дознавателя, оперативных сотрудников, специалистов-криминалистов, при необходимости привлекается инспектор-кинолог. При осложнении оперативной обстановки на территории, обслужи-

ваемой отделом полиции, может создаваться несколько дежурных СОГ.

Специализированная группа создается для обеспечения эффективного взаимодействия подразделений ОВД в процессе производства расследования по конкретному уголовному делу, а также отдельным категориям преступлений: тяжким и особо тяжким; прошлых лет, серийным преступлениям; экономическим преступлениям и другим, в том числе тем, по которым лица, совершившие их, не установлены. Формируется специализированная СОГ из числа наиболее опытных следователей (дознавателей) и работников оперативных подразделений, имеющих достаточный опыт расследования преступлений, на основании приказа начальника ОВД. По ходу расследования состав участников СОГ может изменяться.

Каждый участник СОГ наделен кругом определенных обязанностей.

Руководитель группы (следователь, дознаватель) определяет направление расследования, несет персональную ответственность за полноту, своевременность и качество расследования, обеспечивает согласованную деятельность всех ее членов.

По поручению руководителя СОГ оперативные сотрудники проводят оперативно-разыскные мероприятия, направленные на установление свидетелей, мест сбыта и хранения похищенного имущества, причастных к совершению преступления лиц.

Специалист-криминалист оказывает содействие следователю (дознавателю) в обнаружении, фиксации, изъятии, упаковке и сохранении следов, объектов, документов, отборе образцов для сравнительного исследования, оказывает помощь в производстве следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, разработке версий совершенного преступления, а также другую помощь, требующую специальных познаний.

Как показывает практика, образование СОГ дает ряд преимуществ по сравнению с другими формами взаимодействия следователей и оперативных работников [4, с. 4].

Осуществляя взаимодействие при расследовании преступления, следователь (дознаватель) совместно с сотрудниками оперативных подразделений разрабатывают план следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий вне зависимости от этапа производства расследования по уголовному делу. План должен быть согласован с руководителем следственного подразделения (начальником подразделения дознания) и начальником оперативного подразделения и утвержден начальником отдела полиции. План должен

включать: розыскные и следственные версии, подлежащие проверке; перечень необходимых следственных действий; обстоятельства, подлежащие установлению оперативным путем; конкретные сроки исполнения и лиц, ответственных за исполнение. В ходе производства расследования по уголовному делу план может быть изменен и дополнен. Ответственность за исполнение плана расследования несет следователь.

Следующей формой непроцессуального взаимодействия является использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании. Такая форма взаимодействия предусмотрена ст. 11 ФЗ «Об ОРД» [5]. Согласно положениям данной статьи результаты оперативно-разыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; проведения оперативно-разыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений; выявлению и установлению лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление; розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, а также уклоняющихся от исполнения наказания; без вести пропавших. Результаты оперативно-разыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, их оформляют рапортом об обнаружении признаков преступлений, который с материалами проверки направляют для принятия

решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ. Их также используют в доказывании по уголовным делам.

При предоставлении результатов ОРД, полученных в ходе оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электронной и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, к ним должны быть приложены копии судебных решений о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий фотоснимки, аудио- и видеозаписи, носители компьютерной информации, справки, планы, которые могут иметь доказательственное значение по уголовному делу, должны быть переданы следователю (дознавателю).

Подводя итог, можно сказать, что взаимодействие следователя (дознавателя) с органом дознания должно основываться и осуществляться в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, федеральных законов и требованиями нормативных правовых актов, приказов, инструкций, регламентирующих основания, порядок взаимодействия. Только совместное согласованное взаимодействие в ходе расследования преступлений позволит качественно, всесторонне и в кратчайшие сроки расследовать уголовное дело, повысить качество производства следственных и процессуальных действий.

1. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Организация взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений специализированными подразделениями дознания органов внутренних дел: учеб. пособие / Т. Ф. Скогорева [и др.]. Волгоград, 2016.

3. Плеснева Л. П. Взаимодействие следователя с органами дознания: правовые и организационные основы: моногр. Иркутск, 2016.

4. Кучкина В. Г. Сравнительный анализ следственных и следственно-оперативных групп // Рос. следователь. 2011. № 24.

5. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Federal Law No. 3-FZ of 7 February 2011. "On the Police". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

2. Skogoreva T. F., Kolosovich M. S., Popova O. A. (et al). Organization of Interaction in the Detection and Investigation of Crimes by Specialized Units of the Internal Affairs Inquiry. Volgograd; 2016.

3. Plesneva L. P. The Interaction of the Investigator with the Bodies of Inquiry: the legal and organizational framework: monograph. Irkutsk; 2016.

4. Kuchkina V. G. Comparative Analysis of Investigative and Investigative-operative Groups. Russian investigator. 2011; 24.

5. Federal Law No 144-FZ of 12 August 1995. "On the Operational-Search Activity". Available from: reference legal system "Consultant Plus".

Хоршева Валентина Сергеевна,
доцент кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Valya3107@bk.ru

Khorsheva Valentina Sergeevna,
senior lecturer at the department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Valya3107@bk.ru

* * *

И. Н. Чеботарева

ОТКАЗ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается отказ от права в уголовном процессе как правовое явление, выделяются условия и гарантии его правомерности. Автор исходит из того, что субъективные права выступают благами, которые предоставлены участникам уголовного процесса, чтобы отстаивать свои законные интересы, имеющие нормативное выражение. В ситуации, когда участник процесса отказывается от предоставленного ему блага, речь идет об отказе от права. Категория права в УПК РФ употребляется в отношении участников, не являющихся должностными лицами и органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность в силу должностных обязанностей. Применительно к последним употребляется термин «полномочия». Наиболее яркими примерами отказа от права являются отказ от защитника (ст. 52 УПК РФ), отказ от права не свидетельствовать (ч. 2 ст. 11 УПК РФ). Очевидно, что в любом случае отказ от права должен быть правомерным, добровольным и сопровождаться дополнительными гарантиями не только обеспечения прав личности в уголовном процессе, но и интересов правосудия, достоверности и допустимости доказательственной информации. Имеются ситуации недопустимости отказа от права, когда интересы правосудия преобладают над личными благами участников процесса.

В статье изучаются мнения ученых по данному вопросу, анализируются решения Европейского суда по правам человека, в которых он определил условия правомерности отказа от права, а также правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: субъективное право, диспозитивность в уголовном процессе, отказ от права.

I. N. Chebotareva

REFUSAL OF THE SUBJECTIVE RIGHT (WAIVER) IN CRIMINAL PROCEDURE

The article deals with criminal waiver (refusal of the right in criminal procedure) as a legal phenomenon as well as highlights the terms and guarantees of its legitimacy. The author considers subjective rights to be benefits that are granted to the participants in the criminal proceeding in order to defend their legitimate interests which have normative fixation. Under conditions when the participant of the process refuses the benefit provided to him by law it is a problem of the waiver (refusal of the right in criminal procedure). The category of right in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is used in relation to participants who are not officials and bodies that carry out criminal procedural activity in accordance with their official duties or their «powers». The most evident examples of the waiver (refusal of the right in criminal procedure) are refusal of the defender (Art.52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), refusal of the right not to testify (Part 2 of Article 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). It is obviously that in any case the waiver must be legitimate, voluntary and accompanied by additional guarantees not only to ensure the rights of an individual in the criminal proceeding but also the interests of justice, credibility and admissibility of evidentiary information. There are situations of inadmissibility of refusals of rights when the interests of justice prevail over the personal benefits of participants in the criminal proceeding. The article also deals with the opinions of scientists on this issue as well as analyzes the decisions of the European Court on Human Rights where there are decisions concerning the terms of the legality of the waiver and the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: subjective law, dispositivity in criminal procedure, refusal of right (waiver).

Понятие «отказ от права» (англ. — waiver) довольно давно подробно разработано в англо-американской правовой доктрине [1; 2], где под ним подразумевается добровольный отказ от за-

конных прав, привилегий, иммунитетов, в частности в уголовном процессе. В зарубежной юридической литературе отказ от права рассматривается как выражение свободы личности.

В российский правовой обиход данное понятие только начинает входить. Активное исследование отказа от права проходит в сфере гражданско-правовых отношений: в силу их диспозитивности указанное явление выражено в них больше. Между тем «отказ от права» возможен и в сфере уголовно-процессуальных отношений, примеры чего можно увидеть в решениях Европейского суда по правам человека (далее — Европейский суд). В прецедентной практике Европейского суда понятие «отказ от права» достаточно проработано, он создал собственные подходы к его определению и применяет их, в частности, к странам континентальной системы права с уголовным процессом смешанного типа.

Активное восприятие и развитие указанного понятия в отечественной гражданско-правовой сфере позволяет предположить, что скоро оно возникнет и в уголовном процессе. К такому выводу подталкивает и анализ изменений уголовно-процессуального законодательства, их вектор на соответствие российского уголовного процесса требованиям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в их интерпретации Европейским судом (приведение уголовно-процессуального законодательства в соответствие с конвенционными требованиями — одна из мер общего (common) характера, направленных на устранение выявленных Европейским судом нарушений Конвенции по итогам рассмотрения этим судом жалоб российских граждан). Учитывая имплементацию правовых позиций Европейского суда в российский Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК РФ), на наш взгляд, следует уделить внимание такому понятию, как отказ от права, подвергнуть его научному осмыслению с целью его разработки в отечественной уголовно-процессуальной доктрине и последующего закрепления и оптимизации механизма нормативно-правовых гарантий, препятствующих нарушениям прав человека в данной области.

Чтобы раскрыть суть отказа от права и то, как оно проявляется в российском уголовном процессе, интересно обратиться к его пониманию Европейским судом, поскольку в российской доктрине «отказ от права» самостоятельному научному исследованию не подвергался. Возможность субъекта отказаться от принадлежащего ему права вытекает из сформированного в теории права общего понимания субъективного права, а также рассматривается в контексте проявления диспозитивности в уголовном процессе.

Традиционно субъективное юридическое право в отечественной доктрине понимается как предоставляемая и охраняемая государством мера воз-

можного (дозволенного) поведения лица по удовлетворению своих законных интересов, предусмотренных объективным правом [3]. По мнению Н. И. Матузова, субъективное право — это создаваемая и гарантируемая государством через нормы объективного права особая юридическая возможность действовать, позволяющая субъекту (как носителю этой возможности) вести себя определенным образом, требовать соответствующего поведения от других лиц, пользоваться определенным социальным благом, обращаться в случае необходимости к компетентным органам государства за защитой — в целях удовлетворения личных интересов и потребностей, не противоречащих общественным [4, с. 145]. В отличие от объективного права, представляющего собой систему реально существующих юридических норм, субъективное право выступает как право, принадлежащее лишь определенному субъекту, поэтому реализуется не иначе как только по усмотрению этого лица. В отличие от юридической обязанности (вида и меры должного или требуемого поведения), в основе которой лежит необходимость такого поведения, субъективное право связано с возможностью поведения [5]. В этом смысле субъективное право есть «мера возможного поведения», т. е. вопрос о совершении того или иного действия по осуществлению своего права полностью зависит от воли управомоченного лица, его субъективного усмотрения [6, с. 114].

Таким образом, отечественная доктрина исходит из того, что субъективное право предполагает возможность для его собственника самостоятельно определять необходимость его реализации (осуществления поведения, предусмотренного данным правом), учитывая собственные интересы, и в этом смысле собственник может как реализовать указанное право, так и отказаться от его реализации.

Однако отказ от права — самостоятельное понятие, обладающее собственным содержанием и признаками, которые имеют значение для юридической деятельности. Для иллюстрации этого обратимся к пониманию отказа от права Европейским судом, который исходит прежде всего из того, что «ни буква, ни дух статьи 6 Конвенции не препятствуют лицу в свободном отказе, прямом или подразумеваемом, от использования гарантий справедливого судебного разбирательства» [7].

По мнению Европейского суда, для того, чтобы такой отказ имел силу с точки зрения Конвенции, он должен быть: 1) установленным безусловным образом, т. е. выраженным ясно и недвусмысленно; 2) добровольным; 3) информированным; 4) сопровождаемым минимальными процессуальными га-

рантиями, согласующимися со значимостью этого действия; 5) не противоречащим какому-либо общественному интересу [7]. Таким образом, Европейский суд предъявляет ряд требований к отказу от права.

Европейский суд полагает, что явным отказом может быть не только прямое утверждение обвиняемого о его отказе от права, но и так называемый подразумеваемый отказ. Фактически речь идет как о *совершении определенных действий, направленных на отказ* от права (например, заявление обвиняемым письменного отказа от защитника [8]), так и о *несовершении действий, направленных на реализацию* права, в том случае, когда реализация права предполагает необходимость совершения определенных действий (т. е. имеет место так называемый «косвенный», «подразумеваемый», «молчаливый» отказ от права). В российском уголовном процессе это ситуации, когда для реализации права лицу необходимо заявить соответствующее ходатайство (например, об участии в рассмотрении уголовного дела апелляционной, кассационной инстанцией [9]) или возразить против совершения процессуальных действий (например, против оглашения показаний свидетеля в суде [10]), но обвиняемый этого не делает.

Случаи, когда национальные власти утверждают, что несовершение обвиняемым каких-либо действий свидетельствует об отказе его от реализации права, наиболее частотны в прецедентной практике Европейского суда. В изученных решениях Европейского суда в отношении Российской Федерации, где возникал вопрос об отказе от права, заявители обращались в этот орган с жалобой, утверждая, что были лишены возможности реализовать свои права, и он, установив наличие права и допуская возможность того, что лицо само могло от него отказаться, рассматривал, был ли такой отказ и каковы условия его правомерности.

Как показывает анализ практики Европейского суда в отношении Российской Федерации, российские власти апеллируют к тому, что субъект права сам от него отказался, в ситуации, когда нереализация права субъектом была обусловлена внешними причинами, не его волеизъявлением и отказом самого субъекта от права прикрываются пороки правоприменения. В российском уголовном процессе существует острая проблема надлежащего правоприменения, в особенности в части должного обеспечения прав участников процесса, поэтому подобное отношение к нереализации субъектом своего права вполне отражает общую картину в национальном процессе. Имеются значительные нарушения, выражающиеся как в су-

ществовании «псевдоотказов» (нереализации права в силу незнания или непонимания его содержания, отсутствия возможности его реализовать, оказания давления на субъекта права и проч.), так и в практике принуждения к реализации права.

Примеры «псевдоотказов» содержатся в рассмотренных Европейским судом жалобах, в которых заявители указывали на невозможность реализации ими своих прав, а российские власти утверждали, что обвиняемые сами не стали их реализовывать. Противоположное нарушение — принуждение к реализации права, когда субъект лишается возможности отказаться от принадлежащего ему права. Примером его служат необоснованные отклонения должностными лицами заявленных обвиняемыми отказов от защитника [11]. Конституционный Суд РФ применительно к указанным ситуациям подчеркнул, что принуждение лица к реализации его субъективного права вопреки его воле недопустимо, а надлежащее осуществление функции защиты при отсутствии доверия к защитнику со стороны обвиняемого практически невозможно [12]. В данной ситуации налицо неправильная интерпретация правоприменителем публичных интересов (интересов правосудия в терминологии Европейского суда) при их столкновении с личными интересами.

В российском уголовном процессе при рассмотрении отказа субъекта от принадлежащего ему права оценивается лишь добровольность: отказ признается *вынужденным*, если он реализован не по собственной воле [13]. Указанное понятие представляется слишком обще и неопределенно, что дает простор для ошибок и злоупотреблений.

Изложенное служит еще одним аргументом в подтверждении необходимости специального исследования «отказа от права» как правового явления в российской уголовно-процессуальной доктрине.

Необходимо отметить, что долгое время в отечественном уголовном процессе интересы личности вообще не принимались во внимание, поскольку уголовное судопроизводство осуществлялось для защиты государственных интересов в целях борьбы с преступностью. Как об этом достаточно много написано в юридической литературе, для достижения выдвигаемых государством высоких целей в жертву приносились интересы отдельного человека, гуманизация уголовного процесса в целом [14, с. 10—13]. Очевидно, что вопрос отказа субъекта от права в таких условиях не возникал в принципе. В условиях реформирования уголовного процесса на первый план выдвинулась идея необходимости защиты личности, обеспечения ее прав.

Вопрос о том, может ли субъект права отказаться от него, как видится, лежит в плоскости соотношения личных и публичных интересов в уголовном процессе, поэтому при исследовании возможности отказа от права в уголовном процессе нельзя упускать из вида правовую природу уголовного процесса. Производство по уголовным делам является той сферой общественных отношений, где сильно выражено публичное начало. Именно публичное начало обуславливает обязанность должностных лиц и органов государства действовать от его имени и в его интересах. В этом смысле публичность уголовного процесса определяет приоритет государственных (публичных) интересов во взаимоотношениях человека с властью. В случаях коллизии интересов государства и личности отдается предпочтение первым. Диспозитивное начало, которое, напротив, определяет возможность граждан по собственному усмотрению распоряжаться своим материальным или процессуальным правом, не прибегая к содействию государства, юридическое право участников судебного процесса действовать по своему усмотрению, в уголовном процессе выражено ограниченно.

Уголовное судопроизводство, основанное исключительно на публичных началах, не может в максимальной степени обеспечить защиту прав и интересов личности, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве провозглашено одним из назначений уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Гарантией уважения личности, обеспечения прав и свобод человека является не только неукоснительное соблюдение государством закона, но и установление сферы активности и самостоятельности личности [15]. Профессор И. Л. Петрухин пишет: «В условиях диспозитивности личный интерес гражданина оказывается более ценным, чем конкурирующий государственный интерес. Сильные публичные начала характерны для инквизиции и полицейского государства. Преобладание диспозитивности свойственно зрелому гражданскому обществу и демократическому государству» [16, с. 24—25].

Поэтому современный уголовный процесс исходит из соотношения публичных и личных интересов. В настоящее время многие концепции и теории получили новый вектор развития в связи с пересмотром большинства правовых доктрин и изменением основополагающих государственных приоритетов. В юридической литературе справедливо отмечают, что законодатель в УПК РФ сохранил обязанность должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, обеспечить соблюдение прав и законных интересов лиц, привлекае-

мых для участия в нем, но в значительно большей степени стал полагаться на самих участников процесса в вопросах реализации и защиты ими своих законных прав и интересов [17, с. 130].

Современные исследователи, вспоминая слова И. Я. Фойницкого, который говорил о том, что усиление частных начал в уголовном процессе способствует развитию процесса состязательного типа, также полагают, что, чем больше диспозитивных начал будет содержать уголовно-процессуальный закон, тем более демократичным и состязательным будет уголовный процесс, поскольку его участники получают возможность выбора вариантов поведения по своему усмотрению в зависимости от характера ситуации на определенный момент производства по делу [18, с. 121—124]. Учитывая, что отношение к человеку, объем его прав и свобод является важнейшим критерием правового государства, обеспечивающим реализацию принципа состязательности при осуществлении правосудия, можно прийти к выводу, что усиление состязательности неизбежно ведет к расширению сферы действия диспозитивности в уголовном процессе. Налицо взаимообусловленность состязательности и диспозитивности.

Считается, что диспозитивные права — права участников уголовного процесса по отстаиванию личного или представляемого интереса, реализация которых влияет на возникновение, ход и результат уголовного дела. Применительно ко многим правам, которые исследователи относят к диспозитивным, законодатель установил дополнительные гарантии, сопровождающие как их реализацию, так и отказ от них. В целом же возможность субъекта отказаться от принадлежащего ему права определяется методом правового регулирования.

Примат публичных интересов в уголовном процессе обуславливает императивный метод правового регулирования, при котором право и обязанность субъекта на совершение определенных процессуальных действий возникают не по его свободному усмотрению и не из договоренности с другими субъектами, а по властному велению закона, т. е. в силу публичной обязанности перед государством [19, с. 45]. При диспозитивном регулировании субъект имеет не только возможность реализовать принадлежащее ему субъективное право, но и право воздержаться от его реализации (в противном случае право называлось бы обязанностью). Субъекты права свободны в совершении (или несовершении) действий, направленных на реализацию права, поскольку они находятся в рамках дозволенного поведения. Реализация субъективного права происходит путем совершения определенных действий либо воздержания от их со-

вершения, в целях получения материального или нематериального блага, по поводу которого возникло правоотношение.

Диспозитивный метод правового регулирования, при котором субъект реализует свое право или по собственному единоличному усмотрению, или по добровольному соглашению с другими субъектами, в уголовном процессе применяется ограниченно из-за публичного характера интересов, являющихся объектом большинства уголовно-процессуальных отношений.

При этом императивный метод правового регулирования (предписание), который можно выразить формулой «Запрещено все, что не разрешено», применяется к должностным лицам, а диспозитивный метод (дозволение и запрет), заключающийся в том, что «разрешено все, что не запрещено», применяется в отношении участников, имеющих личный или представляемый интерес. Например, участие защитника в уголовном процессе для должностных лиц носит императивный характер, а для обвиняемого — диспозитивный, так как в ст. 51 УПК РФ установлено, что участие защитника в процессе обязательно до тех пор, пока обвиняемый от него не откажется.

У остальных участников уголовного процесса также имеются возможности в определенных случаях действовать по своему усмотрению, но эти возможности незначительны: в их правовом положении обязанности преобладают над их правами [15].

УПК РФ предоставляет участникам достаточно широкие права для отстаивания собственных интересов. Например, ст. 47 УПК РФ в ч. 4 содержит неисчерпывающий перечень прав обвиняемого, которые он может реализовать / не реализовать по собственному усмотрению. В ряде случаев сам УПК РФ прямо устанавливает такую возможность, например закрепляя возможность отказа от защитника (ст. 52) — права, установленного п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, отказа от права хранить молчание подозреваемым, обвиняемым и от права на свидетельский иммунитет (ч. 2 ст. 11, п. 3 ч. 2 ст. 42, п. 7 ч. 4 ст. 44, п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47, п. 4 ч. 2 ст. 54, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

Анализ норм УПК РФ свидетельствует о том, что отказ от права в уголовном процессе может быть выражен как в активной форме — непосредственного прямого отказа (например, письменного отказа от защитника) или согласия на производство действий, ограничивающих права (например, дача согласия на осмотр жилища), так и в пассивной форме, т. е. несовершении действий, направленных на реализацию права.

В некоторых случаях УПК РФ предусматривает необходимость заявления ходатайства со стороны

субъекта права для возможности его реализации. Например, право потерпевшего знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) может быть реализовано при наличии соответствующего ходатайства (ч. 1 ст. 216 УПК РФ). Для того чтобы обвиняемый участвовал в суде апелляционной инстанции (реализовал право, предусмотренное п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), ему необходимо заявить соответствующее ходатайство (п. 2 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ). В указанных случаях отсутствие ходатайства влечет за собой нереализацию права. Аналогично отсутствие ходатайства о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей или коллегией из трех судей в случаях, предусмотренных УПК РФ, будет свидетельствовать об отказе от права.

Можно привести примеры и активной формы отказа от права путем заявления ходатайства. Так, для того, чтобы отказаться от своего права участвовать в судебном разбирательстве суда первой инстанции (п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), обвиняемому следует заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в его отсутствие (ч. 4 ст. 247 УПК РФ) (при условии, что он обвиняется в совершении преступления небольшой или средней тяжести). Обвиняемый может отказаться и от права на состязательное судебное разбирательство, заявив ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства. Подозреваемый, обвиняемый могут прямо отказаться от принадлежащего им права на помощь защитника. Такой отказ допускается в письменном виде (ч. 1 ст. 52 УПК РФ), и он не обязателен для дознавателя, следователя и суда. Несмотря на то, что в данной ситуации законодатель установил не разрешительный, а уведомительный порядок отказа от права, его необязательность для должностных лиц свидетельствует о том, что фактически решение о его признании принимают дознаватель, следователь, суд. В указанных случаях отказ от реализации права субъектом ставится в зависимость от усмотрения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу.

В ряде случаев закон прямо указывает на то, что отказ от осуществления права приводит к его прекращению и не содержит запрета на отказ лица от принадлежащего ему конкретного субъективного права. В таком случае отказ от права необратим. Например, если лицо отказывается от права не свидетельствовать против себя и близких родственников, то данные им показания могут быть использованы в качестве доказательств даже в случае, если лицо впоследствии от них откажется; если обвиняемый не заявит ходатайство

о рассмотрении его дела с участием присяжных заседателей на определенном этапе производства по уголовному делу, т. е. фактически откажется от суда присяжных, то впоследствии уже не сможет ходатайствовать об этом (п. 1 ч. 5 ст. 217 — разъяснение права, п. 1 ч. 5 ст. 231 — необратимость отказа).

Отказ от защитника, напротив, является обратимым отказом от права, что не только подразумевает возможность самого субъекта реализовать это право впоследствии на любом этапе производства по уголовному делу, но и сопровождается обязанностью должностных лиц в предусмотренных законом случаях разъяснять это право подозреваемому, обвиняемому и обеспечивать возможность его реализации.

В ряде случаев УПК РФ устанавливает запрет на отказ от права. Например, недопустим отказ от защитника в случаях, когда его участие в уголовном судопроизводстве является обязательным (в силу личностных особенностей подозреваемого, обвиняемого, грозящего ему наказания или из-за особенностей процедуры производства по уголовному делу — ст. 52 УПК РФ) или необходимо обеспечить допустимость доказательственной информации (ст. 75 УПК РФ).

Приведенные примеры не следует считать исчерпывающими, они лишь иллюстрируют норма-

тивно-правовое регулирование проявлений отказа от права в отечественном УПК.

Можно сделать вывод, что отказ от права в уголовном процессе в отличие от возможности его реализации в отечественной доктрине научному изучению не подвергался. Расширение состязательных начал в российском уголовном процессе приводит к необходимости большей активности личности в уголовном процессе. Пассивность субъекта, выражающаяся в отказе от реализации права, в условиях состязательности может иметь для него неблагоприятные последствия, и субъект должен осознавать это. В российском же уголовном судопроизводстве нередко случаи нереализации субъектом права, обусловленные ненадлежащим правоприменением. Расширение состязательности в российском уголовном процессе диктует необходимость обратиться к разработке концепции отказа от права — самостоятельного правового явления, требующего изучения в части определения случаев, когда субъект может отказаться от права, а когда нет, а также обстоятельств, которые при этом должны учитываться (субъективные составляющие: возраст, состояние здоровья, образование; внешние условия — условия, в которых лицо находилось в момент отказа от права, знание и осознание им своего права и проч.) в целях установления гарантий, которые его должны сопровождать.

1. Spritzer Ralph S. Criminal Waiver, Procedural Default and The Burger Court // University of Pennsylvania Law Review. 1978. Vol. 126. January. No 3. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4900&context=penn_law_review (дата обращения: 08.01.2019).

2. Berg Jessica Wilen. Understanding Waiver // Faculty Publications. Paper 236. 2006. URL: http://scholarlycommons.law.case.edu/faculty_publications/236 (дата обращения: 08.01.2019).

3. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: учеб.: в 2 т. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

4. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

5. Теория государства и права: учеб. / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М., 2016.

6. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом. М., 2007.

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 апреля 2012 г. по делу «Дамир Сибгатуллин (Damir Sibgatullin) против Российской Федерации» (жалоба № 1413/05). П. 46.

1. Spritzer Ralph S. Criminal Waiver, Procedural Default and the Burger Court. University of Pennsylvania Law Review. Volume 126. 3 January 1978. Available from: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4900&context=penn_law_review. Accessed: 8 January 2019.

2. Berg Jessica Wilen. Understanding Waiver (2006). Faculty Publications. Paper 236. Available from: http://scholarlycommons.law.case.edu/faculty_publications/236. Accessed: 8 January 2019.

3. Marchenko M. N. Problems of General Theory of State and Law: textbook: in 2 volumes. Moscow; 2016. Available from: <http://www.study.garant.ru> (reference date: 10/01/2019).

4. Matuzov N. I. Personality. Rights. Democracy: theoretical problems of subjective law. Saratov; 1972. Available from: legal information portal "Garant".

5. Theory of State and Law. Edited by A. V. Malko, D. A. Lipinsky. Moscow; 2016.

6. Malinovsky A. A. Abusing Subjective Law. Moscow; 2007.

7. Resolution of the European Court on Human Rights of 24 April 2012 on Case of "Damir Sibgatul-

Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июня 2011 г. по делу «Кононов (Kononov) против Российской Федерации» (жалоба № 41938/04). П. 33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; постановление Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 2009 г. по делу «Самохвалов (Samokhvalov) против Российской Федерации» (жалоба № 3891/03). П. 57. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 2015 г. по делу «Алексей Борисов (Aleksey Borisov) против Российской Федерации» (жалоба № 12008/06). П. 34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу «Скляр (Sklyar) против Российской Федерации» (жалоба № 45498/11). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 марта 2012 г. по делу «Нефедов (Nefedov) против Российской Федерации» (жалоба № 40962/04). П. 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; постановление Европейского Суда по правам человека от 12 февраля 2009 г. по делу «Самохвалов (Samokhvalov) против Российской Федерации» (жалоба № 3891/03). П. 49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; постановление Европейского Суда по правам человека от 14 октября 2008 г. по делу «Тимергалиев (Timergaliyev) против Российской Федерации» (жалоба № 40631/02). П. 59. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 сентября 2008 г. по делу «Полуфакин и Чернышев (Polufakin and Chernyshev) против Российской Федерации» (жалоба № 30997/02). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 2014 г. по делу «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» (жалоба № 58428/10). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петушкова Романа Григорьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 52 и частью первой статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 261-О. URL: <http://doc.ksrif.ru/decision/KSRFDecision322449.pdf> (дата обращения: 05.01.2019).

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Побережьева Александра Вадимовича на нарушение его конституционных

lin (Damir Sibgatullin) vs. the Russian Federation" (Complaint No. 1413/05) Paragraph 46; Resolution of the European Court on Human Rights of 20 June 2011 on Case of "Kononov vs. the Russian Federation" (Complaint No. 41938/04), Paragraph 33; Resolution of the European Court on Human Rights of 12 February 2009 on Case of "Samokhvalov vs. the Russian Federation" (Complaint No. 3891/03) Paragraph 57; Resolution of the European Court on Human Rights of 16 July 2015, on Case of "Aleksey Borisov vs. the Russian Federation" (Complaint No. 12008/06) Paragraph 34. Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

8. Resolution of the European Court on Human Rights of 18 July 2017 on "Case of Sklyar vs. the Russian Federation" (Complaint No. 45498/11). Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

9. Resolution of the European Court on Human Rights of 13 March 2012 on Case of "Nefedov vs. the Russian Federation" (Complaint No. 40962/04) Paragraph 43, Resolution of the European Court on Human Rights of 12 February 2009 on Case of "Samokhvalov vs. the Russian Federation" (Complaint No. 3891/03) Paragraph 49, Resolution of the European Court on Human Rights of 14 October 2008 on Case of "Timergaliyev vs. the Russian Federation" (Complaint No. 40631/02) Paragraph 59. Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

10. Resolution of the European Court on Human Rights of 25 September 2008 on case of "Polufakin and Chernyshev vs. the Russian Federation" (Complaint No. 30997/02), Resolution of the European Court on Human Rights of 27 March 2014 on case of "Matytsina vs the Russian Federation" (Complaint No. 58428/10). Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

11. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 261-O of 27 February 2018 "On Refusal to Consider the Complaint of Petushkov Roman Grigorievich, a Citizen, on Violation of his Constitutional Rights Provided by Part Two of Article 52 and Part One of Article 88 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: <http://doc.ksrif.ru/decision/KSRFDecision322449.pdf>. Accessed: 5 January 2019.

12. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 424-O of 17 October 2006 "On Refusal to Consider the Complaint of Poberezhnev Alexander Vadimovich, a Citizen, on Violation of his Constitutional Rights Provided by the Statements of Paragraph 1 of Part One of Article 51 and

прав положениями пункта 1 части первой статьи 51 и части первой статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. № 424-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15446.pdf> (дата обращения: 05.01.2019).

13. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1. П. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29. П. 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. П. 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26. П. 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2017 г. № 5-АПУ17-18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 65-АПУ17-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 9 августа 2017 г. по делу № 10-13043/17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: приказ Генпрокуратуры России от 27 ноября 2007 г. № 189 (ред. от 08.05.2018). П. 1.9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000.

15. Руткевич В. Н. Диспозитивность в уголовном процессе // БГУ. URL: <http://elib.bsu.by> (дата обращения: 09.01.2019).

16. Петрухин И. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 24—25.

17. Штоль Д. С. Теоретические основы дефиниции принципа диспозитивности современного уголовного процесса // Вестник Челябинского

Part One of Article 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". Available from: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15446.pdf>. Accessed: 5 January 2019.

13. Paragraph 3 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of 5 March 2004. "On Applying the Rules of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by Courts"; Paragraph 7 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of 30 June 2015. "On Practice to Apply the Legislative Acts Ensuring the Right to Be Protected in Criminal Procedure Used by Courts"; Paragraph 16 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of 19 December 2013. "On Practice to Apply the Legislative Acts on Preventive Measures such as Imprisonment, Home Arrest and Bail Used by Courts"; Paragraph 10 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 26 of 27 November 2012. "On Applying Norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation Regulating Proceedings in the Court of Appeal"; Appeal Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-APU17-18 of 30 May 2017; Appeal Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 65-APU17-5 of 7 December 2017; Appeal Decision of the Moscow City Court No. 10-13043/17 of 9 August 2017 on case; Order of the General Prosecutor's Office of Russia No. 189 of 27 November 2007 (amended 08/05/2018). "On the Prosecutor's Supervision to Observe Constitutional Rights of Citizens in Criminal Proceeding", Paragraph 1.9. Available from: reference legal system "ConsultantPlus".

14. Shadrin V. S. Providing Rights of an Individual in Crimes Investigation. Moscow; 2000.

15. Rutkevich V. N. Dispositivity in Criminal Procedure. Available from: <http://elib.bsu.by>. Accessed: 9 January 2019.

16. Petrukhin I. Publicity and Dispositivity in Criminal Procedure. Russian Justice. 1999; 3.

17. Shtol D. S. Theoretical Basis of the Definition of the Dispositivity Principle in Modern Criminal Procedure. Vestnik of the Chelyabinsk State University. 2008; 31.

18. Criminal-Procedural Law: textbook for Bachelor's and Master's degree programs. Edited by V. M. Lebedev. Moscow; 2014.

19. Criminal Procedure. Edited by A. V. Smirnov. Moscow; 2017.

государственного университета. 2008. № 31.

18. Уголовно-процессуальное право: учеб. для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

19. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М., 2017.

© Чеботарева И. Н., 2019

Чеботарева Ирина Николаевна,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Юго-Западного государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: cheb_irina@mail.ru

Chebotareva Irina Nikolaevna,
associate professor at the department
of criminal process and criminalistics
of the Southwest state university,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: cheb_irina@mail.ru

* * *

*Н. И. Костюченко***ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ,
СВЯЗАННЫЕ С ОТСУТСТВИЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ «НАУКА УПРАВЛЕНИЯ»**

Автор рассматривает проблемы теории государственного управления, связанные с отсутствием научной специальности, которую можно определить как «управленческие науки: социальное и государственное управление». При этом обосновывается, что отсутствие такой научной специальности является основной причиной существующих проблем теории и практики управления государством, поскольку в этой ситуации у ученых нет мотивации для проведения таких научных исследований. Констатируется, что проведение исследований феномена «управление» с позиции подсистем государства по существующим специальностям (управление в социальных и экономических системах; управление процессами перевозок; экономика и управление народным хозяйством по отраслям и сферам деятельности; менеджмент) не позволило разрешить существующие проблемы государственного управления.

Ключевые слова: теория социального и государственного управления, социальная система, подсистема управления, система управления, виды управления, научная специальность.

*N. I. Kostuchenko***PROBLEMS OF PUBLIC MANAGEMENT
ASSOCIATED WITH THE ABSENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION
SPECIALITY „MANAGEMENT SCIENCE“**

The author examines the problems of public management associated with the lack of a scientific specialty, which can be defined as „management sciences: social and public administration“. It is justified that the absence of such a scientific specialty is the main cause of the existing problems of management theory and practice, since in this situation there is no motivation for scientists to conduct such research. It is stated that conducting research on the phenomenon of „management“ from the viewpoint of the subsystems of the state in existing specialties: management in social and economic systems; transportation process management; economics and national economy management according to branches and activity areas; management did not contribute to solution of the existing problems of government.

Key words: social and state management, social system, management subsystem, management system, types of management, scientific specialty.

В настоящее время в теории и практике управления социальными, прежде всего государственными, системами существует множество проблем и противоречий. К сожалению, по ряду причин эти проблемы остаются вне поля зрения ученых. Так, в научных изданиях образовательных организаций системы МВД России за последнее десятилетие мы не встретили работ, посвященных проблемам теории управления в ОВД. Например, ОВД не исследовались как разновидность социальной системы. Как следствие, не рассматривалась проблема системы управления ОВД, связанная с неодно-

значностью ее понятийного аппарата и соотношением функций управления ОВД.

Вместе с тем наличие проблем теории государственного управления, в том числе в сфере управления ОВД, в начале века неоднократно отмечалось многими учеными и практиками: Ю. Е. Аврутиным, А. И. Александровым, Н. В. Бугелем, Н. И. Буденко, В. З. Веселым, Г. М. Воскресенским, А. П. Герасимовым, А. П. Икопяном, С. А. Капитоновым, В. Я. Кикотем, А. П. Корневым, В. Д. Малковым, В. П. Переваловым, В. Д. Сальниковым, В. И. Селиверстовым, В. Т. Томиным, Г. А. Тумановым,

В. В. Четвериковым, В. С. Четвериковым и многими другими.

Однако за время, прошедшее с момента опубликования работ этих и других авторов, в сфере теории государственного управления так и не удалось получить каких-либо весомых результатов в части исследования проблем, существующих в теории и практике управления, а также определения путей их решения. В справедливости данного тезиса можно убедиться, обратившись к результатам социологического исследования, проведенного в системе ОВД МВД России Ф. В. Лидер в 2012 г. Только отдельные направления этого исследования констатировали: «70 % респондентов отметили наличие дублирования функций и полномочий; 42 % — наличие неоправданной перестройки организационных структур; 47,6 % — отсутствие четкого функционального разграничения; 57,7 % — необходимость ревизии имеющихся функций; 45 % — равномерное распределение функциональных обязанностей» [1].

Если рассматривать мнение респондентов о «70 % дублировании функций и полномочий» с точки зрения непроизводительных затрат рабочего времени, можно прийти к неутешительному выводу: на «производительные трудозатраты» по охране общественного порядка пришлось только 30 % рабочего времени сотрудников ОВД. При этом неоднократные реформирования структуры ОВД, которые должны были исключить дублирование деятельности подразделений, так и не принесли желаемых результатов. В связи с этим напрашивается вывод, что проведение научных исследований в сфере теории социального и государственного управления по-прежнему актуально. Целью этих исследований должно быть совершенствование теоретических основ управления социальными системами. Они, в свою очередь, должны послужить основой для обеспечения эффективного управления ОВД, в том числе и при решении проблем функционального дублирования деятельности ОВД. К сожалению, проблемы теории и практики управления в ОВД России зеркально отражают общие проблемы теории социального и государственного управления. Комплекс этих проблем подробно рассмотрен нами в ряде публикаций [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7], где обоснованы причины их возникновения в сфере теории управления социальными системами: «одностороннее и ограниченное» применение диалектического, конкретно-исторического, системного, структурного и функционального методов, а также нарушение методологии исследований. Существование

этих проблем и отсутствие путей их решения привело к разрыву теории и практики управления социальными системами.

Анализ сложившейся ситуации с точки зрения методологии показывает, что отсутствие трудов в области теории социального и государственного управления и односторонние подходы к проведению теоретических исследований в области отдельных подсистем государства (экономика, транспорт, менеджмент) и научных направлений (социология, административное право) обусловлены отсутствием научной специальности, в рамках которой должны проводиться и исследования феномена «управление» как общесоциального явления.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: теории управления отдельными видами (подсистемами) государственной системы (экономическими, техническими) и соответствующие им научные специальности существуют, а науки управления социальными и государственными видами систем и научная специальность, в рамках которой должны проводиться исследования такой направленности, отсутствуют. Отсутствие научных специальностей, связанных со сферой теории социального и государственного управления, привело к «исчезновению» ученых, желающих исследовать проблемы, связанные с феноменом управления, в том числе управления в системе ОВД.

Считаем уместным привести мнение доктора юридических наук по специальности «Управление в социальных и экономических системах» заслуженного деятеля науки России профессора В. Т. Томина. В предисловии к учебному пособию С. А. Капитанова «Основы управления внутренними делами» он отметил следующее: «Издание книги весьма своевременно, можно сказать злободневно, в связи с наметившейся тенденцией изживания из юридических наук науки управления. Незаметно исчезла она из специальности 12.00.02, в которой в 60-е годы первоначально появилась. А Приказом Министерства науки и технологий РФ от 25 января 2000 г. № 17/4 не предусмотрена уже и специальность 12.00.13, сменившая знаменитую 05.13.10 — управление в социальных и экономических системах (экономические, юридические и технические науки). К слову, в экономических науках аналогичная специальность сохранилась в неприкосновенности, что, впрочем, вполне естественно. Противоестественно упразднение росчерком чиновничьего пера перспективной научной специальности, причем противоестественно вдвойне, потому что в преамбуле министерского приказа

заявлено, что изменения в номенклатуре специальностей научных работников вносятся «с учетом развития новейших направлений науки». А ведь исследования в сфере управления в социальных и экономических системах и замышлялись как средство поиска новых инструментов для оптимизации правоохранительной и правоорганизационной деятельности, как средство привлечения в этих целях достижений других, не юридических, отраслей знания [8].

Характерно, что мнение В. Т. Томина, высказанное еще в 2001 г., остается актуальным. Это подтверждается практикой государственного управления, которая свидетельствует, что существующие научные специальности, призванные исследовать феномен «управление», не обеспечивают его полноценного исследования.

Так, научные специальности, связанные с феноменом «управление», в «Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени», существуют только:

- в технических науках: 05.13.10 — управление в социальных и экономических системах; 05.22.08 — управление процессами перевозок;

- экономических наук: 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством по отраслям и сферам деятельности, в том числе организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; менеджмент.

- социологических наук: 22.00.08 — социология управления.

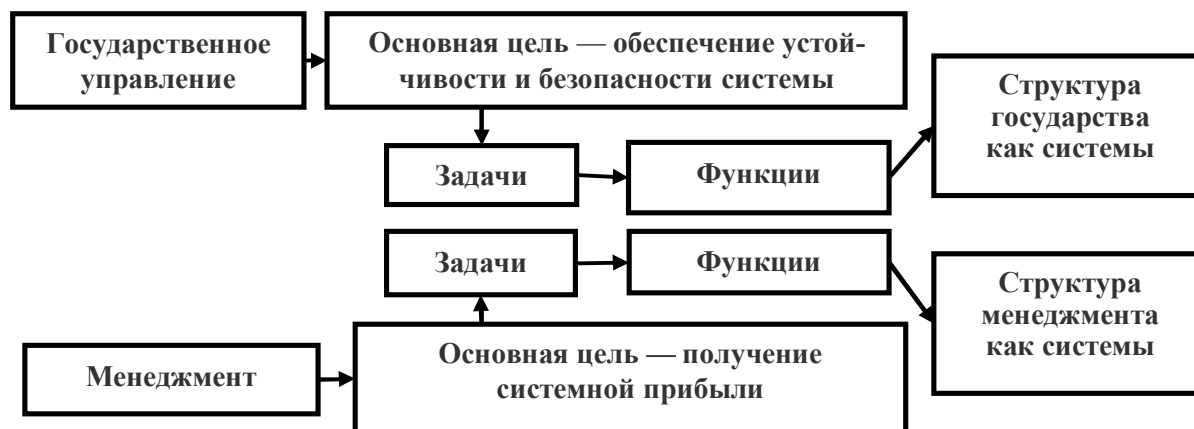
Феномен «управление» в перечне этих научных специальностей, безусловно, имеет право на существование, поскольку отдельные аспекты процессов управления в этих сферах невозможно исследовать вне этих дисциплин. Однако такие исследования ведутся только относительно некоторых видов управления, которые свойственны только отдельным социальным системам (экономики, производства, менеджмента, транспорта). При этом вне поля зрения ученых остается основополагающее обстоятельство: управление, как социальное явление, с точки зрения диалектики и теории социальных систем носит более общий и всеобъемлющий характер, чем виды управления экономикой, менеджмент или социология управления. По этой причине исследование данного феномена должно начинаться с наиболее общих

видов социальных систем (социальной и государственной систем).

В связи с этим феномен «управление» в рамках указанных научных специальностей не мог быть эффективно исследован в полном объеме как системный элемент, свойственный любой социальной системе. Именно по этой причине исследования проблем управления в ОВД, проведенные Ф. В. Лидер с позиций социологии, позволили выявить комплекс существующих проблем, но не смогли найти путей их решения, которые крайне необходимы для субъектов управления. Последнее обстоятельство легко объяснимо, если принять во внимание, что предметы исследования социологии и теории социального и государственного управления имеют существенные различия.

Аналогичная ситуация сложилась и в сфере исследований феномена «управление» в экономических науках. В этом нетрудно убедиться при обращении к теории социальных систем как одной из научных составляющих теории управления. Рассматривая экономику с точки зрения теории систем и теории управления, можно утверждать, что она представляет собой один из видов социальных систем и является результатом реализации экономической функции в конкретной социальной системе (государственной, негосударственной или их подсистемах). В этой связи экономику в системе государства необходимо рассматривать как одну из подсистем государственной системы, в числе которых присутствуют и другие подсистемы (финансов, здравоохранения, производственные, Министерства обороны, МВД и т. д.). В связи этим рассмотрение феномена «управление» в системе государства или ее подсистеме МВД с позиций только одной из подсистем государства — «подсистемы управления экономикой» вряд ли возможно. Это обусловлено тем, что цели, задачи, функции и структура подсистемы экономики будут отличаться от целей, задач, функций и структуры подсистемы ОВД, причем весьма существенно.

Подобные различия мы можем обнаружить и при сравнении элементов систем управления системы государства и подсистемы менеджмента, который присутствует в специальности «экономические науки».

Менеджмент в «Номенклатуре научных специальностей» отнесен к экономическим наукам. Как вид социальной системы «менеджмент» имеет основную цель — получение прибыли. В то же время основной целью социальной «системы государства» является обеспечение устойчивости и безопасности государства. Вполне естественно, что различие целей систем приведет к различию задач и функций этих систем, реализация которых обеспечивает решение задач и достижение целей этих систем. Как следствие, в системах государства и менеджмента существенные различия будут иметь и их структуры (подсистемы управления и взаимосвязи ее элементов). Последнее приведет и к различию содержательной части теории управления этими системами.

Таким образом, формировать науку управления социальными и государственными системами с позиций только двух видов подсистем государства, экономики и менеджмента, вряд ли возможно (более детально проблема соотношения феноменов «менеджмент» и государственное управление рассмотрена в ряде наших работ [2, 3, 9]).

В справедливости такого вывода можно убедиться и при рассмотрении этой проблемы с позиций диалектики в части соотношения категорий «общее» и «частное». В нашем случае все специальности «управления», существующие в «Номенклатуре научных специальностей», связаны с частными случаями социального феномена «управление» — отдельными видами управления свойственного отдельным подсистемам государства. Различие этих видов управления обусловлено закономерностями теории социальных систем, согласно которым все виды управления (управление экономикой, менеджмент, социология управления) являются системными образованиями (подсистемами) той или иной социальной системы.

С учетом сказанного можно утверждать, что в теории управления государством мы имеем дело с «частными» системными категориями, а госу-

дарственные и социальные системы являются категориями более общего порядка, как системы более высокого уровня.

Такой вывод обусловлен общепринятым определением управления, существующим в диалектике. В наиболее общем виде феномен «управление» определяется как «функциональный элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая: сохранение их определенной структуры, поддержание установленного режима деятельности» [10, с. 282]. Опираясь на данное определение, можно утверждать, что феномен «управление» как элемент, функция социальных систем, будет присутствовать в любом виде этих систем и их подсистемах. По этой причине он должен исследоваться наукой социального управления в наиболее общем виде относительно социальной и государственной систем, а как частный случай (самостоятельное социальное явление) — как управление той или иной подсистемой социальной или государственной системы.

Кроме того, упомянутый тезис подтверждается существующими проблемами управления, связанными с ошибочностью в определении общей и частной категории феномена «управление». Об этом свидетельствует история эволюции научной мысли в этих сферах научной деятельности. Многолетние исследования феномена «управление» в рамках упомянутых научных специальностей не смогли разрешить проблемы управления системой государства и системой государственных органов, в том числе органов МВД, поскольку попытки подменить теории социального и государственного управления теориями организации, менеджмента и социологией управления не принесли желаемых результатов.

В связи со сказанным относительно исследования проблем управления, которые связаны с соотношением диалектических категорий «общего» и «частного», заслуживает внимания мнение

В. И. Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы» [11].

Таким образом, проблемы теории и практики управления в системе государства в настоящее время невозможно решить без введения самостоятельной научной специальности, которую можно определить как «управленческие науки: социальное и государственное управление». Данное научное направление должно базироваться на таких науках, как философия, теория социальных систем, история, теория государства и права, информатика, социология и др.

Кроме того, учитывая, что феномен «управление» свойственен любой социальной системе и ее подсистемам, специальность управления должна присутствовать как вид научной деятельности применительно к любому виду систем и подсистем (например, управление: экономикой, производством, здравоохранением, транспортом, органами МВД и т. д.). При этом теоретическое обоснование управления этими подсистемами должно составлять особенную часть теории социального и государственного управления.

Только при такой постановке вопроса в части исследования проблем управления в социальных системах можно будет создать «Общую теорию управления социальными и государственными системами», которая будет содержать общую и особенную части, позволяющие разрешить множественные современные проблемы теории и практики управления.

В заключение необходимо подчеркнуть значение феномена «управление» для разрешения проблем теории и практики управления социальными системами. Для этого обратимся к мнениям ученых относительно роли управления для самого существования социальных систем, связанных с основополагающими элементами — функциями социальных систем, одной из которых является и функция управления.

Р. Drucker констатировал: «Экономическое и социальное развитие является результатом управления. Можно сказать без лишнего упрощения, что

не существует „слаборазвитых стран“. Есть только „слабо управляемые“ страны» [12].

В. Д. Перевалов полагал, что «функции государства по своей сути объективны. Поэтому у государства нет выбора, выполнять их или не выполнять. Невыполнение государством той или иной функции неизбежно вызывает цепную реакцию негативных (кризисных) последствий в общественной жизни. Если, например, государство перестанет выполнять функцию по обеспечению правопорядка, то рано или поздно общество будет дестабилизировано, наступит анархия, хаос, ведущие к его разрушению» [13].

Е. Б. Кубко отмечал, что «функция есть внутренняя эволюционная способность системы к определенной деятельности... если будет отсутствовать объективная возможность для эволюционно возможной функции, то она останется нереализованной, а если такая же возможность будет отсутствовать для эволюционно необходимой функции, то система погибнет» [14].

Характерно, что задолго до ученых, мнения которых приведены выше, еще в начале прошлого века, эту особенность феномена «управление» отмечал и А. Файоль: «правление держится на развитии и выполнении шести существенных функций; если одна из этих функций не выполняется, предприятие может погибнуть, или, во всяком случае — зачахнет» [15]. При этом А. Файоль говорил, что уже в то время назрела необходимость изучения «специальности управления» в высших школах.

Подводя итог рассмотрению феномена «управление» как научной проблемы, можно утверждать, что полноценное исследование этого феномена и реализации его как функции является жизненно необходимой потребностью любой социальной системы. Это предполагает необходимость введения в перечень научных специальностей самостоятельной специальности — «управление в социальных и государственных системах», в рамках которой можно осуществлять необходимые полноценные научные исследования феноменов «социального», «государственного» и любых других видов социального управления.

1. Лидер Ф. В. Особенности использования структурно-функционального подхода в управлении органами внутренних дел: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 24 с.

2. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар, 2018. 158 с.

1. Leader F. V. Features of the use of the structural-functional approach in the management of internal affairs bodies: a sociological aspect. Moscow; 2012.

2. Problems of theory and practice of social systems management. Krasnodar; 2018.

3. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: моногр. Краснодар, 2016. 352 с.

4. Костюченко Н. И. Неопределенность соотношения понятий «организация» и «управление» как причина проблем теории и практики управления // Общество и право. 2017. № 2. (60). С. 260—264.

5. Костюченко Н. И. Многозначность определения понятия «управление» в теории управления и административного права и проблемы управления социальными системами (на примере ОВД) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 214—218.

6. Костюченко Н. И. Свойство латентности функций как причина возникновения полифонии научных мнений относительно понятия «функций» социальных систем // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 170—174.

7. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами (исторический аспект формирования науки управления и научно-практическое наследие А. Файоля) (столетию выхода в свет работы А. Файоля «Общее и промышленное управление» посвящается) // Философия права. 2017. № 3 (82). С. 144—149.

8. Капитонов С. А. Основы управления внутренними делами: учеб. пособие / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2001. С. 5—6.

9. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами на современном этапе // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 311—315.

10. Философская энциклопедия: в 5 т. М., 1960—1970. Т. 5. С. 282.

11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Москва, 1963. Т. 15. С. 368.

12. Drucker P. Technology, Management and Society. New York, 1970. P. 35.

13. Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 70.

14. Введение в теорию государственно-правовой организации социальных систем / под общей ред. Е. Б. Кубко. Киев, 1997. С. 33.

15. Файоль А. Общее и промышленное управление. М., 1923. С. 21.

© Костюченко Н. И., 2019

3. Classification of the functions of social systems: theoretical and legal foundations. Krasnodar; 2016.

4. Kostuchenko N. I. Uncertainty of the relationship between the concepts of “organization” and “management” as the cause of problems in management theory and practice. Society and Law. 2017; 2. (60): 260—264.

5. Kostuchenko N. I. The ambiguity of the definition of “management” in the theory of management and administrative law and the problems of social systems management (on the example of ATS). Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016; 3 (33): 214—218.

6. Kostuchenko N. I. The latency property of functions as the cause of the emergence of polyphony of scientific opinions on the concept of “functions” of social systems. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2017; 4 (43): 170—174.

7. Kostuchenko N. I. Problems of the theory and practice of social systems management (the historical aspect of the formation of management science and the scientific and practical heritage of A. Fayol) (dedicated to the centenary of the publication of the work of A. Fayol “General and industrial management”). Philosophy of Law . 2017; 3 (82): 144—149.

8. Kapitonov S. A. Fundamentals of internal affairs management. Edited by V. I. Seliverstov. Moscow; 2001: 5—6.

9. Kostuchenko N. I. Problems of the theory and practice of social systems management at the present stage. Society and the Law. 2015; 3 (53): 311—315.

10. Philosophical Encyclopedia: in 5 volumes. Moscow, 1960—1970. Volume. 5.

11. Lenin V. I. Complete. collected cit. Moscow; 1963. Volume 15.

12. Drucker P. Technology, Management and Society. New York; 1970.

13. Theory of state and law. Edited by V. D. Perevalov. Moscow; 2008.

14. Introduction to the theory of state-legal organization of social systems. Edited by E. B. Kubko. Kiev; 1997.

15. Fayol A. General and industrial management. Moscow; 1923.

© Kostuchenko N. I., 2019

Костюченко Николай Иванович,
профессор кафедры тактико-специальной
и огневой подготовки
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

Kostuchenko Nikolay Ivanovich,
professor at the department
of tactical-special and fire training
of the Crimean branch
of the Krasnodar university
of the of the Ministry of the Interior
of Russian Federation,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

* * *

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ»

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-50037 от 4 июня 2012 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761

ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Уголовное право и криминология.
3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
4. Страницы истории.
5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи должен быть не менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева

и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- приставный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.52008;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков государственной образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте;
- рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России, с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук и научным званием доцента или профессора соответствующего научного профиля);
- подписанный авторский договор в двух экземплярах (договоры на одного и на нескольких авторов размещены на сайте академии. Договор подписывают все авторы статьи);
- авторская справка об отсутствии в тексте статьи сведений, имеющих ограниченное распространение или предназначенных для служебного пользования;
- справка о проверке рукописи статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения с приложением заключения, сформированного программой.

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.
Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».
E-mail: rio-vamvd@yandex.ru.
Тел. (8442) 24-83-50, 24-83-54, 24-83-55.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета ВА МВД России по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

Рецензирование статей, представляемых для опубликования в журнале, осуществляется в два этапа: внешнее и внутреннее рецензирование. В качестве внешней рассматривается рецензия, подготовленная специалистом в соответствующей отрасли науки, не являющимся сотрудником (работником) ВА МВД России. Рецензентами в данном случае могут выступать лица, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук и научное звание доцента или профессора, либо руководители подразделений государственных органов или общественных организаций, чья деятельность непосредственно соответствует тематике статьи. В отдельных случаях при возникновении необходимости рецензирования статьи специалистом-практиком к рецензированию могут привлекаться сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры, судов, адвокатуры и т. д., чья профессиональная деятельность соответствует тематике статьи, направляемой на рецензирование.

На этапе внутреннего рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА
на публикацию статьи в журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России»

1. Сведения об авторе

1.1. ФИО полностью	
1.2. Ученая степень	
1.3. Ученое звание	
1.4. Место работы	
1.5. Должность	

2. Контактная информация

2.1. Почтовый индекс, адрес места работы, рабочие телефоны	
2.2. Почтовый индекс, домашний адрес, домашний телефон	
2.3. Мобильный телефон	
2.4. E-mail*	
2.5. Контактная информация для опубликования в журнале (телефон или e-mail)	

3. Информация о статье

3.1. Название статьи	
3.2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3.3. Ключевые слова	
3.4. Рубрика**	

4. Другие сведения

4.1. Подпись автора	Я не возражаю против того, чтобы указанные мной в пп. 1.1, 1.5 и 2.5 сведения были опубликованы в открытом доступе «___» _____ 20__г. _____ (подпись)
---------------------	--

* Наличие e-mail обязательно.

** Указать желаемую рубрику в соответствии с рубрикацией журнала.

Внимание! При неправильно заполненной заявке и предоставлении неполной информации вопрос о публикации статьи рассматриваться не будет.